

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

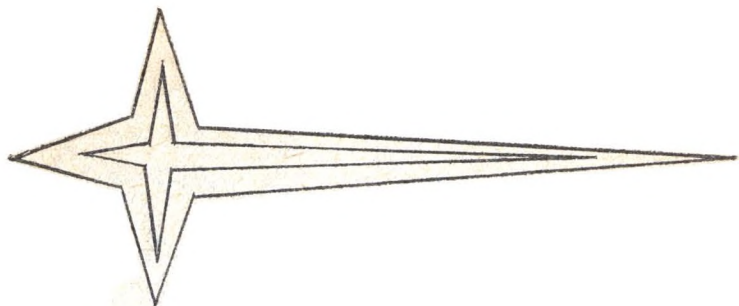
М. Корн
Д. Мак-Тенн
КОРТ НА КОРТЕ

I WAS NEVER SATISFIED
WITH SECOND BEST,
I HAD TO BE TOPS IN EVERYTHING DID.

МЕНЯ НИКОГДА НЕ УДОВЛЕТВОРЯЛА
РОЛЬ ВТОРОЙ,
Я ВСЕГДА ДОЛЖНА
БЫЛА БЫТЬ ПЕРВОЙ
ЧТО БЫ НИ ДЕЛАЛА

MARGARET COURT
GEORGE MCGANN

COURT ON COURT

LONDON

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

МАРГАРЕТ КОРТ
ДЖОРЖ МАК-ГЕНН

КОРТ НА КОРТЕ

МОСКВА
„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“

Серия «Звезды зарубежного спорта»

М. Корт, Д. Мак-Генн

КОРТ НА КОРТЕ

●
Заведующий редакцией **А. Ю. Гринштейн**
Редактор **Л. С. Борисова**
Художник **Е. Я. Герзон**
Художественный редактор **В. А. Галкин**
Технический редактор **С. С. Басипова**
Корректор **В. А. Шашкова**

●
ИБ № 1026. Сдано в набор 06.04.82. Подписано к печати 08.09.82. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Журнально-рубль». Высокая печать. Усл. п. л. 9,24+0,84 вкл. Усл. кр.-отг. 10,54. Уч.-изд. л. 9,82+0,49 вкл. Тираж 75 000 экз. Издат. № 6962. Зак. 130. Цена 1 р. 10 к.

●
Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 101421, ГСП, Москва, К-6, Каляевская ул., 27

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гейм, сет, матч Маргарет Корт	7
Предисловие	10
Глава 1. Дома в Албери	13
Глава 2. Жизнь в Мельбурне	26
Глава 3. Первая поездка за границу	34
Глава 4. За границей самостоятельно	54
Глава 5. Игры на Кубок Федерации	74
Глава 6. Уимблдон выигран	81
Глава 7. Вкус любительства	90
Глава 8. Полоса выигрышей кончилась	96
Глава 9. С проторенной тропы	101
Глава 10. Скука. Уход из большого спорта. Замужество	105
Глава 11. Возвращение	112
Глава 12. Открытые турниры. Англия. Бэрри	117
Глава 13. Еще раз почти... а затем триумф!	120
Глава 14. Бэрри	132
Глава 15. Год тревог	134
Глава 16. Дэнни бросает вызов	138
Глава 17. Что такое «Вирджиния Слимс»?	144
Глава 18. И жизнь становится суровее и люди ожесточеннее	149
Глава 19. Фиаско в матче с Риггсом	152
Глава 20. Разные сложности	157
Глава 21. Центр тенниса	159
Глава 22. Новый вызов	162
Глава 23. Марика	168
Глава 24. Я вернулась!	170
Глава 25. И снова «Вирджиния Слимс»	173

ББК 75.577
К 69

Перевод с английского О. Морозовой
и Л. Капустиной

Корт М., Мак-Генн Д.

К 69 Корт на корте: Пер. с англ.; Предисл. О. В. Морозовой.— М.: Физкультура и спорт, 1982.— 176 с., + вкл. 8 л. (Звезды зарубежного спорта).

В книге, написанной в содружестве с журналистом Джоржем Мак-Генном, выдающаяся австралийская теннисистка рассказывает о своем спортивном пути, о победах и поражениях, о встречах с ведущими игроками мирового тенниса.

Книга адресована широкому кругу читателей.

К $\frac{60902-112}{009(01)-82}$ 22-82 4202000000

ББК 75.577
7А8.4

© 1975 by Margaret Smith Court and George McGann

© Перевод на русский язык, «Физкультура и спорт», 1982 г.

Нет на земном шаре такой теннисной страны, где бы не прозвучали эти слова. Победы, победы, победы. Их было много, очень много у знаменитой австралийки, больше, чем у кого-либо в теннисном мире. Коллекция Маргарет Корт насчитывает большую часть из существующих в настоящее время мировых титулов. Победительница Уимблдонского турнира в одиночном, парном и смешанном разрядах — неоднократно. Чемпионка открытых первенств Австралии, США, Франции, Италии. Обладательница Большого шлема 1970 года — самого почетного для теннисиста звания. За век существования этого вида спорта четыре турнира Большого шлема (первенство США, Австралии, Англии и Франции) в один год смогла выиграть еще только одна спортсменка, не менее знаменитая американка Мануэль Конноли в 1953 году. Всего же в домашнем музее Маргарет Корт хранятся шестьдесят шесть призов за победы в этих самых крупных и самых ответственных соревнованиях. Рекорд, который пока никто не побил. Приезжала эта выдающаяся спортсменка и в Советский Союз для участия в московском международном турнире. С первых мячей, разыгранных на кортах Лужников, было ясно, что ее домашняя коллекция должна пополниться еще одним титулом. Что ж, так оно и случилось. На параде закрытия московские зрители аплодировали великолепной победе Маргарет Корт.

То был 1965 год. Знакомство мое с этой спортсменкой произошло несколько раньше. Я только начинала теннисный путь, и все, что со мной происходило в этот период, происходило впервые. Впервые член сборной команды страны, впервые участвую в международных соревнованиях за рубежом, впервые живу атмосферой Уимблдонского турнира, вижу лучших из лучших теннисистов мира и среди них — Маргарет Корт.

Случилось это в маленьком английском городке Бэкизмс, который расположен недалеко от

Лондона и куда наша сборная команда прилетела для участия в международном турнире, традиционно проводимом местным клубом. Маргарет Смит (в то время она выступала под своей девичьей фамилией) возглавляла десятку сильнейших теннисисток мира. Естественно, что все кругом, и особенно пресса, уделяли ей большое внимание. Стоило только появиться в клубе, как толпа любителей тенниса и репортеров окружала ее со всех сторон. Тысячи вопросов, сотни автографов, казалось, от всего этого голова должна пойти кругом. Но нет. Спокойно, чуть высокомерно, не повышая тона своего высокого голоса, Маргарет любезно отвечала на все вопросы, подписывая левой рукой (играла она правой) энное количество автографов. Снисходительной, далеко не радостной улыбкой, поблагодарив за внимание, плавной, величественной походкой с высоко поднятой головой отправлялась она в комнату отдыха.

Наконец Маргарет на площадке. Молниеносные выходы к сетке, мощная размашистая подача, резкие звучные удары с лёта и смех, как удар молнии пронзающий землю. От всего увиденного захватывало дух. Немудрено, что в тот момент Маргарет показалась мне сверхчеловеком и сверхтеннисисткой. Помню, как вся команда подшучивала и посмеивалась надо мной, видя мое впечатление и замешательство при появлении знаменитой австралийки. Аня Дмитриева, в то время лидер нашей сборной, зная мое к ней доверие и уважение, пыталась помочь выйти из этого состояния, предложила, шутки ради, дотронуться до Маргарет. Но даже ее добрые слова не произвели должного эффекта. Маргарет Смит оставалась для меня нереальной.

Думаю, в тот момент никому, и тем более мне, не могло прийти в голову, что через несколько лет эта нереальная сверхтеннисистка предложит мне играть в паре.

После того как мы стали партнерами, нам приходилось встречаться довольно часто. Обычно партнеры не только вместе играют, но и чаще, чем с другими игроками, вместе тренируются, проводят свободное время. С каждым разом я узнавала Маргарет все больше, открывала новые черты ее характера, которые она пыталась скрыть своей манерой поведения, так поразившей меня при первой встрече.

Она оказалась довольно скрытным человеком и не всегда доброжелательным. Была требовательна к себе, но и не давала пощадки партнеру как в игре, так и в тренировке. Не могу сказать, чтобы я любила тренироваться с ней. Но никогда не отказывалась, так как знала, польза от игры с таким мастером очень большая. Темп, в котором она вела тренировку, был очень высок, но меня это не страшило, ведь и свою игру я строила на скорости. Правда, было неприятно, что каждый раз, говоря спортивным языком, она работала только на себя. С такой тренировки уходишь уставшим физически и морально.

Играть пару с Маргарет было и легко, и сложно. Легко, так как партнер столь высокого класса знал и мог сделать очень многое. Трудно, так как любая, порой ничего не значащая, ошибка сопровождалась проницательным взглядом осуждения. Я ждала, что постепенно Маргарет откроет мне секреты правильного ведения игры, но нет — этого не случилось. Если мы обсуждали теннис, то только парные игры, дополнительную информацию об игроках я получала только по конкретно интересующему ее матчу. Разговорить ее было очень трудно, особенно на теннисные темы.

Манера, или, вернее, стиль, в котором Маргарет вела игру, не была очень сложной, но все комбинации выполнялись с безукоризненной чистотой. Главное оружие — мощь. Часто говорили, что Корт — это типичное создание австралийской школы тенниса, базирующейся в то время на большом объеме физической подготовки. Ее атлетическая фигура говорила о том, что слова эти верны. Имея большой физический запас, Маргарет обладала и острым профессиональным глазом, невероятным спортивным чутьем. Она часто угадывала форму соперников не только по игре, но и по внешнему виду. Я не помню соревнований или отдельного матча, который эта спортсменка провела бы на низком уровне. Конечно, бывали дни не совсем удачной игры, но если она и проигрывала, то только равной себе. Несколько раз я встречалась с Маргарет и в одиночных соревнованиях. Каждый раз это была проверка как моих теннисных возможностей, так и физической готовности. Практически все матчи проходили в острой борьбе, но выиграть мне не довелось. Однажды до победы оставалось только два мяча, но выиграть весь матч так и не посчастливилось. Думаю, не смогла преодолеть легенду о ее непобедимости.

Больше пятнадцати лет Маргарет Корт в десятке сильнейших теннисистов мира, нередко ее фамилия стояла в первой строчке мировой классификации. Атлетизм и мощь, которые она внесла в современный женский теннис, послужили толчком для развития нового направления в этом виде спорта. Много приятных часов подарила она своей игрой любителям тенниса. Много сделала и для популяризации женского тенниса как в своей стране, так и в мире.

Матчи Маргарет Корт останутся в книгах и учебниках тенниса примером классической игры. Последний раз я видела ее в Австралии во время проведения Кубка Федерации 1978 года, куда она была приглашена в качестве почетного гостя турнира. К тому моменту Маргарет оставила активные выступления в соревнованиях и большую часть времени проводила дома, занимаясь воспитанием детей, домашним хозяйством. Однако теннис она не бросила. Регулярно посещает клуб, нередко комментирует теннисные матчи по телевидению. Не удержалась она и в Мельбурне, вышла на травяную площадку, которая еще помнит ее недавние победы. Движения, удары знаменитой австралийки были такими же четкими, звучными, не потеряли профессиональности, лишь скорость передвижения по корту стала чуть медленнее.

Эта небольшая книга, дорогие читатели, расскажет вам, как из маленькой деревенской девочки Маргарет Смит выросла звезда самой большой мировой величины — Маргарет Корт. Вместе с ней вы будете путешествовать из города в город, из страны в страну, с турнира на турнир, и каждый раз вам предоставится возможность быть участником ее побед и поражений, триумфа и огорчений. Перед вашим взором откроется путь, который проходил и проходит практически каждый теннисист высокого класса. Чемоданы, аэродромы, номера в гостиницах. Годы, годы, годы, которые порой отсчитывались еще одним чемпионатом. Жизнь такого рода кажется заманчивой, полной экзотики, приятных неожиданностей, блеска.

Так ли это?..

Ольга Морозова,
заслуженный мастер спорта СССР

Недавно группа журналистов разных стран, пишущих о теннисе, была призвана для того, чтобы выбрать самую великую теннисистку всех времен. Никого не удивил тот факт, что легендарная француженка Сюзанна Ленглен была названа первой в этом списке. Второй журналисты назвали не менее знаменитую Хелен Уиллс из Калифорнии. За ними в этом списке следовали австралийская теннисистка Маргарет Смит-Корт, американки Билли Джин Кинг и Моурин Коннолли.

Выбор Ленглен и Уиллс был почти автоматическим — обе они были суперзвездами тех незабываемых двадцатых годов и стояли высоко в списках неповторимых спортсменов, чьи имена и по сей день звучат громко в мировом спорте: Джек Демпси, Вэйб Рут, Билл Тилден, Бобби Джонс и французские мушкетеры Брюньон, Коше, Лакост и Боротра.

Эти спортсмены остались в памяти тех, кто видел их. Даже те, кто не видел их воочию, к таким отношусь и я, кто знает их только по отрывкам старых хроник и пожелтевшим отчетам, отдают им дань уважения.

К тому времени, когда ряд журналистов Америки, Великобритании, Франции, Италии и Австралии были призваны назвать имена лучших, я уже работал с Маргарет Корт над этой книгой. Конечно, я много раз на протяжении ее незабываемой карьеры видел ее игру и следил за ее восхождением с того самого дня, как она стала чемпионкой Австралии в семнадцать лет. И тем не менее был удивлен результатами своих поисков в отчетах о соревнованиях. Оказалось, что Маргарет Корт доминировала в мировом женском теннисе как легендарный колосс в течение четырнадцати лет — с 1960 по 1973 год, выиграв беспрецедентное количество титулов — 61 титул Большой четверки в одиночных, парных и смешанных разрядах. Ни один другой теннисист за всю историю тенниса, будь то мужчина или женщина, даже не приблизился к этой удиви-

тельной цифре. Наиболее близок по достижениям Рой Эмерсон, соотечественник Маргарет, — он завоевал 28 таких титулов.

Боле того, Маргарет завоевала Большой шлем в одиночных играх, выиграв чемпионаты Австралии, Франции, Уимблдона и в Форест-Хиллсе в 1970 году, а также в смешанном разряде со своим соотечественником Кеном Флетчером в 1963 году.

В добавление к этим победам в большой четверке Маргарет выиграла девять раз титул чемпионки Италии, восемь раз — чемпионки ФРГ и т. д.

Дороти Эллисон, известная английская журналистка, подсчитала, что в период с 1960 по 1973 год Маргарет сыграла 1003 матча, выиграв 929 из них. Какой другой игрок, будь то мужчина или женщина, достигал столь удивительного результата? Маргарет проиграла тридцати одному игроку из сотен, с которыми ей пришлось встречаться на протяжении четырнадцати лет выступлений в мировом теннисе, но эти поражения меркнут в свете ее удивительных побед. Наиболее длительная и ожесточенная борьба шла у нее с Билли Джин Кинг. Молодая теннисистка из Калифорнии победила молодую теннисистку из Австралии в Уимблдоне в 1962 году, но Маргарет выиграла затем у Билли Джин девять раз подряд в следующем году. Билли Джин была игроком номер один в мировом теннисе только в тот период, когда Маргарет покидала теннис. На протяжении своей карьеры в теннисе Маргарет и Билли Джин встречались в турнирах и командных соревнованиях тридцать четыре раза. Маргарет выиграла двадцать один матч, Билли Джин — тринадцать.

В свете таких достижений я не мог не назвать Маргарет первой в списке лучших теннисисток всех времен. Но я был в меньшинстве. Потрясающие достижения Маргарет не дали ей возможности завоевать должное уважение и шумное признание ни в среде специалистов, ни среди болельщиков. И это объясняется несколькими причинами. Первая: ее природная застенчивость и скромность держали ее на расстоянии от людей, а особенно от болельщиков. Многие годы она была одинока, даже после замужества ее жизнь не стала более светской в теннисном мире. Вторая причина: ее уходы из тенниса, когда в ее отсутствие на теннисном небосклоне заблестали более обаятельные теннисистки, как, например, Билли Джин Кинг, Ивонн Гулагонг и Крисс Эверт.

Те специалисты, которые называли Сюзанну Ленглен величайшей теннисисткой всех времен, и среди них такие уважаемые специалисты, как Эллисон Данциг, известный в свое время корреспондент «Нью-Йорк таймс», и английский модельер Тедди Тинлинг, который не один раз был судьей на вышке во время ее матчей, указывали, что она буквально царствовала на заре двадцатых годов, когда в течение пяти лет оставалась непобежденной. Ни один игрок не мог встать вровень с ее искусством. Французская звезда захватила воображение теннисного мира своими движениями балерины и драматическими способностями. Все соперницы были унылыми и тусклыми по сравнению с нею.

В те дни Сюзанну приветствовали как королеву тенниса, но более близкое знакомство показывает, что ее сфера деятельности была ограниченной. Фактически она сводилась почти исключительно к ежегодным появлениям в Уимблдоне в то время, когда мастерство игры теннисисток было довольно невысоко (Элизабет Райан, Китти Мак-Кейн и Ламберт-Чамберс — едва ли непреходящие

имена ее соперниц), и турнирам в ее родной Франции. Ее продолжительные победы на чемпионатах Франции вплоть до первой мировой войны следовали одна за другой, когда в этих соревнованиях разрешалось участвовать только французским теннисистам и когда в стране не было больше теннисисток примерно того же уровня. Единственное выступление Сюзанны в Америке обернулось скандальным фиаско. Она вышла из борьбы после проигрыша Молле Мэлори в самом начале турнира — это было ее первое и единственное выступление в чемпионате США в 1921 году в Форест Хиллсе. В истории выступлений Сюзанны Ленглен подозрительно большой список отказов от участия в турнирах, где условия или, может быть, соперники не устраивали ее.

Элен Уиллс имела значительно больший список международных соревнований, чем французская теннисистка. «Мисс Бесстрастное лицо», как прозвали ее журналисты, Элен восемь раз выигрывала чемпионат Уимблдона в одиночном разряде, дважды была чемпионкой Франции (когда чемпионаты стали наконец открытыми для иностранных теннисистов) и семь раз в период с 1923 по 1931 год становилась чемпионкой своей страны в Форест Хиллсе. Но Элен Уиллс была известна тем, что выходила из состязаний не доигрывая матча, если видела, что позиция ее проигрышная. Так произошло, например, в финальном матче в Форест Хиллсе в 1933 году против Элен Джекобс. При счете 0:3 в третьем сете Элен Уиллс пожаловалась судье на вышке на боль в ноге и прекратила матч.

Такого рода поведение абсолютно чуждо Маргарет Корт. На протяжении своей долгой карьеры в теннисе ей случалось отказаться от матча, но только из-за сильных судорог, которые мучали ее. Нередко Маргарет поднималась больная с постели или нарушала запрет докторов только потому, что не хотела разочаровать соперника или ожидающих болельщиков.

Маргарет — профессионал в высоком смысле этого слова. Это, бесспорно, нужно принимать во внимание, когда приходится сравнивать ее с легендарными теннисистками прошлого Ленглен и Уиллс.

Если Маргарет Корт является одной из самых лучших современных теннисисток, как то доказывают ее достижения, значит, ее следует считать лучшим игроком всех времен. Поскольку только будущая звезда, возможно, будет в состоянии затмить ее рекорды.

Поговаривали, что Маргарет, путешествующая с турнира на турнир с мужем и двумя детьми, остается в теннисе, должно быть, только из-за денег. Но те, кто хорошо знал ее, абсолютно уверены, что это не так. Ею двигали мотивы, весьма далекие от финансовых вознаграждений, столь сильных в сегодняшнем теннисе. Однако не будем уклоняться от ее способностей зарабатывать деньги — они поистине огромны с точки зрения любых стандартов.

Отношение Маргарет к выступлениям в соревнованиях и победам в теннисе — это часть ее философии, основывающейся на простых, но глубоких религиозных убеждениях. Теннис для Маргарет — это не просто игра, это жизнь.

Джорж Мак-Генн

Воспоминания о днях, проведенных в родном доме в Албери,— самые дорогие для меня. Помню мальчишек, с которыми играла на Эбден-стрит — среди моих близких друзей не было ни одной девочки,— помню рыбалку с отцом на реке Муррей по вечерам. Это были дни, полные радостей. Мы носились по полям, лазали по деревьям, собирали птичьи яйца, играли в ковбоев и индейцев. И были корты. Казалось, теннис всегда был частицей моей жизни, даже тогда, когда я еще стеснивалась с ним случайно.

Отец мой был единственным кормильцем семьи, в которой росли четверо детей. Когда приходится думать о том, как бы свести концы с концами, естественно, не до тенниса. Но наш дом в предместье Албери оказался как раз на одной из улиц, ведущих к клубу городской ассоциации тенниса. Там были травяные корты, и я долго была убеждена, что в теннис играют только на траве. И лишь впервые отправившись в турне за океан, я узнала, что большинство людей никогда не видели травяных кортов, популярных в Австралии, Англии и восточной части США.

Корты Албери были недостижимы для меня и моих товарищей по играм. Они были «только для членов». Частенько останавливалась я у входа и наблюдала за играющими в белоснежных костюмах.

«Настанет ли такое время, когда я смогу быть среди них?» Каким образом, я не знала, но была уверена, что теннис станет частью моего будущего. Однако даже в мечтах не могла себе представить, что он станет делом всей моей жизни.

Я была сорванцом, заводилой среди ребят нашей улицы. Нас так и называли «ватага Смит». Мы играли в футбол и крикет, и я всегда была в центре всех игр. Я никогда не играла в куклы и интересовалась только мужскими видами спорта.

Город Албери — узловая станция, железнодорожная и автомобильная, на центральной дороге Сидней — Мельбурн, на границе штатов Новый Южный Уэльс и Виктория. Многие годы пассажиры, путешествующие из одного штата в другой, должны были делать пересадку, так как ширина рельсов в двух штатах была разной. Об этом ходило много анекдотов. И только совсем недавно она стала стандартной.

Наш дом стоял на углу, у большой дороги. Для меня это было таким же удобством, как и корты через дорогу. Около дома большак делал резкий поворот, и здесь гигантские полуприцепы здорово снижали скорость. Именно в этом месте наша ватага пряталась в придорожных кустах. Стоило только водителю взяться за ручку тормоза, как мы выскакивали из засады и цеплялись за задний борт платформы. Висеть таким образом было для нас огромным наслаждением, а как только водитель после поворота начинал набирать скорость, мы спрыгивали и снова прятались в кустах в ожидании следующей машины. Кто-то из родителей случайно застал нас как-то за столь опасной игрой и разогнал по домам, но на следующий день мы снова были на прежнем месте.

Думаю, одной из причин, почему я была вожаком нашей ватаги, было то, что отец мой возглавлял отделение мороженого местного молочного завода. Воскресным утром я становилась самым популярным подростком города, поскольку отец брал меня и еще нескольких моих друзей с собой на завод и разрешал нам съедать столько мороженого, сколько мы хотели.

Мы очень дружили с отцом. Я была самой младшей из четырех. Кевин родилась на тринадцать лет раньше, Винсент и Джун следом — один за другим. Отец увлекался рыбной ловлей и стал брать меня с собой на реку, как только я стала ходить. Обычно я держала сеть, пока

он разматывал ее, потом он стал давать мне удочку. Тогда я и обнаружила любовь к спорту, которая никогда уже не покидала меня. И теперь мое любимое занятие, кроме тенниса,—рыбная ловля и приготовление улова.

Все свободное время я проводила вне дома. Любила лазать по деревьям за птичьими яйцами и собрала приличную коллекцию. Обычно мы клали яйцо в рот, пока спускались с дерева, но порой не доносили их — они лопались. До сих пор помню этот ужасный вкус сырого яйца. И тем не менее нам доставляло удовольствие собирать их.

Река Муррей притягивала нашу ватагу словно большой магнит. Мы ловили форель и треску на самодельные лесы, используя для наживки все, что удавалось раздобыть, и добивались не меньших успехов, чем взрослые со своими дорогими рыболовными снастями. Мы придумывали самые различные развлечения на берегу. Бывало, привязывали веревку к ветвям дерева, разбегались и раскачивались на веревке над водой. В один прекрасный день, как и следовало ожидать, веревка оборвалась и я плюхнулась в воду. Правда, к тому времени я уже умела плавать и могла доплыть до берега без особых трудов. Друзья покатались со смеху, когда я вылезла на берег, отряхиваясь от воды словно вымокший насквозь пес.

Что бы я ни делала, как бы ни развлекалась в то время, теннисные корты манили неотступно меня. Мы, детвора, начали «играть» в теннис посередине дороги, подбирая выброшенные за ненадобностью мячи, которые находили под забором клуба. Моей первой «ракеткой» была длинная тонкая палка, немногим толще прута, которую я где-то раздобыла. Промахивалась я чаще, чем попадала по мячу такой примитивной «ракеткой», но желание иметь собственную, настоящую крепло день ото дня.

Это свершилось, когда мне исполнилось восемь. Одна из маминых приятельниц, часто заходившая к нам, увидела как-то мои тщетные усилия попасть по теннисному мячу обломком палки. Другие ребята раздобыли где-то старые, разбитые ракетки, а у меня и такой не было. Мама, конечно, не могла купить мне. И вот эта самая приятельница, понаблюдав за нашей игрой, сказала маме:

— У меня дома есть старенькая ракетка — она подойдет Марг.

Я едва дождалась следующего ее визита к нам. И вот счастливый день настал. Это оказалась одна из старинных больших ракеток с квадратной головкой. Она была настолько тяжелой, что я едва могла взмахнуть ею. Струны у нее обмякли и местами полопались, деревянная ручка не имела кожаной обмотки. Но сердце мое трепетало от счастья. Я ухаживала за ней, как только могла, и играла ею не один год. С нею я даже выиграла первые в моей жизни соревнования среди ребят не старше десяти лет.

Став счастливой обладательницей ракетки, я решилась на следующий шаг: проникнуть на корты клуба. Еще с тремя членами нашей ватаги, мальчишками конечно, через забор мы пробрались на самый дальний корт, подальше от бдительных глаз тренеров. Большая изгородь скрывала этот корт от здания клуба.

Я выяснила, что нас могут увидеть, только если мяч полетит высоко над задней линией. Таким образом, я выбрала позицию у сетки, а партнеры встали вдоль задней линии. Моя идея заключалась в том, чтобы задерживать мячи, не давая им ударяться в заднюю стенку. Когда мне говорят, что у меня хороший удар с лёта, я отвечаю, что это был первый удар, с которым я познакомилась. И все же, несмотря на мои героические усилия в тот первый день, мяч пролетал мимо меня, и мистер Раттер, тренер клуба, быстро обнаружил нас.

— Убирайтесь к черту, — заорал он на нас, и все мы бросились удирать через дыру в заборе. Но Уол Раттер больше бранился, чем сердился на самом деле. Он так и не заделал дыру в заборе, хотя знал, что мы рыщем вокруг кортов в ожидании удобного момента. Уол и его жена стали моими хорошими друзьями и относились ко мне как к члену своей семьи.

Вскоре после нашего первого вторжения на корты мистер Раттер организовал воскресные вечерние занятия для местных ребят, на которых я всегда появлялась первой и была самым прилежным учеником, каких он когда-либо имел.

Я часами тренировалась, стуча мячом о стенку каменного гаража около нашего дома или подвесив его на веревке на дереве во дворе.

От природы я левша и начинала играть левой рукой.

Но мальчишки, с которыми я играла, говорили мне, что среди хороших теннисисток нет ни одной, играющей левой рукой.

Я выслушала так много насмешек, что в конце концов взяла ракетку в правую руку и играю так и по сей день. Мне всегда казалось, останься я левшой, никогда бы не сталкиваться мне со столькими проблемами с подачей. Буквально только несколько лет назад я стала подавать именно так, как того хотелось. Мне также всегда больше нравился левый удар, чем правый, потому что он для меня более естествен, равно как и для Кена Розуолла — также природного левши, обращенного в правшу. У Кенни левый удар — один из самых мощных в мировом теннисе, но вот подача его далека от совершенства.

Моя одержимость теннисом привела к осложнениям в школе. Я начала учиться в местной католической приходской школе. Мама была убежденной католичкой, и я всегда была очень религиозной. Мне нравились молитвы, религиозная атмосфера школы, но я ненавидела уроки, классную работу. Все время, проводимое в стенах школы, я тосковала по улице. Как только заканчивались занятия, я устремлялась на школьный двор, чтобы присоединиться к мальчишкам, играющим в крикет или в футбол. В школе меня считали ужасным сорванцом. Однажды монахиня распекла меня за то, что я не выполнила домашнюю работу, а когда я попыталась ответить ей, подозвала к себе и оттягала за ухо, ко всеобщему удовольствию класса.

— Ты проводишь слишком много времени на корте, — заявила она. — Бесконечный теннис и теннис. Ты пренебрегаешь своими школьными обязанностями.

На следующее утро в классе учительница спросила меня, сказала ли я маме о полученном в школе замечании. Я ответила, что сказала. И это была чистая правда. Но она не поверила мне. И снова поставила перед всем классом, назвала лгуньей и потребовала извиниться.

— Я не лгу, — ответила я, — И мне не в чем извиняться.

Учительница была взбешена и заставила меня стоять перед классом все утро. Во время завтрака я решила, что с меня довольно и этой учительницы, и школы вообще: собрала свою школьную сумку и отправилась домой.

Я рассказала маме, что произошло, как я была несправедливо унижена перед лицом всего класса.

— **Никогда больше не вернусь в эту школу,** — заявила я.

Мама была в ужасе:

— Конечно, ты вернешься, — сказала она, отправляя меня из дома и сажая на велосипед.

Я отъехала за угол дома и просидела там до самого вечера. Когда я вернулась домой, мама спросила, была ли я в школе.

— Нет, не была, — ответила я. — Не собираюсь возвращаться туда.

Так продолжалось два дня. Я упорствовала, несмотря на мамины просьбы и угрозы. Наконец преподобная матушка в сопровождении учительницы пришла к нам в дом:

— Миссис Смит, мы хотим, чтобы Маргарет вернулась.

Я рассказала им, что произошло и почему считаю себя несправедливо униженной. Несмотря на все, что они говорили, я отказывалась вернуться.

— Упрямая — это слово я слышала несколько раз на протяжении всего разговора. Я много не говорила, но наотрез отказалась вернуться в эту школу.

В итоге мама сдалась. Она согласилась отправить меня в другую школу.

— Ты не пойдешь в гражданскую школу, — сказала она. — Я отправлю тебя к Святой Августине в Водонгу.

Водонга находилась по ту сторону реки в штате Виктория, около четырех миль от Албери. Меня не пугали ежедневные поездки на автобусе или велосипеде. Мне понравилось там, и особую симпатию я почувствовала к директорисе, почтенной матушке Адриан. Она увлекалась спортом и поддерживала мое увлечение теннисом. Она даже разрешала мне не приходиться в школу во время соревнований, когда я стала уже серьезно участвовать в них. Я также играла в теннис с некоторыми священниками, связанными со школой. В этой школе я оставалась до четырнадцати лет, а потом перешла в колледж в Албери, где изучала стенографию и машинопись.

Еженедельные занятия, организованные мистером Ратером, стали для меня своеобразной стартовой площадкой в теннис. Мне было девять. Вместе со мной занимались 150 мальчишек и девчонок, зачисленных за плату два шиллинга в неделю. Это были типичные группы, организованные и в нашем, и в других штатах. В те по-

слевоенные годы теннисный бум захватил Австралию. Наша команда лидировала в Кубке Дэвиса, и Лью Хoad и Кен Розуолл были национальными героями. Казалось, каждый из моих знакомых ребят мечтал стать чемпионом по теннису. Мечтала об этом и я.

Мистеру Раттеру помогали заниматься с этой группой почти все ведущие игроки Албери, который был теннисным центром округа и воспитал таких теннисистов, как Рекс Хартвиг и Боб Марк. Они разделили нас на три группы. Когда мне исполнилось тринадцать, меня перевели в группу, где занимались ребята тринадцати лет и старше. И вскоре я уже побеждала большинство мальчишек и девочек. Некоторые девочки роптали, что я бью «слишком сильно».

Прошло несколько месяцев, и меня назначили демонстрировать ребятам все, чему нас обучали. Меня ставили перед группами показывать удары, я должна была также ходить по кортам и помогать ребятам осваивать хватку ракетки и удары. И вот тут-то я почувствовала, что стану хорошим игроком. Я была наблюдательна и полна решимости тренироваться и тренироваться.

Мистер Раттер был одним из сильнейших игроков Сиднея, обладал легкой манерой игры и был отличным тренером. Я обязана ему многим и признательна за его поддержку и помощь в тот период моей жизни. Он заинтересовался мною и занимался каждый вечер, даже когда ужасно уставал после целого дня, проведенного на корте. Он знал, что мои родители не имеют лишних средств, и никогда не брал с меня денег за занятия. Мне поручали различные мелкие работы на корте, продажу холодных напитков и бутербродов в небольшом киоске. Таким образом у меня появились карманные деньги. Я также красила стойки, размечала белые линии на корте и даже водила мощную косилку, подстригая траву на корте. У Раттеров никогда не было детей, и они очень привязались ко мне. Их дом стал моим вторым домом. Отец разделял мое увлечение теннисом, но мама никогда не понимала этого и не одобряла. Думаю, маме, естественно, хотелось, чтобы дочь была дома, рядом с ней, а во мне было слишком много от сорванца.

Я фактически жила на корте. Всегда была готова быть четвертым в паре мужчин, приходивших играть вечером после работы и по выходным дням. Таким образом я освоила игру с лёта. Я понимала, что, для того чтобы от-

бывать их мячи, должна научиться играть как мужчина. И я училась.

Никогда не тренировалась я с женщинами или девочками, только с мальчишками и мужчинами.

Я выигрывала наши местные чемпионаты школьников среди девочек каждый год. Мистер Раттер организовывал турниры ребят до двенадцати, тринадцати лет и других «до» в конце каждого тренировочного сезона, и я выиграла четыре из них до того, как уехала из Албери. До сих пор храню свой первый приз — небольшую фигурку Будды. Когда мне вручили ее, то я едва не расплакалась от разочарования. Но мама успокоила меня: «Тот, кто вручил тебе китайского Будду, принес тебе удачу. Храни эту фигурку». И я хранила ее и до сих пор ценю больше, чем великолепные серебряные кубки и другие трофеи, которые выигрывала.

Несмотря на то, что мама не одобряла моего увлечения теннисом, она всегда помогала с костюмом, когда мне предстояло выступать на соревнованиях. Мама и отец всегда давали мне деньги на карманные расходы, когда я уезжала на соревнования, платили вступительные взносы за участие в турнирах, несмотря на то что это было весьма ощутимо для их скромного бюджета. Я всегда буду признательна им за помощь и самоотверженность.

Мама умерла в 1971 году. Отец и сейчас живет в Албери с моей сестрой, и я непременно заезжаю повидать его, когда бы ни ехала домой или из дома в Перте (Западная Австралия). Оба они — типичные сельские жители, добрые и любящие. Правда, они несколько преувеличивают мои успехи в теннисе, наслушавшись радио и наблюдая телепередачи из Уимблдона, начитавшись броских заголовков обо мне в газетах. Но для них я всегда останусь «маленькой Маргарет», и они встречают меня с распростертыми объятиями, когда я заглядываю к ним в короткие промежутки между турнирами. По таким случаям мама всегда приглашала соседей на чашку чая, а они, бывало, сообщали мне обо всех местных новостях. В этих разговорах мы почти не касались тенниса, не говорили о тех местах, где я побывала. Это была часть моей жизни, которой они не касались. Мама видела мою игру, только когда я выступала в Албери, да и то, я думаю, не больше одного-двух матчей. Отец интересовался моими успехами в теннисе, но когда он работал, у

него не было ни времени, ни денег на поездки. Только однажды он видел матч, в котором я выиграла титул чемпионки Австралии в Мельбурне. А теперь он чувствует себя слишком старым, чтобы принимать мои приглашения на турниры, которые проходят в больших городах. Он стал немного хуже слышать и не любит летать самолетом.

Я была единственной из семьи Смитов, заинтересовавшейся теннисом. Сестра Джун никогда не имела склонностей к спорту, да и братья Кевин и Винсент никогда особенно не интересовались играми. Оба они стали профессиональными велосипедистами и выступали на большом велодроме в Мельбурне. Велосипедный спорт все еще очень популярен в Австралии, хотя в других странах он постепенно теряет свою популярность.

Вся семья следила за моими успехами по печати, когда я уезжала на турниры в другие страны, и праздновала мои большие победы. В интервью не так давно мой отец сказал:

— Я помню, как Маргарет впервые выиграла Уимблдон. Всю ночь нас не покидало волнение. После ее победы пробки не уставали вылетать из бутылок шампанского. Это было потрясающе. Я был самым счастливым человеком в Австралии в ту ночь.

Сказал отец и о том, как много значил всегда для меня теннис:

— На корте она всегда была очень решительна. Если она проигрывала, то приходила и говорила: «Папа, в следующий раз я у нее выиграю».

Я не знаю, откуда в ней такая решительность. Она очень решительная девочка. И никогда не сдавалась.

Мистер Раттер не имел привычки высказывать восторги. Бывало, я возвращалась с турнира и говорила ему, что выиграла в финале в третьем сете, а он посмотрит на меня и скажет:

— И очень плохо — ты знаешь, что можешь выиграть в двух сетах.

С самого начала он воспитывал меня в таком духе. Что бы я ни делала, он не бывал достаточно удовлетворен — я всегда должна была играть лучше.

— Если ты хочешь играть в Уимблдоне, стать чемпионкой, ты должна подготовиться работать и работать, — бывало, говорил он мне. — Тебе придется отказаться от многих вещей, чтобы взойти на вершину тенниса.

Я впитывала каждое его слово, каждый его совет. С первых дней занятий я хотела быть лучшей. Если решимости и самоотверженного труда для этого достаточно, то я готова была отдать теннису все, что имела.

В свои двенадцать лет я была чрезмерно высокой, тощей — кожа да кости, как ручка ракетки. Но у меня были хорошие атлетические данные — я хорошо играла в баскетбол и другие игры с мячом и была очень вынослива. Я могла играть целый день и не уставать.

С самого начала я стала играть со взрослыми игроками, не говоря уже о тренировках с бизнесменами. В двенадцать лет я была включена в команду Албери, в которую входили еще три игрока, на соревнования сельской недели, проходившие в Сиднее. Это ежегодные соревнования, проводимые известным городским клубом Уайт-сити в Сиднее среди сельских городков штата Новый Южный Уэльс. Для меня была большая честь быть названной игроком номер два нашей команды. Первым игроком была взрослая женщина, по меньшей мере лет на десять старше меня. Я выиграла все свои матчи, а наша команда, победив теннисистов Ньюкастла, выиграла соревнования. Выиграла я и соревнования среди младших девочек, которые проводились в рамках сельской недели. Это было мое первое знакомство с таким большим городом, как Сидней. Меня привели в благоговейный трепет громадный городской клуб Уайт-сити, его многочисленные травяные корты и трибуны, вмещавшие рекордное число зрителей — двадцать пять тысяч. Мне очень понравилась атмосфера клуба, и, несмотря на его гигантские размеры, я чувствовала себя здесь как дома.

Игры сельской недели проходили на дальних кортах клуба. В том же году, но несколько позднее, мне удалось сыграть на центральном корте — на чемпионате штата Новый Южный Уэльс среди тринадцатилетних ребят. Я попала в финал, где встретилась с Лесли Тернер, девочкой на месяц моложе меня. Лесли обыграла меня с обескураживающей легкостью со счетом 6:1. В последующие годы я не раз встречалась с нею и постоянно обыгрывала ее.

Самым трудным для меня противником в те годы была Джен Лехейн, которая тренировалась у Вика Эдвардса, широко известного как тренера, воспитывающего отличных теннисисток. Его лучшей воспитанницей, конечно, является Ивонн Гулагонг. Джен была моей Неме-

зидой в выступлениях на чемпионатах Австралии среди юниоров. Я доходила до финалов юношеских чемпионатов штата Виктория и Австралии, которые считались весьма трудными для детей тринадцати лет. Но каждый раз проигрывала Джен, которая была на год старше меня и обладала таким же отличным ударом слева двумя руками, как позже знаменитая Крисс Эверт.

Нет нужды рассказывать, как мистер Раттер прореагировал на мой выход в финал этих двух турниров. Он подробно разобрал мое поражение Джен.

— Тебе часто придется встречаться с этой девочкой в будущем,— говорил он мне.— И никуда не будет тебе хода, пока ты не победишь ее. Так что старайся изо всех сил.

Мне понадобилось довольно много времени, но я все-таки выиграла у нее со счетом 6:1, 6:3 в Кубке Уилсона*, когда мне было семнадцать. Я рассматривала эту победу как веху в своей теннисной карьере, она вселила в меня уверенность, что с этих пор мне будет сопутствовать удача.

К четырнадцати годам в моей коллекции было около пятидесяти призов, считая первый приз — маленького китайского Будду. Тогда уже я стала понимать, что мне придется покинуть Албери, если серьезно думаю о теннисе. С мистером Раттером мы вели долгие разговоры о моем будущем. Он был согласен, что мне придется уехать из Албери. Сидней — самый большой город штата Новый Южный Уэльс — казался нам наиболее подходящим для начала местом.

Мистер Раттер вел переговоры с несколькими спортивными фирмами о моей работе и возможности тренироваться. В те годы такая практика была повсеместна в Австралии. Почти все без исключения известные игроки — и мужчины и женщины — после второй мировой войны работали в фирмах «Данлоп», «Шлезингер», «Спэлдинг» или более мелких производителей ракеток. Некоторые страны, особенно Соединенные Штаты, считали работу в таких фирмах нарушением правил любительского спорта. Но в Австралии эти правила интерпретировали более либерально. Кен Розуолл, например, регулярно получал зарплату уже в пятнадцать лет, и в даль-

* Соревнования на Кубок Уилсона проводятся в Австралии между командами штатов, в состав которых входят девушки.

нейшем получал ее даже тогда, когда большую часть времени проводил в турнирах на Кубок Дэвиса, проходивших за рубежом. Когда он появлялся в Австралии, то играл показательные игры, организуемые его предпринимателями в различных городах, и выполнял различные другие функции, главным образом связанные с рекламой.

Однако представители официальных кругов, связанные с выпуском спортивных товаров, не были заинтересованы в моей персоне в те годы. Они предпочитали заключать контракты с Джен Лехейн или Лесли Тернер, которые были более известны публике и которые, казалось, имели более блестящее будущее. Во мне видели всего лишь «сельского подростка», пока еще не готового войти в мир большого тенниса.

Вик Эдвардс наблюдал за моей игрой в финале одиночных игр юниоров. Я тогда проиграла и страдала от такого ужасного поражения — 0:6, 1:6. И, несмотря на это, после игры он сделал мне несколько приятных комплиментов по поводу моей игры и того, как я двигаюсь на корте. Он также сказал Джен:

— Наблюдай за Маргарет, — теперь она будет твоим постоянным соперником.

В то время мне было тринадцать, и Джен не приняла слова Эдвардса всерьез.

Мистер Эдвардс сказал, что с удовольствием поможет мне в теннисе, но постоянно тренировать меня не сможет. В то время Джен жила в семье Эдвардс, и жила там с одиннадцати лет, как позже в течение многих лет жила Ивонн, и мистер Эдвардс уже не мог стать и моим тренером. Соперничество между Джен и мной было слишком серьезным, чтобы у нас был один тренер.

Естественно, я была расстроена отношением, которое выказали мне сиднейские теннисные фирмы. Я была уязвлена, но не собиралась отказываться от мысли о теннисной карьере только из-за этого. Наоборот, теперь я еще тверже была уверена в необходимости уехать из Албери, покинуть родной город. Но куда отправиться? Ответ на этот вопрос вскоре нашелся.

Бывший чемпион Австралии Фрэнк Седжмен, который в то время успешно занимался бизнесом в Мельбурне и участвовал в турнирах профессионалов, проездом оказался со своей теннисной труппой в Албери, и мистер Раттер рассказал ему обо мне. Фрэнк понаблюдал немного за моей игрой и, по-моему, остался доволен. Он

сказал, что я должна участвовать в чемпионате девушек — учащихся викторианских школ в Мельбурне, который будет вскоре проходить, — там он сможет понаблюдать за мной в игре.

Я приехала в Мельбурн и выиграла чемпионат среди девушек до девятнадцати и девятнадцати лет. Мне тогда было четырнадцать. За финалом наблюдали Фрэнк и один из ведущих тренеров Мельбурна Кейс Роджерс, который, как Керри Мелвилл и Керри Харрис, активно работал в юношеском теннисе. Мнение Фрэнка и Кейса о моей игре было положительным. Они считали, что я довольно неопытна, но достаточно упорна и решительна. Кейс и я позже часто смеялись, вспоминая тот матч.

— Ты была неуклюжей провинциалкой, — говорил он, — но одна вещь меня восхищала — ты обладала увесистым ударом и хорошо шла на мяч, у тебя было жуткое желание достать мяч во что бы то ни стало. Это понравилось мне.

Несколько месяцев спустя, в начале 1958 года, Фрэнк предложил мне работу в своем мельбурнском офисе — стенографировать и печатать на машинке. Он также условился с Кейсом Роджерсом о том, что тот станет тренировать меня и будет заниматься со мной в гимнастическом зале, чтобы укрепить мою костлявую конституцию. Поскольку в школе я изучала машинопись и стенографию, делопроизводство, то чувствовала, что справлюсь с предлагаемой работой.

Однако предстояло покинуть дом и переехать в большой город, а ведь мне было всего пятнадцать лет. У мамы, как только об этом заходила речь, появлялись слезы на глазах.

— Почему тебе не остаться дома, ведь другие девочки живут же в родном доме?

Я была последним ребенком в семье, еще оставшимся в родном доме. Братья уже были женаты, сестра уехала жить в Мельбурн. Но у меня не было и тени сомнений относительно того, что я должна делать дальше. Теннис был единственной вещью, имевшей для меня значение. Я твердо была убеждена, что должна оставить свою школу, уехать из Албери, чтобы совершенствоваться в теннисе. Оставшееся до отъезда время мама шила мне одежду, в основном рубашки и блузки, так как мне предстояло сменить шорты и брюки, к которым я так привыкла в домашней атмосфере нашего городка. Ког-

да мама провожала меня на вокзале, мы обе едва сдерживали рыдания.

Это был конец детства, я начинала самостоятельную жизнь.

Глава 2

ЖИЗНЬ В МЕЛЬБУРНЕ

Моя сестра Джун жила в пансионе на окраине города, и я приехала к ней. Она работала оператором теле-тайпа на железной дороге. Жизнь вместе с сестрой помогала бороться с чувством одиночества, которое неотступно преследовало меня в самом начале моей самостоятельной жизни. Но постепенно я втянулась в ритм новой жизни, тем более что оказалась настолько загруженной, что у меня едва хватало времени подумать о своем одиночестве.

Мысли мои чаще были заняты тем, как заработать семь фунтов в неделю. Четыре фунта пятнадцать шиллингов уходило на питание, и оставалось немногим более трех фунтов на все остальные нужды. Большею частью эта оставшаяся сумма уходила на поездки поездом и трамваем. Мой рабочий день был заполнен бегом от дома до работы, от работы до гимнастического зала, от гимнастического зала до теннисного корта, который был расположен на дальней окраине Мельбурна.

Кроме Фрэнка Седжмена, который предоставил мне работу и дал возможность тренироваться, еще три человека сыграли большую роль в моей жизни в Мельбурне.

Одним из них был Кейс Роджерс. Он не только ежедневно работал со мной над техникой, но и разработал персонально для меня программу физической подготовки. Утром в 6.30 он уже был около моего дома и бегал вместе со мной в близлежащем парке. Позже, днем, он занимался со мной на теннисном корте. Мы работали часами, отрабатывая удары справа, слева, с лёта, пытаюсь улучшить их точность. Удар у меня всегда был тяжелый, сильный, почти как у мужчин. Но я никогда не была уверена, где приземлится мяч.

Кейс позже говорил:

— Маргарет была отличным соперником. Даже на тренировках она вела себя так, словно играла в финале Уимблдона.

Фрэнк Седжмен имел гимнастический зал в деловой части города. Там я под руководством Стена Николса занималась физической подготовкой. Я любила тренироваться в этом зале. Мне приходилось живее раздеваться (я занималась вместе с мужчинами), пока не входили другие занимавшиеся, а потом соревновалась с ними в беге, различных упражнениях и даже в подъеме тяжестей. Стен, ставший одним из моих близких друзей, разработал специальную программу занятий с учетом специфики тенниса. Обычно я работала с ним пять раз в неделю. Зал не был приспособлен для занятий женщин, поэтому он соорудил временную ширму, за которой я могла бы переодеваться. После занятий он, бывало, стоял на карауле около душа, чтобы никто не мог войти, пока я моюсь.

Стен не был близко знаком с теннисом, но он сыграл большую роль в том, чтобы мое физическое развитие отвечало требованиям тенниса, и это очень помогло мне в дальнейшем. Я думаю, что все, чего я добилась в теннисе, во многом объясняется именно тем, что физически я была лучше подготовлена, чем другие теннисистки. Стен добился того, что я стала быстрее передвигаться по корту — ведь я была высокой, и это было важно для меня. Он знал, что во мне очень сильно желание тренироваться, и с самого первого дня занятий подбадривал меня как только мог. Разработанная им программа физической подготовки учитывала мои особенности и возможности. Он придумал упражнения, чтобы укрепить запястье, пальцы, предплечье для хорошего замаха. Он давал мне различные упражнения, позволявшие совершенствовать подачу, смеш, развивать прыгучесть, быстроту. Много внимания уделял развитию силы мышц ног. Для того чтобы укрепить сердечную мышцу, он рекомендовал систему бега, которой я следовала под руководством Кейса Роджерса.

Стен помогал тренироваться моему соотечественнику чемпиону олимпийских игр в беге Х. Эллиотту, работал почти со всеми известными австралийскими теннисистами, например с Хоадом, Розуоллом, Хартвигом, Купером.

— Эти ребята серьезно занимались атлетикой,— ска-

зал как-то в одном из интервью несколько лет спустя Стен,— но я могу сказать без преувеличения, что Маргарет даст в этом сто очков вперед половине из них. В гимнастическом зале она также тренировалась вместе с атлетами, занималась очень упорно. Кое-кто из них посмеивался над ней, потому что мужчины не любят, когда женщина их обгоняет. В шестнадцать лет она добилась удивительного...

Я много занималась с отягощениями, чтобы развить мышцы рук и плеч. Когда в Мельбурне я каждый день тренировалась со Стеном, то нередко жаловалась:

— Не хочу так много заниматься с тяжестями, буду слишком мускулистой, тяжеловесной.

Стен смеялся, подтрунивал надо мною. Он всегда подшучивал над моим интересом к предметам дамского туалета. Мне очень нравились красивое белье, одежда, но я не могла себе их позволить. В школе мы занимались шитьем, и все занавеси и покрывала у нас дома я сшила своими руками. А вот шить для себя одежду никогда не любила.

Несмотря на то что росла я сорванцом, воспитывали меня так, как и подобает воспитывать девушку. Мама никогда не одобряла моего увлечения теннисом. Ей хотелось, чтобы я была ближе к ней, помогала по дому. Это было вполне естественно. Я ведь самая младшая в семье. Сестра Джун, которая была на семь лет старше меня, очень любила одеваться. Заинтересовалась и я этим, когда переехала жить к ней в Мельбурн.

Я всегда придерживалась мнения, что женственность нельзя приносить в жертву физическому развитию. Когда я занималась любительским спортом, представители прессы нередко задавали мне вопрос:

— Не думаете ли вы, что женщины-спортсменки стали слишком физически развитыми?

Поскольку я была первой австралийской теннисисткой, которая после подачи предпочитала играть с лёта, многие считали, что это и сделало меня слишком физически развитой. Поговаривали, что играю я «как мужчина». Считали даже, что мои постоянные тренировки в гимнастическом зале вместе с мужчинами сделают меня чересчур тяжеловесной. Дело в том, что я была одной из первых теннисисток, которые стали осваивать комплексы физических упражнений. Спорт в то время, особенно в Австралии, был в основном привилегией муж-

чин. Но все это должно было измениться с ростом престижа женского тенниса. Сейчас в спорте на женщин смотрят просто как на атлетов, и никто даже не задумывается об их женственности.

Меня же никогда не покидало желание не утратить своей женственности. Стен понимал это и не заставлял использовать в тренировках слишком большие отягощения. Как опытный массажист, он здорово помог мне, когда у меня произошли осложнения с ногой. Я всегда поддерживала с ним переписку, в какой бы части света ни находилась. И куда бы ни ехала через Мельбурн, обязательно загляну в его зал.

В тот год я выиграла Большой шлем* — это был 1970 год. И вдруг у меня стала уменьшаться икра правой ноги, как потом выяснилось, из-за образовавшегося тромба. И когда Стен увидел меня на чемпионате Австралии в следующем году, он сказал:

— Надо срочно что-то делать с ногой, восстанавливать мышцу, иначе не миновать тебе неприятностей.

Так я снова пришла к нему в гимнастический зал. Занимался он со мной две недели, и скоро мышца правой ноги стала снова такой же, как и левой. А ведь пока Стен не обратил внимания, я не замечала никакой разницы.

В то время он был приглашен Нилом Фрезером, капитаном австралийской команды — участницы Кубка Дэвиса 1973 года, работать с Родом Лейвером, Джоном Ньюкомбом и Кеном Розуоллом. Задача, которая была поставлена перед ним, — физическая подготовка этих игроков к соревнованиям против команды Соединенных Штатов. Они должны были состояться в Кливленде. Многих удивили результаты, которые показали эти теннисисты, не один год выступавшие в профессиональном теннисе, после занятий физической подготовкой по программе Стена. Убедительной победой над американскими теннисистами со счетом 4:1 они во многом были обязаны отличной физической подготовленности команды. Особенно Лейвер, у которого в то время была полоса

* Звание обладателя Большого шлема — самое почетное звание в теннисе. Его удостоивались считанные игроки. Это звание присваивается тому теннисисту, который в один год смог стать победителем самых значительных в мире турниров: открытых первенств Австралии, Франции, Великобритании (Уимблдон) и Соединенных Штатов Америки (Форест Хиллс).

проигрышей,— он снова заиграл как в юности. Стен слишком скромный человек, чтобы приписывать себе лавры победы австралийцев. Но тот, кто знает его так, как знаю я, не колеблясь скажет: в том, что наши теннисисты в тот год снова завоевали Кубок Дэвиса, большая доля и его труда.

Ни Кейс Роджерс, ни Стен Николс никогда не требовали вознаграждения за те бесконечные часы, которые они проводили, работая со мной в те далекие дни в Мельбурне. Я должна была отплатить им полной самоотдачей, беззаветной преданностью теннису, отличной подготовленностью. Я должна была выбросить из головы все, кроме тенниса.

В те часы, когда девушки, которые работали вместе со мной в офисе, по вечерам спешили на свидания с молодыми людьми, я была уже в постели. Я чувствовала себя глубокой провинциалкой. Ведь я даже не употребляла никакой косметики до тех пор, пока мне не исполнилось семнадцать лет.

Несмотря на бесконечную занятость теннисом, порой наступали моменты, когда во мне просыпалось жгучее желание вернуться домой, в Албери, к милым сердцу окрестностям родного дома, к кортам через дорогу. Но постепенно я приобретала друзей, которые помогли мне побороть чувство одиночества, тоску по родному дому.

Фрэнк Броклхерст — директор предприятия «Флекстро» Фрэнка Седжмена, где я работала, стал мне вторым отцом. Сам Фрэнк Седжмен большую часть времени проводил в поездках на турниры, и я видела его очень редко. Бывало, изредка столкнется со мной, когда окажется в Мельбурне, и обязательно хоть чем-нибудь да поможет.

Мистер Броклхерст относился ко мне как к одной из своих трех дочерей — они были приблизительно моих лет. В любой момент я могла поговорить с ним о своих затруднениях. Он оказал мне огромную помощь в те годы, когда у меня были разногласия с официальными представителями австралийского тенниса. Когда мне бывало трудно, я всегда находила его дружескую поддержку. Я и теперь непременно навещаю эту семью, как только бываю в Мельбурне, постоянно переписываюсь с ними.

Спустя несколько месяцев после переезда в Мельбурн я пришла к выводу, что жить в том районе, где мы

жили с сестрой, чрезвычайно трудно. В пансионе я должна была быть в 18.30, иначе оставалась без обеда. Я оказывалась перед выбором между обеденным столом и кортом, и очень часто мой аппетит одерживал верх над страстным желанием играть в теннис.

В конце концов я стала жить с семьей Седжменов и провела вместе с ними в Брайтон Бич около двух лет. Обычно я помогала жене Франка — Джин по дому и с четырьмя маленькими дочерьми. Джин пробудила во мне интерес к стряпне, чем я никогда не занималась, живя дома с отцом и матерью. Позже я жила в семье Янгов. Джон и Далси имели троих детей. Далси была отличной кухаркой, и я научилась у нее многому, что пригодилось мне, когда я обзавелась своей собственной квартирой в Мельбурне. Когда я стала ездить на турниры за границу, то начала коллекционировать рецепты — где бы я ни была, обязательно что-нибудь привезу и сейчас.

В тот первый год пребывания в Мельбурне мне пришлось очень нелегко, но я испытывала удовлетворение. Я высоко ценила все то, что делали для меня многие люди, и была полна решимости не подвести их, не разочаровать. Я готова была сделать все, чтобы доказать Кейсу, Стену и Франку, что глубоко уважаю их. Поскольку я никогда не могла отблагодарить их материально, то с самого начала решила, что буду выказывать свою признательность, благодарность, постоянно совершенствуя свою игру. Я никогда не довольствовалась ролью второй, я должна была быть на высшей ступеньке во всем, что бы ни делала.

Чувствуя недостаток образования, я решила, как только возможно, восполнять пробелы. Никогда не забуду свое первое интервью по радио вскоре после того, как приехала в Мельбурн. Когда я слушала передачу, мне было трудно поверить, что это говорю я. Мне было ужасно стыдно, потому что говорила я ужасно, провинциально. Я настолько бедно выражала свои мысли, что, слушая себя, испытывала смущение, неловкость.

Когда я стала жить с семьей Седжменов, то сказала Джин:

— С этого дня, как только я скажу что-нибудь неправильно, поправляйте меня. Это единственный путь научить меня говорить правильно.

Она, бывало, поправляла меня, и я ценила это. Позже я просила делать то же самое Далси Янг и мистера Броклхерста, и они помогали мне работать над моей речью.

С того памятного интервью по радио во мне проснулось жгучее желание развить свою речь, и даже в поездках за рубеж я постоянно училась. Может быть, поэтому и стала хорошим слушателем.

Я всегда должна была работать и работать — ничего не давалось мне легко. Но зато многому научилась, и, наверное, это единственный путь для меня. Теперь понимаю людей и высоко ценю все, что они делают. Я никогда и ничего не воспринимала как само собой разумеющееся — вот почему иногда благодарю судьбу за то, что родители мои не были состоятельными людьми. Я должна была всего добиваться своими собственными силами, и это много мне дало. Именно поэтому я добились всего того, что сегодня имею.

Возвращаясь к тем далеким дням юности, я думаю о том, как люди, помогавшие мне тогда, с готовностью отдавали свое время и свой талант. Они проводили со мной бесконечные часы, но никогда не жалели об этом. Если я проигрывала, это огорчало их. Вот почему меня никогда не удовлетворяла роль второй.

Фрэнк Седжмен не только обеспечил меня работой, но и отдавал мне все свободное время, когда появлялась необходимость. Я высоко ценила его благородство, великодушие, но никогда не чувствовала себя с ним так просто, как с Кейсом и Стеном. Вспоминая о том времени, я думаю, что он всегда был для меня «мистером Седжменом». В конце концов, он же был моим боссом. Он довольно часто разминался со мной на корте, но о теннисе я узнавала больше благодаря Кейсу. Фрэнк никогда не ободрял меня. Я иногда даже думаю, что он особенно и не верил в то, что я добьюсь чего-нибудь в теннисе. Он всегда был сдержан со мною, и мы никогда не были близкими друзьями.

Кейс и Стен остаются и по сей день моими хорошими друзьями. Меня всегда поражали терпение и преданность Кейса Роджерса по отношению ко мне. В любую погоду — в дождь и снег — каждое утро, едва начинало светать, он был у моего дома, готовый к занятиям бегом. И каждый вечер я приходила с ним на корт. Позже Кейс и его жена арендовали корты на побережье в Ментоне,

милях в шестнадцать от Мельбурна. И тогда конец недели я постоянно проводила в Ментоне с группой игроков, девочек и мальчиков. Целый день мы играли, а потом Кейс возглавлял нашу группу — мы совершали пробежку по побережью. После этого, совершенно обессиленные, буквально падали в постели.

Иногда в выходные Роджерсы увозили нас в горы, где целый день мы лазали по горам, а по вечерам собирались вокруг костра, жарили мясо и вели нескончаемые разговоры. И разговаривали мы, конечно же, о теннисе. Кейс твердо верил, что для того, чтобы стать чемпионом в теннисе, важны не только двигательные способности, но и характер. Деликатными советами он помогал мне преодолевать природную застенчивость, стеснительность. С его помощью я стала обретать уверенность в себе и на корте, и вне его, чем никогда не могла похвастаться раньше.

Стен Николс также стремился помочь мне укрепить себя физически. Как и Кейс, помогал моему становлению как теннисистки и человека, верящего в себя, в свои возможности. Я горела желанием делать все правильно, работала так упорно, что Стен нередко настаивал день-другой отдохнуть.

— Маргарет обладала поразительной терпеливостью, — сказал он однажды. — Она стремится к достижению своей цели. Всегда спрашивает: «Что я должна сделать, чтобы совершенствоваться?» Некоторые спортсмены, которых я знал, нуждались в постоянном подталкивании. Но только не Маргарет. Я частенько говорил ей «Тебе надо пару дней отдохнуть».

Она была застенчивым, восприимчивым человеком и отличным спортсменом. Она нуждалась в поддержке, теплоте, отзывалась на все, что бы я для нее ни делал. Я хорошо изучил ее, и до сих пор мы остаемся близкими друзьями.

Немногие спортсмены имеют правильное представление о некоторых вещах. Кое-кто считает Маргарет выскочкой, надменной. На самом деле она стеснительна, застенчива. Обычно, имея дело со спортсменами, добившимися успеха, вы редко встречаете выражение благодарности за помощь. Но Маргарет... Я всегда помню тот день, когда она впервые выиграла титул победительницы Уимблдонского турнира. По телевидению она благодарила Кейса и меня. В такой незабываемый для нее мо-

мент триумфа вспомнить о нас, я думаю, это кое-что значит.

Я всегда с удовольствием бегала, поэтому вступила в женский спортивный клуб Кембервелла, среди членов которого есть известнейшие спортсмены Мельбурна. Результаты мои были настолько успешными, что тренер предсказал мне блестящую карьеру в беге, а не в теннисе. Это было первое предложение заняться другим видом спорта. В те годы, когда я стала заниматься теннисом, таких предложений было немало. Особенно в то время, когда у меня были осложнения с бюрократами из ассоциации*. Но я считала, что официальные лица, заправляющие другими видами спорта в Австралии, были не менее заражены предрассудками.

Теннис был моей первой и единственной любовью в спорте, и я всегда оставалась верной ему. Он открыл мне мир несколько не меньший, чем если бы я была легкоатлетом и завоевала бы золотую медаль на олимпийских играх. Тем более что в Австралии женская легкая атлетика находится в периоде средневековья по сравнению с женским теннисом.

Глава 3

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Вскоре после переезда в Мельбурн мое имя было названо в числе участников, которым предстояло выступить в командных соревнованиях на Кубок Уилсона от штата Виктория. Это ежегодные соревнования, проводящиеся между штатами, для девушек. Они аналогичны соревнованиям на Кубок Линтона среди юношей, которые многие годы были своеобразным отбором резервов для команды Австралии, выступавшей в Кубке Дэвиса.

Я участвовала во всех юниорских соревнованиях в штатах и завоевала все титулы, но, как ни странно, ни разу не выиграла титул чемпионки Австралии среди юниоров. Я играла в чемпионате страны среди юниоров только дважды: в 1959 году, тогда в финале проиграла Джен Лехейн, и в 1960, тогда тоже проиграла в финале Лесли Тернер. В те годы я никогда не играла в сорев-

* Имеется в виду Ассоциация лаун-тенниса Австралии (АЛТА).

нованиях юниоров так, как против взрослых теннисистов. Я проигрывала таким девушкам, которым не должна была проигрывать, и тут же снова выходила играть и побеждала более взрослых игроков в открытых турнирах. Так бывает со многими подростками. Они всегда лучше играют против взрослых спортсменов, чем против своих сверстников, потому что их легче победить. Не зазорно проиграть старшему, более опытному игроку.

Мало-помалу я прибавляла в игре, но Фрэнк Седжмен и Кейс Роджерс не торопились. Они чувствовали: пока я не готова физически, до тех пор не могу и думать о том, чтобы стать игроком высокого класса.

Сезон 1959/60 года оказался для них сюрпризом, и почти таким же большим, как и для меня. Я поехала в Брисбейн для участия в матчах на Кубок Уилсона, которые предшествовали чемпионату Австралии. В серии встреч между представителями штатов Виктория и Новый Южный Уэльс я играла против Джен Лехейн и впервые выиграла у нее со счетом 6:1, 6:3.

Это удивительно воодушевило меня, придало уверенности, потому что Джен перед этим выиграла у двух ведущих в мировом теннисе игроков — у Кристины Трумен из Англии и чемпионки Уимблдона Марии Буэно, участвовавших в турнирах в Австралии. Я играла с Марией, «бразильской балериной», как ее называли, на первенстве Южной Австралии в начале сезона и чувствовала такой благоговейный трепет перед нею, что выиграла только три гейма. Меня просто очаровали ее смуглая красота, очаровательный теннисный костюм и титул чемпионки Уимблдона. Однако победа над Джен навела меня на мысль:

«Если она выиграла у Марии, почему бы и мне не выиграть?»

Мария, как и ожидалось, была «посеяна», как говорят теннисисты, австралийской национальной ассоциацией первым номером, а я, к великой радости, — седьмым номером. Я выступала по юниорам — мне было семнадцать, а Мария, тогда ей был двадцать один год, была в полном расцвете сил. После того урока, который она преподавала мне несколькими неделями раньше, никто не считал, что у меня есть хоть какие-либо шансы на победу в четвертьфинале в Брисбейне. Но мое психологическое отношение к Марии совершенно изменилось. Благоговейный трепет перед чемпионкой Уимблдона рас-

сеялся — этому помогла победа над Джен Лехейн. Я была настолько переполнена предвкушением предстоящей встречи, что едва дождалась начала матча. День был нестерпимо жаркий и влажный, типичный для лета в Квинсленде, но я никогда не чувствовала себя физически настолько хорошо, как в тот день. Игра собрала большую аудиторию — три тысячи зрителей. Перед столь многочисленной аудиторией мне еще никогда не приходилось выступать.

Но я даже нервничала меньше, чем перед менее ответственными матчами. Надо мной не довлела необходимость победить, ведь Мария была бесспорным фаворитом. Я заставила себя забыть об огромной толпе, окружавшей нас, и сосредоточилась только на игре. Жара была невыносимой, но это не мешало мне выходить на каждый мяч. Я выиграла первый сет со счетом 7:5 и вела 3:1 во втором. И как только я позволила себе подумать, что имею возможность выиграть, Мария заиграла просто блестяще. Она выиграла подряд пять геймов блестящими обводящими ударами, выиграла второй сет, сквитав счет. Обе мы были совершенно взмокшими, когда отправились под душ во время десятиминутного перерыва.

Я чувствовала себя свежей после перерыва, выиграла подачу Марии и быстро повела со счетом 5:2. Мечта о победе снова стала рассеиваться, когда Мария отыграла мою подачу и довела счет до 4:5. На трибунах чувствовалось возбуждение. Следующий гейм — ее подача — счет 5:4. У меня два матчбола. После первой подачи ударом с лёта она выиграла мяч — счет стал 30:40. Но следующую подачу я возвратила глубоким ударом, который заставил Марию послать мяч в сетку. Я победила чемпионку мира со счетом 7:5, 3:6, 6:4.

Мария пожала мне руку, не проронив ни единого слова, и поспешно скрылась в раздевалке. Меня окружили журналисты и люди, поздравлявшие со столь неожиданной победой, а когда я наконец вошла в раздевалку, то застала Марию в слезах. Она не разговаривала со мной ни тогда, ни позже, пока не уехала из Австралии. Я была шокирована таким поведением — как могла чемпионка мира вести себя таким образом после поражения. Это было для меня уроком, одним из многих, что будут повторяться в последующие годы. Я начинала понимать, как сильно довлеет над игроками высокого класса созна-

ние необходимости выиграть и как важно, пожалуй особенно важно, не терять головы в случае проигрыша. Для Марии — чемпионки мира проиграть в четвертьфинале никому не известной юниорке было унижительно.

Более того, этот проигрыш лишил Марию надежды стать обладательницей Большого шлема. Одной из причин, по которым она приехала в Австралию в тот год, было желание завоевать один из главных титулов турниров, что входил в число соревнований Большого шлема, — турниров в Австралии, Франции, Уимблдоне и Фостер Хиллсе. Единственной женщиной, которой удалось выиграть это почетное звание, была Моурин*. Произошло это в 1953 году.

Таким образом Мария имела две причины серьезно невзлюбить меня. В те годы, когда теннис был еще любительским видом спорта, приз Большой шлем пользовался успехом только с точки зрения престижа. В наши дни он стоит 125 000 долларов наличными — эта сумма назначена американской косметической компанией в 1974 году для теннисистки, которая выигрывает все четыре сложнейших чемпионата. Я содрогаюсь, представляя себе, как могла бы Мария относиться ко мне, если бы я «огрabila» ее тогда, в 1960 году.

Финальный матч в Брисбейне дал старт тому долгому, ожесточенному соперничеству между Марией и мной, которое шло на любых международных соревнованиях. Мы встречались с ней в двадцати трех матчах, пока она не ушла из спорта. И я выиграла шестнадцать встреч, она — шесть. Один финальный матч мы поделили.

Излишне говорить о том, как моя победа над Марией Буэно взволновала всех моих друзей в Мельбурне. Всю ночь я не отходила от телефона — звонили и Кейс, и Стен, и другие и говорили о том, что я должна стать первой юниоркой, которая удостоится титула чемпионки Австралии среди женщин.

Френк Седжмен прилетел в Брисбейн на следующее же утро, чтобы посмотреть мою встречу в полуфинале с Мэри Картер Рейтано — обладательницей титула чемпионки. Репортерам он сказал:

* Имеется в виду американская теннисистка Моурин Коннолли, которая до Маргарет Корт была единственной обладательницей этого почетного приза.

— Я считал Маргарет перспективной теннисисткой, но не ожидал, что это произойдет так скоро.

Мэри была одной из моих лучших подруг среди теннисисток, и с каждым годом мы все больше сближались. Она старше меня на восемь лет, но разница в годах никогда не смущала нас. Долгое время мы играли в паре, и играли очень хорошо. Она очень помогала мне в тренировках, старалась вселить в меня уверенность в свои силы. Мэри была добра ко мне. Она от рождения была способным игроком и могла бы стать одной из лучших теннисисток, но была ленива и ненавидела тренировки. Упрямая и независимая, она была искренней и честной. Если не хотелось делать чего-то, никто не в силах был заставить ее это делать. Из-за такой черты характера у нее были неприятности с официальными представителями тенниса, которые не любили независимых игроков, особенно женщин. С этим мне самой пришлось столкнуться.

Моя первая встреча с Мэри произошла, когда мне было пятнадцать лет. Тогда я впервые участвовала в чемпионате Австралии. Это был незабываемый турнир. Из Албери в Аделаиду я также впервые летела самолетом. Мэри выиграла у меня в четвертьфинале женских одиночных игр со счетом 7:5, 7:5. Входя в раздевалку, я сказала кому-то:

— Подождите, придет и мой черед — я выиграю у нее.

Мэри услышала это и не забыла. Мы часто смеялись потом, вспоминая тот случай.

Мой «черед» настал в полуфинале чемпионата Австралии в Брисбейне. Я выиграла в трех сетах. Это был трудный матч. Теперь в финале мне предстояла встреча с Джен Лехейн, моей старой соперницей. Джен перед этим одержала блестящую победу над англичанкой Кристин Трумен. Я обыграла Джен за неделю до того в Кубке Уилсона. Это, с одной стороны, утешало меня. С другой стороны, я помнила, что выходила в финалы соревнований юниоров в одиночных и парных играх, в финал женских парных игр чемпионата страны и каждый раз уходила с корта побежденной. Эти поражения, конечно же, не помогали мне обрести уверенность в себе.

Первый сет финала был очень напряженным. Его я выиграла со счетом 7:5. Это разожгло мой аппетит, и с каждым ударом я играла смелее и энергичнее. Второй

сет мне удалось выиграть со счетом 6:2. Вот я и стала самой молодой чемпионкой Австралии за всю историю ее тенниса — в семнадцать лет.

Эта победа очень быстро принесла мне известность, поскольку на пути к ней я должна была выиграть у чемпионки мира Марии Буэно. Впервые в своей жизни я подверглась серьезному испытанию — пресс-конференции. Приходилось отвечать на вопросы, которые казались мне сугубо личными, а временами просто, мягко говоря, дерзкими, но которые, как я поняла позже, составляли традиционную процедуру, принятую прессой во многих странах мира. Я, должно быть, была слишком застенчивой и нерешительной в свои семнадцать лет, но журналисты были снисходительны ко мне и в заголовках газет меня называли «будущей чемпионкой мира» и даже предсказывали, что я стану «первой в Австралии чемпионкой Уимблдона».

Не знаю, внезапная ли известность и лесть, которой я оказалась окружена со всех сторон, вскружили мне голову, но только после того как я выиграла титул чемпионки Австралии, я совершенно неожиданно стала играть хуже. Меня включили в команду, которой предстояло выступать в Новой Зеландии, но я буквально едва могла ударить по мячу. Чемпионка Новой Зеландии Рурия Моррисон выиграла у меня со счетом 6:0, 6:1. Возвратившись домой, в Австралию, я проиграла Лоррейн Кофлей и другим теннисисткам. Каждый раз, выходя на корт, я остро ощущала тяжесть титула чемпионки страны. Я знала, что от меня ждут победы в каждом матче. А в результате проигрывала гораздо чаще, чем выигрывала.

Ассоциация лаун-тенниса страны собиралась уже обнародовать состав официальной команды, которая ежегодно выезжала за границу, чтобы участвовать в борьбе за высокие титулы в Европе, Уимблдоне и Соединенных Штатах. Пресса единодушно высказывалась за включение моей кандидатуры в состав команды. Но Фрэнк Седжмен провел совещание с Кейсом и другими людьми, помогавшими мне.

Они пришли к заключению, что моя победа на чемпионате Австралии была преждевременной и что я не готова ехать за океан и бороться за высокие мировые титулы. Они посчитали, что физически и психологически я еще не готова к этому. В свои семнадцать лет я все

еще была тощим подростком, довольно-таки неопытной провинциальной девчонкой.

Итак, Фрэнк заявил представителям печати:

— Уимблдон может подождать. Этот год Маргарет останется дома.

Это решение огорчило меня. Потом я часто задавала себе вопрос, смогла бы я выступить намного лучше во время моего первого турне за океаном, если бы поехала годом раньше. Тот факт, что я осталась дома, был для меня ударом и по гордости, и по самолюбию.

Меня даже не обрадовало, когда я была провозглашена вторым номером среди теннисисток Австралии после Джен Лехейн, которую я победила в финале чемпионата страны. Гарри Хопман, капитан нашей австралийской команды — участницы розыгрыша Кубка Дэвиса, который вел в газете спортивную колонку, объяснил тогда, что Джен была признана теннисисткой номер один потому, что победила всех трех заокеанских теннисисток: Мими Арнольд, Кристин Трумен и Марию Буэно. Хопман добавил, однако, что «Маргарет Смит добьется, весьма вероятно, более высоких вершин в мировом теннисе».

Итак, я продолжала свои изнурительные занятия по расписанию в гимнастическом зале, ежедневные пробежки и тренировки на корте. Единственной передышкой в этой монотонной работе был приезд профессиональной труппы Джека Крамера. Соревнования были организованы на подмостках, сооруженных в бассейне, который построили для Олимпийских игр в Мельбурне в 1956 году.

Я убедила Фрэнка Седжмена, который играл в этом турнире, разрешить группе девочек подавать мячи профессионалам. Даже несмотря на то что я была чемпионкой страны и отнюдь не испытывала гордости от того, что буду подавать мячи мужчинам. Но это была первая возможность увидеть профессионалов мирового класса в действии, и я получила удовольствие, наблюдая их так близко, у задней линии корта.

А еще я лелеяла надежду на то, что буду иметь возможность сыграть с кем-нибудь из них. И действительно, Лью Хoad пригласил меня однажды на корт поиграть с ним в одну из тренировок. Вслед за тем мне удалось поиграть с другими теннисистами труппы, в том числе с Кеном Розуоллом и Алексом Ольмедо, которые высказали комплименты по поводу моей игры. Я всегда полу-

чала удовольствие, играя с мужчинами, а здесь меня привел в восторг столь быстрый темп игры.

Моя программа физической подготовки стала давать плоды — когда в следующий сезон начался очередной круг соревнований на травяных кортах, я оказалась в превосходной форме. Я выиграла титул чемпионки штата Виктория на твердых земляных кортах; тогда-то и почувствовала, как в моей игре вновь появилась уверенность. Я была готова продемонстрировать хорошую игру на предварительных соревнованиях на травяных кортах и защитить свой титул чемпионки Австралии, чтобы гарантировать себе место в женской команде, которой предстояла поездка за границу.

Я выиграла два титула чемпионки на травяных кортах — в штате Квинсленд и Южная Австралия и стала финалистка чемпионата штата Новый Южный Уэльс. На чемпионате Австралии 1961 года, играя на стадионе «Куйонг» в Мельбурне, я благополучно вышла в финал, выиграв у Джен Лехейн со счетом 6:1, 6:4 на знаменитом центральном корте. Все друзья, помогавшие мне в те годы, пришли на этот матч. Я чувствовала, что должна отплатить им за все, что они сделали для меня, отстаивать свой титул и занять место в команде, которой предстоит играть в Уимблдоне и Форест Хиллсе.

Но здесь меня ждал горький урок. Официальные организации, стоящие у руля австралийского тенниса, ничем особенно не отличались от подобных организаций Австралии в других видах спорта, например в футболе, крикете или плавании (такое же положение, очевидно, в любительском спорте и в других странах). Они в основном состояли из людей малодушных, гораздо больше заботящихся о своих собственных интересах, собственном престиже, о своих эгоистических стремлениях, нежели о тех спортсменах, которые находились под их ведомством. Становится смешно, когда видишь занятые стороны вещей. Эти люди не существовали бы, если бы не игроки, вокруг которых они вертятся. Они ведут себя так, как будто бы спорт сосредоточился на них и их политике. К счастью, новые молодые силы, возглавляемые Вейном Рейдом, бывшим игроком международного класса, влились в администрацию тенниса Австралии, и теннис вышел наконец-то из мрачного периода сурового средневековья. А он был поистине суровым для теннисистов, когда я начинала играть.

В то время я ни о чем и не подозревала, но беды мои начались, когда Ассоциация лаун-тенниса назначила миссис Нэлл Хопман руководителем нашей команды, в которую входили пять теннисисток: Джен Лехейн, Лесли Тернер, Мэри Рейтано, Робин Эбберн и я. Это была самая большая команда из всех отправлявшихся за границу. Еще до того, как мы покинули Австралию, миссис Хопман заявила, что она намерена извлечь выгоду для АЛТА* из нашей заграничной поездки. Весьма странное заявление, особенно если учесть, что сделано оно было официальным представителем любительского спорта. Но лишь сейчас я сознаю это, а тогда была слишком зеленым юнцом, чтобы увидеть, что стоит за таким заявлением. К моему великому сожалению, мне очень скоро пришлось узнать, что миссис Хопман имела в виду, говоря о том, что собирается «извлечь выгоду».

Миссис Хопман, как известно, была женой Гарри Хопмана, одного из самых блестящих капитанов команды за всю историю выступлений Австралии в розыгрыше Кубка Дэвиса. Он имел большой вес в ассоциации штата Виктория, а позднее в АЛТА. В те дни Гарри здорово недолюбливал профессионалов, хотя позже сам стал одним из них, из-за чего переехал в Лонг-Айленд, где был одним из наиболее известных тренеров профессионалов в Америке.

Миссис Хопман, в свое время одна из известных теннисисток, горела желанием превзойти успехи Гарри, добившись того, чтобы женский теннис в Австралии вышел на уровень мировых стандартов. Они с Гарри не имели детей, и теннис стал для них делом всей жизни. Миссис Хопман была единственной среди членов совета АЛТ штата Виктория женщиной. Я не могла не понять ее желания поднять женский теннис на более высокую ступень, но меня привели в негодование те методы, которыми она стремилась осуществить его.

Впервые вкусить от этих методов мне пришлось еще до того, как мы покинули Австралию. Вся наша команда по плану должна была играть на твердых земляных кортах в Новом Южном Уэльсе на чемпионате штата, а потом, в марте, отправиться на Ривьеру и начать тур евро-

* Когда не было профессионального спорта, существовал неофициальный порядок, по которому руководитель команды договаривался с организаторами турнира об определенной компенсации игрокам команды.

пейских соревнований. Как раз незадолго до того, как мы должны были выехать из Мельбурна в Сидней, я получила от отца письмо, в котором он сообщал о серьезной болезни мамы. Первой моей мыслью было пропустить турнир в Сиднее и поехать домой. Но мисс Хопман заявила мне весьма категорично, что если я сделаю это, то рискую поставить под угрозу поездку с командой за границу. Я не могла поверить своим ушам. Я-то предполагала, что, став первой ракеткой Австралии, завоевала место в команде, и не видела оснований страховать себя, участвуя в очередном, не столь уж важном турнире в Австралии. Но что действительно шокировало меня, так это отношение миссис Хопман к болезни моей мамы — бессердечное, черствое. Для нее это не имело ровно никакого значения.

Я решила через ее голову обратиться к Норману Стренджу, всесильному, как мне казалось, президенту АЛТ Австралии. По тому времени это выглядело довольно нахально для семнадцатилетней девушки.

Стрендж не был ни на йоту более сострадательным, чем миссис Хопман. Он считал, что мои личные чувства не имеют никакого отношения к делу. Ассоциации Нового Южного Уэльса было обещано мое участие в турнире, и все тут...

— Если я поддерживаю вас в вашей просьбе, — заявил Стрендж, — то не смогу набрать голосов от ассоциации Нового Южного Уэльса.

Политика в теннисе была для него, конечно, важнее. Мое желание навестить больную мать было сущей безделицей, не стоящей того, чтобы нарушать священное обязательство АЛТА. Я была раздосадована и расстроена всем этим. И в то же время слишком боялась потерять возможность поехать за границу, чтобы воевать дальше. В конце концов, я играла в этих соревнованиях и уехала из Австралии, даже не повидав больную маму. К счастью, она выздоровела.

Этот эпизод положил весьма неудачное начало. После него наши отношения с миссис Хопман стали ухудшаться. Он стал той искрой, с которой связан мой известный бунт, — весть о нем достигла ушей теннисного мира Австралии на следующий год. Первое выступление наше в шестимесячном турне было в Монте-Карло — мировом курорте. Мы были гостями мистера Стивена Линча, старого друга Хопманов, в его великолепном доме. Для

провинциальной девушки из Албери такая жизнь казалась сказкой. Я выиграла турнир в Монте-Карло, одержав первую победу за рубежом.

Как только мы покинули Монте-Карло, уровень нашей жизни резко упал, поскольку команда теперь должна была все расходы оплачивать из своего кармана. Мы останавливались в мрачных третьеклассных отелях. Но хуже всего было то, что миссис Хопман строго надзирала за нашим питанием. Нам разрешался только континентальный завтрак — кофе и булочки вместо традиционного для нас бифштекса и яиц.

К тому времени, как мы приехали в Париж для участия в столичном чемпионате, мы были на грани бунта по поводу нашей пищи. Как-то вечером, не выдержав, мы все заказали обед с бифштексом вместо ежедневного комплексного обеда. Миссис Хопман была вне себя от ярости и заявила, что мы будем платить разницу в цене из наших собственных карманов. Теперь было совершенно ясно, каким образом она намеревалась вернуться с командой на родину «с выгодой». К тому времени я выиграла все до одного состязания и понимала, что была звездой ее команды. Мое присутствие, равно как и присутствие Джен Лехейн, в будущих турнирах было гарантией того, что расходы будут окупаться. Имена других теннисисток нашей команды не были известны за океаном, и их выступления не приносили дохода. Миссис Хопман до мозга костей была деловой женщиной — она определила, что я не просто буду выступать, а выступать хорошо. Однако она, казалось, не в состоянии была понять мои пожелания относительно питания, к которому я была приучена дома. Теперь я постоянно хотела есть и всегда чего-нибудь перекусывала между приемами пищи, чего раньше я никогда в жизни не делала.

Самым важным турниром нашего турне был чемпионат Италии, где выступали звезды мирового тенниса. Я одержала победу над Кристиной Трумен в четвертьфинальном круге, но проиграла в финале Марии Буэно. Это не был обескураживающий проигрыш, и я с нетерпением ждала следующего большого турнира — чемпионата Франции.

А пока мы поехали в Лугано на отдых, как нам было сказано. Команда не играла в соревнованиях, но каждый день в четыре часа дня мы должны были интенсивно тренироваться под наблюдением миссис Хопман.

Как-то мы, игроки, отправились на фуникулере почти к самой вершине горы. И когда добрались до места, то узнали, что до пяти часов обратного поезда не будет. Мы понимали, что нас ждет. Конечно же, по возвращении миссис Хопман уже встречала нас, безжалостно выбрав за опоздание прямо у крыльца клуба в присутствии большого количества людей. Все мы понимали, что это было слишком строго.

Мэри Рейтано всегда открыто высказывала миссис Хопман наши недовольства по поводу питания и непрерывных тренировок, тренировок и тренировок. Мы до-тренировались до того, что чувствовали себя абсолютно разбитыми при одном только виде корта. Никаких пере-дышек. Мы с Мэри дружили, и миссис Хопман это очень не нравилось. По существу, она ни капельки не понимала нас — подростков. В команде чувствовалась зависть между девушками, но миссис Хопман не могла ничего сделать, чтобы сплотить нас. С ней невозможно было доверительно поговорить. Временами мы нуждались в материнском совете, но она не в состоянии была дать его, может быть, еще и потому, что сама никогда не имела детей. Мужчина бы и то был лучшим руководителем команды, чем она. Позже мне приходилось ездить на турниры с Брайаном Тобином в качестве руководителя команды, и с ним всегда было просто контактировать, говорить о чем угодно. А миссис Хопман постоянно создавала напряженность и постоянно бранилась.

Я старалась как можно лучше выступать в следующем основном турнире — чемпионате Франции. Победа в нем давала возможность пройти второй этап соревнований Большого шлема. Однако меня стали мучить сильные боли в желудке, которые ошибочно были диагностированы как боли мышечного характера. Играла я в чемпионате Франции туго перевязанная. И только спустя пять недель, незадолго до Уимблдонского турнира, доктора обнаружили, что все это время я страдала от инфекции. Лечение предполагало постельный режим, а отнюдь не постоянные выступления и тренировки. Вспоминая сейчас все это, я просто удивляюсь, как могла тогда выступать, да еще выступать хорошо. Думаю, что возможно это было только благодаря моей физической подготовленности и выносливости.

Во всяком случае, мои надежды на Большой шлем рассеялись на медленных кортах стадиона «Роллан-Гар-

ро» в Париже. В четвертьфинале я вышла играть против Энн Хейдон, английской теннисистки. Игра эта обернулась для меня двухчасовым испытанием. Каждый раз, пытаясь подавать, я чувствовала острую боль в желудке. Энн играла великолепно и выиграла первый сет со счетом 7:5. Второй сет оказался прямо-таки марафоном. Мы сражались ровно до счета 10:10, когда я почувствовала, что ногу сводит судорога. Боль в желудке да еще сведенная судорогой нога — было от чего слезам брызнуть из глаз. Энн выиграла сет — 12:10, а я никогда не чувствовала такого облегчения, покидая корт. Однако публика устроила нам потрясающую овацию, а в печати наша встреча была названа «захватывающим» матчем турнира.

Несмотря на то что выросла я на мягких травяных кортах, но с удовольствием играла на быстрых глиняных кортах в Париже. Это покрытие дает возможность долгого розыгрыша очка, отскок мяча более стандартный, точный. И вообще я считаю, что на таких кортах игрок может лучше показать себя, чем на траве. Я выиграла пять титулов во Франции, и это, должно быть, значит, что я чувствую себя как дома больше на грунтовых кортах, чем на траве. Очевидно, они больше подходят моему стилю игры.

Я взяла реванш над Энн Хейдон (позже Джонс), когда мы пересекли канал и выступили в состязаниях, предшествующих Уимблдонскому турниру*. В Бэкенхеме я победила ее в полуфинале и в финале выиграла у Кристин Трумэн. В Королевском клубе в Лондоне я еще раз выиграла у Энн в полуфинале и в финале должна была встретиться с Ненси Ричи.

К тому времени моральный дух в нашей команде упал, как никогда, раньше. Мэри Рейтано поскользнулась буквально у финишной линии чемпионата Франции и сильно повредила ногу. Травма не поддавалась лечению, и она выбыла из борьбы на травяных кортах Англии. Единственное, о чем думала миссис Хопман, это о

* В Англии до Уимблдонского турнира проводится серия соревнований на травяных кортах, и большинство теннисистов стараются принять в них участие, чтобы лучше подготовиться к Уимблдону. Это турниры в Бэкенхеме, в Королевском клубе Лондона и ряд других. К сожалению, сейчас они потеряли свою значимость, так как с появлением профессионализма в теннисе многие игроки-профессионалы предпочитают играть в турнирах с большими призовыми фондами.

тех расходах, которые стоила Мэри команде, — отель, питание, счета доктора. Мэри очень хотела остаться с командой во время Уимблдонского турнира, увидеть чемпионат мира, но миссис Хопман на другой же день упаковала ее вещи и отправила домой. Отъезд Мэри означал, что она уже не осуществит своего желания участвовать в соревнованиях в Соединенных Штатах. Каждый из нас сожалел об ее отъезде, поскольку она была самой старшей в команде, самой опытной теннисисткой среди нас и к тому же очень симпатичной наперсницей. Ее отъезд также разрушил нашу пару, а мы играли вместе довольно много. С того дня в паре мы уже ни разу не играли, так как Мэри ушла в профессионалы примерно через год.

Как только Мэри вернулась домой, она написала на десяти страницах письмо Норману Стренджу, главе АЛТА, подробно рассказав обо всем, что произошло между теннисистами и миссис Хопман во время поездки. Но она так и не получила ответа на свое послание. И насколько я знаю, ассоциация так и не приняла никаких мер.

Неурядицы в нашей команде в итоге попали в австралийскую печать, и это было неизбежно. Один репортер написал в газете, что Лесли Тернер и я планировали провести сидячую забастовку, потому что миссис Хопман заставляла нас часами тренироваться в Уимблдоне, в то время как мы еще играли в Королевском клубе — соревнованиях, являющихся своеобразной прелюдией к Уимблдону. Для того чтобы выполнить приказание миссис Хопман, мы должны были подниматься рано утром, брать кэб, добираться до окраины Уимблдона, потренироваться, переодеться, снова взять кэб, вернуться в Лондон, снова переодеться и играть в матче турнира Королевского клуба.

Столь суровое испытание довело Лесли до слез, когда она проиграла Ненси Ричи в этих соревнованиях. Она была буквально истощена и впервые в своей жизни не в состоянии была играть в трех сетах — выдохлась. Она проиграла в самом начале соревнований в Англии и чувствовала, что это прямой результат всех наших нелепых поездок взад и вперед через весь Лондон.

Другой австралийский журналист, ссылаясь на Дженни Хoad, участницу турнира предыдущего года, вышедшую замуж за Лью Хоада, также писал, что члены на-

шей команды планировали обратиться с протестом к АЛТА по поводу того, как мисс Хопман обращалась с нами. Дженни говорила о том, что условия нашей жизни были второстепенным вопросом для миссис Хопман, стремившейся добиться выгоды от поездки, и что никто из нас не поедет с ней в другой раз.

Как-то во время Уимблдонского турнира, когда мы были в своих комнатах в отеле «Кенсингтон Палас», миссис Хопман из телефонного звонка из Австралии узнала об этих газетных статьях. Едва положив телефонную трубку, она буквально налетела на нас.

— Кто из вас разговаривал с Дженни Хоад?

Моя болезнь прогрессировала, и я лежала в постели. Я чувствовала себя слишком нездоровой, чтобы еще беспокоиться о Дженни Хоад или миссис Хопман, и просто отвернулась. Лесли разрыдалась и отказалась отвечать. Миссис Хопман была взбешена. Она заявила, что готовит заявление, опровергающее газетные выступления, и мы все должны будем подписать его. Про себя я решила, что моя подпись не появится под заявлением. Правда, она так и не написала такого заявления.

Никогда я не чувствовала себя такой несчастной, как во время своего первого Уимблдонского турнира. Одним из проявлений моего заболевания была ужасная депрессия. Я настолько упала духом, что постоянно плакала. Стоило кому-нибудь заговорить со мною резко, как слезы произвольно лились из моих глаз.

И Мария Буэно, и Дарлен Хард проиграли в 1961 году Уимблдонский турнир, и английская печать объявила меня фаворитом в розыгрыше титула чемпиона, несмотря на то что это была моя первая попытка. После жеребьевки стало известно, что в первом круге я должна встретиться с Ненси Ричи, которая была моим оппонентом и оказала упорное сопротивление в финале Кубка Королевского клуба. В довершение всего наша встреча должна была быть первой на знаменитом центральном корте. Никогда я так не нервничала, и желудок мой болел даже тогда, когда я сделала первый удар.

Я настолько боялась центрального корта, что проиграла первый сет 3:6, прежде чем сообразила, что произошло. Так или иначе, я успокоилась, стала играть ровно и выиграла два следующих сета со счетом 6:3, 6:4. Несмотря на эту первую победу, я продолжала нервничать всякий раз, когда выходила на центральный корт.

После победы над Пат Стюарт из Америки и Жужки Кермеци из Венгрии я снова оказалась на центральном корте, на этот раз против Кристин Трумен. Счет после первых двух сетов был 1:1, в третьем я вела 4:1, к большому разочарованию переполненных трибун, которые на протяжении всего матча приветствовали английскую теннисистку. Кристин отыграла подачу. У меня было два матчбола, но оба их я проиграла ударами с лёта. И в конечном счете Кристин выиграла решающий сет со счетом 9:7. Английские болельщики буквально взревели от удовольствия, но я не обиделась на это. Кристин была достойна победы.

Я попыталась поздравить ее, пожимая руку через сетку, но голос пропал, и у меня получился лишь какой-то квакающий звук. Я была так истощена, что сразу же отправилась в гостиницу и легла в постель. Дальше, играя в финале парных соревнований вместе с Джен Лехейн, я допустила несколько ошибок, и мы быстро проиграли американской паре Билли Джин Кинг и Карен Хантце.

На протяжении первого круга Уимблдонского турнира я вынуждена была посещать госпиталь университетского колледжа каждый вечер. Здесь мне делали физиотерапию и массаж мышц желудка, который казался мне невыносимым.

Но, несмотря на это, я оказалась настолько истощена, что доктор потребовал госпитализации и отправил меня в больницу. У меня болело горло, поднялась температура. Когда мы уезжали из Австралии, у меня был нормальный вес — 145 фунтов *, но когда я попала в Лондоне в госпиталь, то уже весила 133 фунта. Исследование крови показало, что у меня инфекционное заболевание, которое я подхватила еще до чемпионата Франции.

Специально для Уимблдонского бала — одного из знаменательнейших событий турнира — я купила великолепное вечернее платье, черное с белым, но в то время как другие члены нашей команды веселились, танцуя на балу весь вечер, я вертелась на больничной кровати.

Как бы там ни было, мой первый Уимблдон, о котором я мечтала столько лет, обернулся для меня горьким разочарованием, разочарованием во всем. Миссис Хопман сыграла в этом отнюдь не последнюю скрипку, и хотя бы потому, что ни на йоту не верила в то, что моя бо-

* 1 фунт равен 0,4 кг.

лезнь — совсем не расшалившиеся нервы. Она отправила команду в ФРГ на турнир и осталась на несколько дней в Лондоне дать моим родителям телеграмму, что я нахожусь в госпитале, и поставить в известность АЛТА, что какое-то время я не смогу выступать. Бедная мама. Я позвонила ей в Албери, и она сказала:

— Надеюсь, ты постараешься быстрее вернуться домой и забудешь о теннисе.

Она не в состоянии была примириться с моим увлечением теннисом и никогда не могла понять, почему он стал делом всей моей жизни.

Первые дни миссис Хопман оказалась единственным посетителем, и меня пугали ее визиты. Я укрывалась одеялом с головой и притворялась спящей, но это не помогало. Лекций мне было не избежать. У нее были две любимые темы: первая — каждый день, проведенный мною в больнице, стоит команде больших денег, поэтому я должна выздороветь как можно быстрее; вторая — проговорила я или нет Дженни Хоад о том, что происходит в команде. Я не разговаривала на эту тему с Дженни и сказала об этом миссис Хопман, но она так и не поверила, что я говорю правду.

У меня было много времени поразмышлять о миссис Хопман на протяжении шести недель, проведенных в больнице, да и потом, когда до полного выздоровления меня отправили за город. Я решила, что отныне никогда в жизни не вручу себя ее руководству, чего бы это ни стоило для меня в будущем. Было ясно, что на протяжении оставшегося времени поездки от меня потребуется максимум спокойствия и сдержанности в отношениях с нею.

Я часто удивлялась, почему миссис Хопман так вывела из равновесия критика, появившаяся в газете. А потом поняла: ведь она была единственной женщиной в официальных теннисных кругах Австралии. Как первая женщина, возглавившая команду в турне за границу, она жаждала, чтобы ее подопечные хорошо выступили, а мысль о том, что теннисная общественность из печати узнает о ее взаимоотношениях с командой, была для нее невыносимой.

Она не успокоилась даже тогда, когда уехала в Германию. На мое имя в больницу пришло от нее письмо, в котором она предупреждала, чтобы я в дальнейшем не имела никаких разговоров ни с Дженни Хоад, ни с га-

зетными репортерами в ее отсутствие, и что она будет «относиться очень серьезно в дальнейшем к любой критике в мой адрес со стороны любой из моих девушек».

Поскольку диагноз мой был уже поставлен, и мне вводили инъекции, чтобы ликвидировать инфекцию, лечение стало давать эффект. Свое девятнадцатилетие я встречала в больнице, но уже к тому времени чувствовала себя достаточно твердо, чтобы сесть и съесть кусочек великолепного громадного торта, который был испечен для меня персоналом больницы. И в день рождения, и на следующий день у меня было много посетителей, и среди них известный модельер Тедди Тинлинг, принесший мне огромную банку карамели. Двое австралийских теннисистов, находившихся в то время в Лондоне, Нил Фрезер и Род Лейвер преподнесли мне цветы и фрукты. Я была глубоко благодарна им за эти посещения, которые вносили разнообразие в мою жизнь и во время которых никто не читал мне лекций.

Для полного выздоровления доктора рекомендовали мне пять недель пребывания за городом. И я провела их в чудесном загородном доме Гемблов. Единственной грубой нотой в этом великолепном антракте был персональный визит Нормана Стренджа, президента АЛТА, который повторил настоятельное предупреждение миссис Хопман не вести разговоров с представителями австралийской прессы. Он также хотел знать, когда я присоединюсь к команде. Вскоре после его визита я снова получила письмо от миссис Хопман, в котором она просила меня выступить в одиночных играх в предстоящем в Гамбурге чемпионате ФРГ. Я тотчас же ответила, что не чувствую себя еще достаточно хорошо. Организаторы турнира выплатили команде довольно хорошие деньги в расчете на то, что я буду первым номером команды, и миссис Хопман смущало мое отсутствие.

Она снова прислала мне письмо, в котором писала, что организаторы чемпионата будут довольны, если я сыграю только в парных играх. На это я согласилась, поскольку мое выздоровление подходило к концу и я горела желанием вернуться к прежней деятельности. Вместе с Лесли я вышла в финал и была счастлива, что снова играю. Так как Гамбург был нашей последней остановкой в Европе, сразу же по окончании турнира мы вылетели через океан в Соединенные Штаты.

Свое турне по Соединенным Штатам мы начали со

штата Нью-Ингленд, где американский акцент имеет более «английский» оттенок, чем в остальной части страны. Может быть, именно это и сыграло свою роль в том, что я чувствовала себя здесь хорошо. Мы участвовали в чемпионате США в парном разряде, который проводился в Лонгвуде, недалеко от Бостона, отдельно от чемпионата страны среди одиночников, проходившего в Форест Хиллсе, в Нью-Йорке. Чемпионат проводил лонгвудский клуб крикета, что очень заинтриговало меня. Мне объяснили, что действительно первоначально здесь играли в крикет, но недолго. Сейчас большинство крикетных площадок превращены в теннисные.

Джен и я выиграли свой первый матч, но проиграли во втором круге сильной английской паре Энн Хейдон и Кристин Трумен. А вот смешанную парную мы с Бобом Марком выиграли у сильной американской пары Дарлен Хард и Деннис Ральстон. Я всегда предпочитала играть смешанную пару, а не женскую, и выиграла в миксте все наиболее весомые мировые титулы с разными партнерами. С Кеном Флетчером, соотечественником, я выиграла Большой шлем в смешанном парном разряде в 1963 году, когда я единственный раз все матчи большой четверки * играла с одним и тем же партнером. Считают, что с 1961 по 1973 год я девятнадцать раз выиграла четыре больших матча в смешанном разряде и восемнадцать — в женском парном.

Если учесть, что я еще поправлялась и только набирала свой нормальный вес, то мое первое выступление в Вестсайдском теннисном клубе в Форест Хиллсе можно считать удачным. Это очень оживленный район на окраине Нью-Йорка, где вам приходится не обращать внимания на гул пролетающих над головой самолетов, на грохот мчащихся поездов лонг-айлендской железной дороги и где необычайно мягкие травяные корты, которые за две недели чемпионата оказались приведены в совершенно негодное состояние. Непринужденная атмосфера, царившая здесь на соревнованиях, разительно отличалась от внушительной величавости Уимблдона, но она нравилась мне. Болельщики здесь полны энергии и энтузиазма и по достоинству оценивают хорошую игру. Мне кажется, что они заставляют показать меня все, на что я способна.

* Имеются в виду турниры Большого шлема.

Без особых затруднений я прошла в Форест Хиллсе четвертьфинальные одиночные игры, где встретила с Кристин Трумен — теннисисткой, которая выбила меня из игры в Уимблдоне в том же круге. Кристин в этих соревнованиях была «посеяна» номером 4, а я — номером 5. Матч наш был также почти равным по шансам. Кристин, крупнее и выше меня — ее трудно обвести «свечой», обладает мощным ударом справа. Она выиграла первый сет со счетом 10:8 и вела 4:2 во втором. И я подумала, что повторится Уимблдон, но потом нашла в себе силы, которых так не хватило в том матче. Мне удалось сравнять счет — 4:4 и разрушить ее планы и в последнем гейме, где она допустила двойную ошибку на сет-боле и проиграла мне второй сет — 6:4. Я стала действовать очень четко и уверенно выиграла третий сет — 6:3 и матч.

В результате этой победы я должна была в полуфинале встретиться с Дарлен Хард, отстаивающей титул чемпионки. Эта наша встреча стала первой в веренице встреч, которые нам пришлось играть в различных уголках мира в последующие три года, пока Дарлен не перестала участвовать в соревнованиях. В конечном счете я выиграла девять встреч, она — три. Но в тот год в Форест Хиллсе Дарлен находилась в самом расцвете сил, и я была рада, что смогла заставить ее сыграть три сета. Счет был 6:4, 4:6, 6:3 в пользу Дарлен. Пресса назвала эту встречу лучшим матчем турнира.

Многие из американцев, впервые видя мою игру в Форест Хиллсе, ободряли меня похвалами. Дон Бадж, первый теннисист, завоевавший Большой шлем, обладатель потрясающего удара слева, предсказал мне большое будущее, но предостерег:

— Маргарет нужно больше поработать над ударом слева, сейчас она слишком режет мяч.

Мы с Кейсом Роджерсом хорошо понимали, что мне действительно нужно сообщать мячу больше вращения, поэтому замечание Баджа заставило меня работать еще упорнее, чем раньше, чтобы овладеть вращением мяча в ударе слева.

После остановки в Лос-Анджелесе, где я проиграла Карин Хантце на очень быстрых цементных кортах в четвертьфинале чемпионата юго-восточного побережья, мы вылетели домой. Разные чувства обуревали меня, когда я думала о своем первом заграничном турне, испорченном болезнью и разладами в команде. Единственное, в

чем я была твердо убеждена, — никогда больше не поеду, если возглавлять команду будет миссис Хопман!

Поскольку по приезде домой я заявила об этом достаточно ясно, в газетах появились заголовки:

«Звезда юношеского тенниса бросает вызов высшим чинам тенниса». Но, как говорится, карты были раскрыты через несколько месяцев.

А на повестке дня был отдых дома, в Албери, а потом снова теннис, выступления в новом туре соревнований на травяных кортах Австралии, где мне предстояло защищать свой титул национальной чемпионки.

Глава 4

ЗА ГРАНИЦЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНО

В кругу родителей и своих старых друзей я чудесно провела время в Албери. Это был мой первый продолжительный визит домой с той поры, как четыре года назад я уехала с одной ракеткой и единственным теннисным платьем, сшитым мамой.

И вот теперь, когда поезд подошел к станции Албери, меня встречали словно героиню. Среди выстроившихся в ряд встречающих «австралийскую чемпионку» были мэр Албери и другие местные сановники, мой старый тренер Уол Раттер. Мама, заболевшая накануне моей поездки за океан шесть месяцев назад, окончательно поправилась, и я имела теперь возможность убедить ее, что моя болезнь всего лишь дурные воспоминания. Городские власти устроили в мою честь прием в местном театре, и родители с гордостью сопровождали меня туда в машине, присланной муниципалитетом.

Большую часть времени после возвращения я проводила на кортах — старых знакомых кортах, что находились через дорогу, вместе с Уолом Раттером, готовясь к предстоящему сезону соревнований на травяных кортах. Уол с удовольствием слушал мои рассказы о турнирах, игроках, о моих победах и ...поражениях. Он напоминал мне, что я еще не выиграла Уимблдон и что путь к вершинам тенниса еще долог.

Титул чемпионки Австралии — это лишь начало, и я это прекрасно понимала. Он работал со мной каждый день, обращая внимание на технику ударов, и особенно удара слева.

АЛТА пригласила Дарлен Хард в Австралию для участия в серии соревнований сезона 1961/62 года на травяных кортах, и я жаждала вновь встретиться с ней, чтобы исправить результат той памятной встречи в полуфинале в Форест Хиллсе. В Соединенных Штатах Дарлен отнеслась ко мне весьма холодно, а когда я начала выигрывать у нее в Австралии, то стала ко мне еще холоднее. Дарлен была близкой подругой Марии Буэно, и думаю, что она всегда испытывала чувство обиды за то, что я помешала Марии осуществить ее планы завоевать Большой шлем в 1961 году, когда та выступала в чемпионате Австралии.

Дарлен всегда очень близко в сердце принимала все свои поражения, и особенно во встречах со мной. Ее лицо становилось все более угрюмым по мере того, как я выигрывала у нее в финалах чемпионатов штатов Южная Австралия, Восточная Австралия и Виктория. Когда Дарлен проиграла мне в четвертый раз в финале чемпионата штата Новый Южный Уэльс в Сиднее, то, едва выполнив положенные формальности — пожав мне руку через сетку, она гордо прошествовала с корта впереди меня. Кто-то задержал ее уже у самой раздевалки, и она рассерженно заявила:

— Подождите, пока я не расправилась с ней на моих кортах в Штатах!

На чемпионате Австралии в январе 1962 года я была «посеяна» первым номером, как одержавшая победу над чемпионкой, а Дарлен — вторым номером. Таким образом, меня ждала в финале турнира пятая встреча с Дарлен, и я надеялась на однозначный исход, учитывая цепочку побед над американкой. Но Дарлен, которая, очевидно, была уже сыта по горло австралийскими соревнованиями *, а может быть, оттого, что преимущество мое было очевидным, проиграла в полуфинальном матче Джен Лехейн. В тот год финал мы играли при свете. Я встретилась с Джен в холодный вечер и, быть может, именно поэтому постаралась закончить встречу как мож-

* Чемпионаты штатов Австралии проходят один за другим и считаются одними из самых серьезных и важных соревнований. Высокая температура воздуха, постоянный ветер, который серьезно усложняет игру, необычный отскок мяча на быстрых травяных кортах ставят игрока в чрезвычайно сложные условия. Тот, кто благополучно проходит по цепочке этих состязаний и выходит победителем, завоевывает большой авторитет в теннисном мире.

но быстрее. В конечном счете я выиграла у нее со счетом 6:0, 6:2 за тридцать пять минут. Всего за тридцать пять минут я в третий раз добилась титула чемпионки Австралии.

И снова пришло время формировать женскую команду для участия в заграничном турне, снова встал вопрос о ее руководителе. Еще до окончания года я имела беседы с несколькими официальными представителями АЛТА. Они говорили о том, что команда, руководимая миссис Хопман, имела изрядный оборот. На что я ответила, что оборот был достигнут за счет игроков, которые жили на скудные средства в третьеразрядных гостиницах и имели вместо полноценного питания суррогат. Все мы говорили об одном и том же, но это, по-видимому, не произвело никакого эффекта на теннисных чинов. Они расценивали наши слова просто-напросто как жалобы компании испорченных подростков. Несмотря на это, три члена АЛТ штата Новый Южный Уэльс заверили меня в том, что миссис Хопман не будет назначена руководителем команды 1962 года. Они знали, что мне хотелось устроить индивидуальную поездку, так как газеты писали об этом, всячески поощряя меня осуществить эту идею.

Руководители фирмы спортивных товаров «Спэлдинг» опубликовали в печати сообщение, в котором говорилось, что я хотела бы поехать в турне за границу с командой в 1962 году. Я работала в этой фирме некоторое время на обычных условиях, тренируя любителей — мужчин и женщин. Мы получали зарплату, когда находились дома, в Австралии. Хозяева считали, что будет лучше, если я поеду с официальной командой, нежели в индивидуальную поездку.

Наконец на ежегодном собрании АЛТА в Мельбурне в середине января был объявлен состав команды. В нее входили две новые теннисистки — Робин Эбберн и Мадонна Шахт и три спортсменки из прежней команды 1961 года — Лесли Тернер, Джен Лехейн и я. Сообщалось также, что руководитель команды будет назначен в течение месяца. Это было по меньшей мере странно.

За кулисами разгорелась борьба между официальными представителями, которые хотели видеть во главе команды миссис Хопман, и теми, кто выступал против такого решения. Среди кандидатур на этот пост были Адриан Квист и представительница ассоциации штата Южная Австралия Гвен Силс, в прошлом известная теннисистка.

Адриан Квист, в прежние годы бывший звездой команды, которая выступала в Кубке Дэвиса, возглавлял фирму спортивных товаров «Данлоп» и был руководителем команды как раз в тот год, когда Лью Хoad и Дженни неожиданно поженились накануне Уимблдонского турнира. Ассоциация штата Новый Южный Уэльс поддерживала Квиста, но он снял свою кандидатуру, когда в других штатах ему устроили оппозицию под предлогом того, что он плохо руководил командой, ссылаясь на тот случай. Кандидатуру мисс Силс оставили без внимания. Наконец АЛТА объявила, что миссис Хопман снова назначена руководителем команды.

Я была потрясена, чувствовала себя преданой. Ведь я не зря соглашалась войти в команду только с условием, что миссис Хопман не будет ее руководителем. Теперь мне предстояло решить, примириться ли или протестовать против тех устоев, которые сложились в теннисе.

От того, какое решение я приму, зависело мое будущее в теннисе. И я отдавала себе в этом полный отчет. Когда дело касалось игроков, АЛТА была всемогуща. Поэтому существовала серьезная опасность, что, если я откажусь от поездки с официальной командой, ассоциация может временно отстранить меня от соревнований и представить как игрока, чье выступление нежелательно в каких бы то ни было любительских соревнованиях в любом уголке мира. Это могло прервать мою карьеру в любительском теннисе и заставить перейти в профессионалы, чего мне совершенно не хотелось, поскольку в те дни теннисистки среди профессионалов считались «гражданами второго сорта».

К счастью, я нашла мощную дружескую поддержку в лице Роберта Митчелла, преуспевающего мельбурнского бизнесмена, который предложил мне перейти к нему работать. Боб — человек, в котором было сильно развито чувство отвращения к саморекламе; столь же сильно в нем было чувство любви к людям, желание помочь им. И в то же время он всегда стремился быть в тени.

Появился Роберт Митчелл в теннисном мире в 1953 году, после того как увидел финальный матч наших игроков с командой США на стадионе «Куйонг». Тогда наша команда, в которую входили Вик Кидс, Лью Хoad и Кен Розуолл, выиграла у американцев — у них играли Вик Сейксас и Тони Траберт. Янки могли потерять Кубок, но они выиграла в другом. На церемонии представле-

ния Сейккас и Траберт, оба выпускники колледжа, произнесли остроумные, изысканные речи. В противоположность им Лью и Кен, чье образование закончилось, когда они получили аттестаты об окончании школы — тогда им было по пятнадцать лет, — едва ли могли промямлить несколько элементарных фраз. Как истинный австралиец, Боб был сконфужен таким контрастом между непринужденными американцами и неуклюжими парнями, игравшими за его страну. И он решил помогать австралийским теннисистам в меру своих сил и возможностей.

Он помогал им материально, субсидируя поездки теннисистов за границу, устраивал им уроки ораторского искусства. Со временем он стал членом самой влиятельной теннисной организации Австралии — совета АЛТА как делегат от штата Квинсленд и в этом качестве оказал большую помощь игрокам, представляя их интересы. Он терпеть не мог, когда официальные представители тенниса притесняли игроков. Среди тех, кому помогал Боб в те годы, были Боб Хоу, Боб Марк, Лоррейн Кофлейн и я. Его великодушие, щедрость не ограничивались рамками Австралии. Как-то он пригласил в Австралию Билли Джин, оплатив ее поездку из Калифорнии, оплатил также и занятия с тренером Мервином Роузом на частных кортах фешенебельной окраины Мельбурна.

Боб, конечно, знал о моем отношении к миссис Хопман и о том, что значило для меня назначение АЛТА.

Он настаивал, чтобы я тщательно обдумала вопрос о поездке, прежде всего принимая во внимание, какая будет от этого польза для меня, а не АЛТА или кого-нибудь другого:

— Какое бы решение ты ни приняла, рассчитывай на мою поддержку, — заявил он мне.

Я обговорила этот вопрос с другими моими друзьями, включая Фрэнка и Джин Седжмен, у которых я в то время жила. Они поддержали меня. Я должна собрать все свои силы выстоять, но настоять на том, что нахожу правильным, — так считали мои друзья. Они подчеркивали, что если АЛТА не хочет потерять теннисистку, стоящую первым номером в списке игроков Австралии, они должны примириться с мыслью, что выступление команды даст меньшие доходы. В то же время как игрок номер один я, несомненно, буду получать высокое вознаграждение.

При поддержке Митчелла, Седжменов и других добрых моих друзей я предприняла единственно правильный

шаг с точки зрения альтернативы руководства поездкой миссис Хопман, сделав заявление для печати:

— Я послала в адрес АЛТА письмо следующего содержания: «Я хочу выйти из состава официальной команды АЛТА в этом году по соображениям личного порядка. Искренне ваша Маргарет Смит».

Это произвело настоящий фурор. Почти никто, за исключением нескольких близких друзей, по-настоящему так и не понял моего шага. Конечно, другие члены команды достаточно хорошо знали, в чем дело, но они не имели за своей спиной крепкой поддержки. Мэри Рейтано сошла со сцены — ушла в профессионалы, а остальные были либо слишком молоды, либо боялись поддержать меня, либо то и другое.

Представители прессы ловили меня днем и ночью. «Мельбурн Эйдж» опубликовала полную историю происшедшего, сообщая, что мне «не преуспеть» под руководством миссис Хопман. Другие газеты хотели знать, что я имела в виду и планирую ли персональную поездку как вызов АЛТА.

АЛТА применила всевозможные средства давления, чтобы заставить меня изменить решение. Но я твердо стояла на своем, потому что считала себя правой и чувствовала — мое упрямство оправданно.

АЛТА сделала последнее отчаянное усилие вернуть меня в команду. Норман Стрендж пригласил меня к себе домой на секретный разговор. Боб Митчелл посоветовал мне пойти на эту встречу, но не реагировать ни на какие угрозы. Он получил консультацию о том, что ассоциация не имеет права помешать мне предпринять персональную поездку. Стрендж не делал попыток запугать меня таким образом, но в то же время дал понять, что не собирается вновь выслушивать мои жалобы относительно поездки 1961 года, с которыми я обратилась в совет АЛТА.

В результате ассоциация выразила «свое величайшее доверие миссис Хопман и порицание тому беспокойству, которое ей было причинено».

В те времена я вела подробный дневник. В нем я написала:

«АЛТА просто несерьезна. Она ни капельки не уважает игроков. Там думают только о собственных интересах, они прекрасно знают, что если я не поеду с командой, то, быть может, и не будет достаточной прибыли. Они считают всех глупцами, хотя прекрасно знают, что,

если миссис Хопман останется руководителем команды, я не поеду. Я сказала, что лучше останусь дома целый год, чем поеду с командой».

Вспоминая сейчас обо всем этом, я удивляюсь своей выдержке тогда — ведь опыт выступлений в зарубежных турне у меня был так мал.

— Я думаю, будет очень здорово, если в теннисе другая страна поднимется на вершину,— писала я дальше в дневнике. Это была, конечно, ересь, так как Австралия в то время была в зените славы первой мировой теннисной державы.

— Это свергнет должностных лиц нашего тенниса с их высокого пьедестала. Единственное, о чем они думают,— это делать деньги. Они не думают об игроках. У нас в стране величайшие игроки мира, но АЛТА не ценит их. Я как-то сказала одному из них, что ни один австралиец не выиграет Уимблдона, пока будет выступать в их команде. Конечно, он не поверил мне.

Один из представителей ассоциации, комментируя мое желание поехать в турне самостоятельно, высказался таким образом:

— Я пожелаю ей всяческих неудач и надеюсь, что она проиграет каждый турнир, в котором будет выступать.

Чистосердечно сказано!

В моей жизни наступил мрачный период. Было совершенно очевидно, что АЛТА полна решимости помешать мне осуществить поездку самостоятельно, насколько будет возможно. Но Боб Митчелл и все, к кому он обращался за советами, считали, что это им не удастся. И тем не менее он решил выяснить, возможна ли моя поездка в Новую Зеландию, где я могла бы вверить себя в полное распоряжение их АЛТ для поездки за океан. Идея оказалась осуществимой, но, как выяснилось, мне не пришлось прибегать к такой крайней мере.

В итоге АЛТА согласилась, что не сможет препятствовать моей персональной поездке, но поставила условия — во время зарубежных турниров я не могу получать никаких денег. Боб Митчелл полностью поддержал меня: «Я помогу тебе с поездкой». Мне повезло в этом плане. Никто из теннисисток не мог решиться бросить вызов АЛТА. Неожиданно одна из крупнейших фигур в австралийском теннисе оказалась на моей стороне — Вик Эдвардс, президент Ассоциации лаун-тенниса Квинсленда. Несмотря на то что первоначально он был солидарен со

своими коллегами, все же в конце концов встал на мою сторону.

Мистер Эдвардс пригласил меня провести с ним и его женой в Брисбейне несколько дней. Там меня ждал сюрприз — жена мистера Эдвардса согласилась сопровождать меня в поездке за границу, быть моей компаньонкой. Мы поладили с ней с самого начала.

В то же самое время один из наиболее уважаемых людей в австралийском теннисе — сэр Норман Брукс, первая звезда Кубка Дэвиса и бывший президент АЛТА, дал понять, что он благожелательно относится к моему решению совершить индивидуальную поездку за границу:

— Я уверен, что девочка выиграет Уимблдон.

Позже я познакомилась с сэром Норманом и очень полюбила его. Он не забывал об интересах игроков, когда входил в состав официальных организаций, и всегда был чрезвычайно добр ко мне. Сэр Норман действительно стоит выше всех официальных лиц, которые представляли наш теннис после его ухода, никто из них не мог приобрести такую репутацию и как игрока и позже — как администратора.

Выехали мы за границу с миссис Эдвардс первого апреля 1962 года, а официальная команда, возглавляемая миссис Хопман, — на следующий день. Все направились сначала в Рим для участия в чемпионате Италии, а затем должны были отправиться в турне по Европе и Америке. Я чувствовала себя как одинокий, отверженный путник даже тогда, когда еще и не подозревала, как изрядно АЛТА решила наказать меня за мою непокорность. Однако в моем одиночестве были и свои положительные стороны. Теперь я имела достаточно времени, чтобы думать, строить планы, работать над своей техникой. Это еще больше укрепило мою решимость постараться выиграть все соревнования и таким образом оправдать свой упорный отказ ехать в поездку с командой.

Никогда в жизни я не играла так хорошо, как тогда, — выиграла семь турниров, включая и национальные чемпионаты. Я знала, что переключение с травяных на европейские глиняные корты может поставить передо мной большую проблему, но довольно хорошо приспособилась к ним в прошлый год и была уверена, что смогу и в этом году.

Последние несколько недель в Австралии, пока шла полемика вокруг вопроса о том, разрешат мне поездку за границу или нет, я тщательно тренировалась в гимнастическом зале и ежедневно занималась бегом. Большую помощь мне также оказал Мервин Роуз, известный теннисист, выступавший в розыгрыше Кубка Дэвиса, который был связан с Бобом Митчеллом. Мы с ним регулярно играли на окраине Св. Кильды, где он отрабатывал со мной подачу и другие удары, над которыми, как я чувствовала, мне нужно было поработать.

Не прошло и двадцати четырех часов с момента моего приезда в Рим, как мне пришлось убедиться, что АЛТА далеко пойдет в стремлении наказать меня за «самонадеянность». Я пришла на корты великолепного стадиона «Форо Италико», посматривая по сторонам, с кем бы потренироваться. Увидев Альфа Чейва, руководителя австралийской мужской команды, я спросила его, не могу ли потренироваться с кем-либо из его игроков.

— Маргарет, — сказал он извиняющимся тоном, — ты, очевидно, не слышала, что и мужской и женской командам дано распоряжение не тренироваться с тобой.

Альф всегда был очень порядочным человеком, и я знаю, что он был честен, когда сказал мне: «Я очень сожалею». Это был удар не только по самолюбию, но и по моим надеждам к соревнованиям быть в самой лучшей форме. Я была в ярости от такого акта мести со стороны ассоциации. Однако это было до того, как слово «бойкот» распространилось по всему свету, и австралийцы, которые совершали индивидуальные поездки в тот год вне плана АЛТА, тренировались со мной при малейшей возможности. Эти теннисисты, и в их числе Рой Эмерсон, Род Лейвер и Мартин Маллиган, разделяли мои взгляды на действия официальных представителей и симпатизировали моей позиции.

Альф Чейв тоже тихонько помогал мне, разрешая своим игрокам потренироваться со мной на других кортах, когда они были свободны от своих турниров. Однако игроки женской команды Австралии четко придерживались запрета и едва разговаривали со мной.

Как-то вскоре после нашего приезда в Рим в раздевалке мы оказались один на один с миссис Хопман. Я решила ни в коем случае не заговаривать первой. После довольно продолжительного молчания она подошла ко мне и сказала:

— Это глупо. Мы не можем не разговаривать на протяжении всей поездки. Но хочу, чтобы ты знала — я никогда не забуду того, как ты поступила по отношению ко мне в Австралии.

Лед тронулся, но дальше этого дело не пошло. С того момента мы приветствовали друг друга кивком головы, но наши отношения никогда так и не потеплели.

Поскольку моя постоянная партнерша по парным играм была членом нашей женской команды, мне пришлось обратиться к американской теннисистке Жюстине Бриска, которая также выступала индивидуально, играть со мной в паре в Риме и в других турнирах. Мы стали с ней хорошими друзьями, и в дальнейшем она присоединилась к нам с миссис Эдвардс. Жюстина играла жестко, в атакующей манере, близкой к моей, и из нас получилась хорошая пара. Мы завоевали титулы победителей в парной игре в международных турнирах в Швеции, Манчестере, Бристоле, Квинсе, Мерионе и Эссексе.

Основательное давление извне не позволяло мне ни на минуту расслабиться. Первый круг чемпионата Италии прошел благополучно. Первое испытание предстояло в четвертьфинале, где меня ждала встреча с Кристин Трумен, которая выиграла у меня в четвертьфинале Уимблдонского турнира в предыдущий год. Первый сет выиграла я, второй — Кристин. Но после перерыва я полностью собралась и в третьем сете проиграла только два гейма. Это значило, что я снова буду играть с Дарлен Хард. Закончила я спор с первой ракеткой Америки, выиграв со счетом 7:5, 6:3. Причем из-за сильного дождя отскок мяча был намного медленнее, чем обычно.

Теперь меня волновала финальная встреча с Марией Буэно — любимицей итальянских болельщиков, самых шумных и экспансивных в мире. Я знала, что против меня будут не только каждый зритель, но и судьи на линиях в спорных случаях. Для Марии это был очень важный матч — первое выступление в Риме после продолжительной болезни.

Предчувствия у меня были дурные. Они еще больше укрепились, когда главный судья соревнований сообщил, что дал разрешение капитану бразильской команды, участвовавшей в розыгрыше Кубка Дэвиса, да Сильва сидеть у задней линии корта с Марией на протяжении всего финала. Сеньор да Сильва, который был президентом клуба Марии на родине и близким ее другом, должен был

якобы оказывать ей помощь — подавать напитки и тому подобное и, конечно, советы по ходу матча. Это давало Марии преимущество. Я запротестовала против такой несправедливости. Тогда судья, взглянув на оказавшегося рядом Альфа Чейва, спросил, не хочу ли я, чтобы и на моей стороне присутствовал кто-нибудь в таком же качестве.

— Что вы об этом думаете? — поинтересовалась я у Альфа.

Ни минуты не колеблясь он согласился быть моим секундантом. Это ужасно тронуло меня. Оба мы, и Альф и я, знали, что он подвергает себя не только осуждению, но и наверняка взысканию со стороны АЛТА за помощь столь необычным образом.

Атмосфера этого матча напоминала атмосферу боя быков, и я чувствовала себя, наверное, как бык, когда толпа требует его крови. Верхние галереи одобрительно приветствовали каждую мою оплошность, неистово аплодируя даже двойным ошибкам на подачах. Мария была в таком же напряжении, как и я. Так, обмениваясь бесконечными быстрыми ударами, я отвоевала первый сет — 8:6, но Мария ответила во втором — 7:5. Во время перерыва репортеры буквально налетели на судью Делла Вида, спрашивая, почему рядом с каждой из теннисисток на корте секундант.

— Вообще это непозволительно, — признался он откровенно. — Этого не позволят в Уимблдоне, но это делается в других местах.

Однако это был единственный раз, когда мне было разрешено иметь рядом тренера, за исключением таких командных соревнований, как Кубок Федерации. Альф помог мне успокоиться, когда мы продолжили матч, и я выиграла третий сет со счетом 6:4.

Вот я и стала первой австралийской теннисисткой, надевшей корону чемпионки Италии.

Посыпались поздравления от друзей и всех тех, кто поддерживал меня в Албери и Мельбурне. Но Ассоциация ЛТА не проронила ни звука. Вместо этого на имя Альфа Чейва пришла телеграмма, в которой ему предлагалось объяснить свое присутствие на корте рядом со мной.

— Я помогал Маргарет, потому что мы оба австралийцы, — таким был его ответ.

Альф, умерший спустя несколько лет, никогда не вхо-

дил в число официальных руководителей национальной ассоциации. Он был маклером по продаже фруктов, а все свое свободное время бескорыстно помогал теннисистам и писал о теннисе для газет Квинсленда. Альф был назначен руководителем мужской команды в тот год как бы в награду за многолетнее бескорыстное служение теннису. Небезынтересно упомянуть, что больше его никогда не назначали руководителем после того, как он так по-товарищески проявил себя по отношению ко мне.

За победу в одиночных соревнованиях в Риме я получила чек на тридцать шесть фунтов в австралийской валюте. Поскольку АЛТА запретила мне получать какие бы то ни было деньги во время моего индивидуального турне, я послала их на счет викторианского детского общества в Мельбурне. Последующие чеки также были посланы этому благотворительному обществу. Все мои расходы и большинство расходов миссис Эдвардс были оплачены Бобом Митчеллом. Должна сказать, что уровень моей жизни в этом турне, включая питание и гостиницы, в которых мы останавливались, был намного выше, чем в прошлом году. И я уверена, что девушки, поехавшие с командой под руководством миссис Хопман, завидовали мне. Питалась я так, как мне хотелось. Останавливались мы в хороших, спокойных отелях, куда бы ни приезжали. Конечно, я была довольна и своим нынешним положением, и тем, что в своем споре с ассоциацией считала себя правой.

Эта поездка дала мне возможность осмотреть достопримечательности Лондона, Парижа и Рима — и я получила от этого такое же большое удовольствие, как и любой турист. Я смогла приобрести много цветных слайдов собора Парижской богородицы, лондонского Тауэра и других достопримечательностей. В последние годы теннис стал настолько всеобъемлющим, что теперь едва видишь города, в которых приходится выступать.

В те дни я побаивалась бродить по Парижу или Лондону одна. Если рядом не было кого-нибудь, с кем можно было пойти перекусить, я оставалась в гостинице голодной. Сплошь и рядом мужчины приставали к молодым девушкам, и это панически пугало меня.

Как-то в Париже мы жили в отеле «Атланта» вместе с Лесли Тернер. Тони Роше пригласил ее провести вечер, и я знала, что вернутся они поздно. Поэтому заперла дверь и читала до полуночи. В полночь погасила свет и вдруг

услышала, как дверь тихо открывается. Тут в дверях увидела мужчину — он, очевидно, открыл ее отмычкой. Меня охватил ужас, но хватило сообразительности, чтобы для защиты схватить ракетку из груды лежавших недалеко от кровати. Как раз в тот момент хлопнула дверь лифта — вернулись Лесли с Тони, и мужчина повернулся и бросился вниз по лестнице в этот момент, когда они подходили к дверям. Лесли никак не могла понять, что я делаю в середине ночи в коридоре с ракеткой в руках.

Следующим большим турниром был чемпионат Франции — второй этап соревнований Большого шлема. А пока мы с Жюстиной и миссис Эдвардс отправились в Лугано, где я вновь, как и в прошлый год, завоевала звание чемпионки Швейцарии, победив в последних кругах двух представительниц австралийской команды — Джен Лейхейн и Лесли Тернер. В паре с Жюстиной мы выиграли у них же в финале, испортив таким образом миссис Хопман настроение. Призами за победу и в одиночных и в парных играх были великолепные швейцарские часы. Директор турнира, осведомленный о запрете АЛТА, вручил мне две пары часов после окончания церемонии награждения.

В финал чемпионата Франции я вышла без особых затруднений. Здесь моим оппонентом была Лесли Тернер, у которой я только что выиграла в Швейцарии, — звезда официальной женской команды Австралии против скверной девчонки. Лесли в то время была в лучшей спортивной форме и, конечно, была настроена своим тренером на то, чтобы взять реванш за предыдущую нашу встречу.

Я выиграла первый сет со счетом 6:3, но Лесли ответила тем же, отыграв второй сет с таким же счетом. Третий сет был потрясающе волнительным. Я выиграла подачу Лесли и повела в счете — 3:2 и моя подача. Последним очком в следующем гейме была подача, которую она не взяла. На табло загорелось: «Смит — 4, Тернер — 2». Но Лесли выкрикнула: «Сетка!» — и встала в ожидании второй подачи, вместо того чтобы начать новый гейм. В конечном счете я подала вторую подачу — Лесли выиграла мяч и мою подачу. Счет стал 3:3. Она быстро выиграла три гейма подряд — 5:3. Но дальше не пошла. Я целиком завладела игрой и выиграла следующие четыре гейма, не проиграв ни одного мяча. Сет я выиграла со счетом 7:5.

Впервые я завоевала титул чемпионки Франции, причем первой среди австралийских теннисисток. Это был второй этап на пути к Большому шлему. Вместе с Жюстиной мы имели хороший шанс и в парных соревнованиях, но в финале проиграли очень сильной паре — Сандра Рейнольдс и Рени Шурман.

Снова много поздравлений пришло из Албери и Мельбурна, от родных и добрых друзей. Что же, можно было быть довольной результатами выступлений в континентальной части турнира.

Впереди была Англия — серия соревнований на травяных кортах и Уимблдон, величайшая дуэль. Я выиграла десять турниров подряд, не проиграв ни одного соревнования за девять месяцев непрерывных выступлений. Спад был неизбежен. Полоса выигрышей кончилась неожиданно в Манчестере, где в четвертьфинале меня обыграла американка Кэрол Колдуэлл (позднее Кларк Грейбнер). После этого поражения я много тренировалась, чтобы вновь привыкнуть к травяным кортам. В Бристоле я снова встретилась с Марией Буэно — впервые после Рима. И снова наш матч длился три сета, и я выиграла.

Я решила пропустить одиночные игры в Королевском клубе, своеобразную прелюдию Уимблдона, и играть только пару. Казалось, что гораздо полезнее будет потренироваться в одиночных играх на траве, чем участвовать в соревнованиях. Не нравилось мне, как я выполняю удары. Я потеряла уверенность в себе, а ее было достаточно в играх и в Италии, и во Франции. Я надеялась, что со жребием мне повезет больше, чем в прошлом году, когда пришлось в первом круге играть с Ненси Ричи.

Как и ожидалось, на соревнованиях в Уимблдоне я была «посеяна» первым номером. Но со жребием не повезло.

Моей первой соперницей была Билли Джин Моффит — теннисистка небольшого роста, в очках. Она была в Америке игроком номер три, правда, не «посеяна» в Уимблдоне, но ее уже прочили на роль первого номера. Я знала о ней только понаслышке. Атмосфера накалилась, когда Фрэнк Седжмен и Джон и Дульчи Янг прилетели из Мельбурна поддержать меня. Я поняла, что в Австралии все рассчитывают: я стану первой австралийской теннисисткой, выигравшей Уимблдон. К моему край-

нему удивлению, я получила телеграмму, в которой говорилось:

«Президент и совет АЛТА шлют наилучшие пожелания к предстоящим матчам в Уимблдоне».

Позже я узнала, что Норман Стрендж самостоятельно послал эту телеграмму, за что совет высказал ему свое неудовольствие.

Больше всего накаливали страсти английские газеты. Теннисисты должны быть дальше от них в Уимблдоне*. В тот год я не могла открыть ни одну из них, чтобы не прочитать о «нервозности Смит на центральном корте». Куда бы я ни пошла, репортеры осаждали меня вопросами, буду ли я так же «нервничать» во встрече с Билли Джин. Спасения не было. В предыдущий год я приобрела репутацию игрока, перенервничавшего в решающем матче Уимблдона, и теперь журналисты обыгрывали это.

Тем временем Билли Джин, весьма общительная по природе, говорила каждому, кто спрашивал ее, что у нее хорошие шансы, поскольку все «давление» перед матчем сосредоточилось на Маргарет:

— У нее есть все, что можно потерять и ничего не выиграть, — как это верно.

Я играла с Билли Джин холодным ветреным днем во втором круге — мы обе были свободны в первом круге. Огромный, возвышающийся центральный корт был переполнен. Билли Джин потребовалось больше времени, чтобы успокоиться, чем мне. Я играла сосредоточенно и выиграла первый сет со счетом 6:1. Затем расслабилась немного, но этого было достаточно, чтобы Билли Джин выиграла второй сет — 6:3. Я быстро довела счет в третьем сете до 5:2. При счете 5:3 и 30:15 на своей подаче я уже чувствовала радость победы — до нее было всего два мяча. И все-таки Билли Джин сравняла игру и неожиданно повернула матч. Счет стал 5:5. Я была ошеломлена, когда гейм кончился. Выиграв два решающих очка, я ударом

* Соревнования в Уимблдоне — старейшие в мировом теннисе — считаются неофициальным первенством мира на травяных кортах. Однако это не только самый большой турнир теннисистов, это и праздник для всей страны со своими традициями. Английская публика любит свое детище, переживает все победы и поражения игроков и даже подробности их личной жизни. Поэтому те теннисисты, которые впервые попадают под столь пристальные взгляды английских болельщиков, часто бывают не готовы к такому испытанию психологически, что нередко отрицательно сказывается на их игре.

справа послала мяч в сетку, отдав таким образом Билли Джин сет и матч. Это был один из самых неожиданных проигрышей в истории Уимблдона.

Трудно было скрыть слезы огорчения, когда я пожмала руку Билли Джин: «Отлично сыграла, ты заслужила победу».

Я едва видела принцессу Марину, когда мы с Билли Джин шли к королевской ложе*. Пресс-конференция после матча была для меня суровым испытанием. Я знала, все готовы были написать то же самое — «нервозность центрального корта». Журналисты спрашивали, не повлияла ли размолвка с АЛТА на мою игру.

— Это не имело никакого отношения, — ответила я. — Я проиграла лучшей на сегодняшний день теннисистке.

Странно, но меня утешало то, что миссис Хопман не видела матча. Она сообщила репортерам:

— Я наблюдала за игрой своих игроков на других кортах, когда Маргарет играла.

Словно для того, чтобы я запомнила ее, Билли Джин со своей партнершей Карин Сасмен выиграла у нас с Жюстиной в финале парных соревнований Уимблдона. Это было началом нашего персонального соперничества между Билли Джин и мной, которое продолжалось в течение нескольких лет на соревнованиях фактически во всех странах, где теннис развит, в закрытых и открытых помещениях, в различное время года и в разных климатах. Оно могло длиться очень долго. Когда я вернулась в спорт после рождения второго ребенка, к концу 1973 года, я выиграла двадцать один одиночный матч, а Билли Джин — тринадцать.

Это поражение в одиночных играх повергло меня в жуткое уныние. Проиграть тогда, когда я была настолько впереди. Это заставило меня задуматься о своих способностях и о будущем в теннисе. Но период безысходного отчаяния длился недолго. Меня здорово ободрили слова Фрэда Перри, одного из замечательнейших английских

* В Англии свято чтут традиции и ритуалы центрального корта. Прежде чем выйти на корт, теннисисты, например, должны спуститься в специальную комнату для ожидания. Затем специально выделенный для этого человек, десятилетиями работающий там, выводит их на площадку. Если в центральной ложе присутствует кто-то из членов королевской фамилии, то игроки должны приветствовать их: женщины — реверансом, мужчины — поклоном. Так же приветствуют их и уходя с корта.

теннисистов, с которыми он обратился ко мне в открытом письме, опубликованном в лондонской газете:

— Дорогая Маргарет, сегодня мир кажется вам пустынным. Ваши надежды были так внезапно разбиты и при таких драматических обстоятельствах — вы были буквально нокаутированы и поэтому считаете себя, я уверен, самым несчастным человеком. Ни минуты не думайте, что вы совершенно одиноки. Сотни тысяч людей мысленно с вами сейчас.

Вы завоевали уважение и восхищение своими победами; точно так же вас уважают за то, как вы вчера встретили этот гром среди ясного неба.

Одно дело — принимать лавры победителя. Гораздо труднее смириться с поражением, особенно когда оно приходит таким образом, как это произошло с вами. Ваши друзья по-прежнему остаются того же мнения о вас, что и прежде. Что думают другие — не имеет значения. Пожалуй, теперь вы приобрели еще больше друзей и почитателей. Спокойствие, которое вы сохраняли, покидая центральный корт, хотя сердце ваше, должно быть, было разбито, принесло вам несметные богатства — новых друзей и почитателей.

Прошу вас, не дайте им возможности разочароваться. Я уверен, вы не позволите. Наступят другие дни, и в девятнадцать лет, при ваших способностях в теннисе, хороших дней у вас будет значительно больше, чем плохих.

Искренне ваш Фрэд Перри.

Были сотни других посланий и телефонных звонков такого же плана. Даже АЛТА, а может быть снова Норман Стрендж, прислала мне телеграмму с утешением. Всеанглийский клуб, который славится в мире тенниса, прислал корзину красных роз в адрес Арлингтон Хаус, где мы жили. Все эти дружеские знаки внимания значительно подняли мое настроение.

Конечно, Большой шлем был теперь уже для меня недостижим, но оставался Форест Хиллс — ни одна австралийская теннисистка еще не выигрывала здесь соревнований.

Фрэд Перри, который стал моим хорошим другом и советчиком, а также модельером и поставщиком теннисных костюмов, которые я ношу, предложил нам с миссис Эдвардс отправиться в Нью-Йорк не самолетом, а пароходом, чтобы немного отдохнуть. Однако миссис Эдвардс

решила посетить Испанию, и мы с Жюстиной сели на пароход «Королева Елизавета» в Саутгемптоне, чтобы пересечь океан. Поездка оказалась отличной. Мне все больше нравилась Жюстина, типичная американка с хорошим чувством юмора. Идеальный компаньон в путешествиях, равно как и первоклассный партнер в игре, она во многом облегчала мне жизнь в тот период, когда я была «отверженной». Без нее мне было бы значительно труднее. Миссис Эдвардс была очень доброй и понимающей, но, естественно, разница в годах накладывала свой отпечаток на наши отношения. А с Жюстиной у нас было много общего помимо возраста.

Свое двадцатилетие я встретила в открытом море. Капитан корабля отдал распоряжение приготовить для меня огромный торт, который мы обмыли шампанским. Этот веселый праздник был резким контрастом с прошлогодним днем рождения, когда я лежала в госпитале в Лондоне. Несмотря на поражение в Уимблдоне, мир выглядел для меня значительно светлее в двадцать лет, чем в девятнадцать.

Первым выступлением в турнире на американских травяных кортах были соревнования в «Мэрион крикет клубе», находящемся на окраине Филадельфии, где нас поселили в доме мистера и миссис Клей Меллор. Меня обрадовало не только приятное окружение, но и то, что на турнире должна выступать и Билли Джин. Я не ожидала, что возможность попытаться взять реванш предоставится мне так скоро.

Встретились мы с Билли Джин в полуфинале. На этот раз я не ощущала панической боязни ни центрального корта, ни чего бы то ни было, и выиграла со счетом 6:4, 6:2. Когда мы пожимали друг другу руки через сетку, Билли Джин засмеялась и сказала:

— Я была уверена, что так и случится.

Жаль, что это не случилось месяцем раньше. Но Уимблдон был уже позади. Я была в отличнейшей форме. В финале моей соперницей была американка Карин Сасмен, новая чемпионка Уимблдона. В паре я победила ее в двух сетах. Мы с Жюстиной выиграли парные соревнования у Билли Джин и Карин, взяв еще один реванш за Уимблдон. В заключение великолепной недели мы с Фредом Столле выиграли титул чемпионов в смешанной паре. Начало моего американского турне было отличным!

Восточный чемпионат на травяных кортах в Орандже (Нью-Джерси), зеленой окраине Нью-Йорка, был точной копией соревнований в Мерионе. Снова я встретилась с Билли Джин в полуфинале и снова победила ее со счетом 6:4, 6:4. Снова выиграла финал у Карин Сасмен со счетом 6:4, 7:5. И в довершение всего мы с Жюстиной выиграли у Билли Джин и Карин Сасмен в финале парных игр.

После соревнований в Орандже у нас был недельный перерыв, и я провела его в доме Маргарет Осборн-Дюпон, в прошлом чемпионки Уимблдона и Соединенных Штатов.

Своеобразной разминкой в одиночных играх перед Форест Хиллсом был турнир в Эссексе (Нью-Ингленд). В финале его я выиграла у Марии Буэно. Эта победа дала мне большую уверенность, поскольку я предчувствовала, что снова встречу с ней в чемпионате страны.

В Форест Хиллсе я была «посеяна» первым номером, следом за мной шли Дарлен Хард и Мария Буэно. Здесь я вплотную столкнулась с нашей официальной женской командой, которая оставалась в Европе после Уимблдона. Барьер между нами постепенно исчезал, хотя и очень медленно, несмотря на то что миссис Хопман оставалась недружелюбной, как и прежде. Лесли Тернер и Робин Эбберн тренировались со мной, игнорируя напоминания миссис Хопман о том, что бойкот в отношении меня все еще остается в силе.

Как и ожидалось, я встретилась с Марией Буэно в полуфинале. И встреча эта оказалась самой захватывающей и самой напряженной из всех наших матчей. Огромные галереи, заполненные пятнадцатью тысячами зрителей, единодушно болели за «балерину кортов». Мария выиграла первый сет — 8:6. Я выиграла второй — 6:3. Выиграла ее подачу в начале решающего сета. Мария отыграла очки, счет стал 4:4. И все же мне удалось выиграть со счетом 6:4. Многие специалисты называли этот матч лучшим женским матчем, который они когда-либо видели, поскольку оба игрока показали игру высокого класса. Я чувствовала, что выиграла большой матч, победив Марию. Теперь мне предстояла серьезная борьба в финале против Дарлен Хард. Я чувствовала себя очень усталой после такой изнурительной встречи. Но понимала: чтобы выиграть Уимблдон, мне нужно пройти только через такие действительно большие матчи. Предстоящий

матч был серьезным и для Дарлен. Выигрыш принесет ей третий титул чемпионки Форест Хиллса, а это, как она сама говорила, было ее большим желанием.

Но я помнила, что сказала Дарлен когда-то в Австралии:

— Подождите, пока я возьму реванш на своих кортах в Штатах.

Я поклялась заставить ее взять свои слова обратно. В этой встрече Дарлен прибегла к такому трюку, который едва не стоил мне выигрыша. Первый сет был настоящим марафоном — он закончился со счетом 9:7. Я выиграла его на двойных ошибках Дарлен. Во втором сете я вела 4:2, когда Дарлен приступила к осуществлению своего замысла. Она пожаловалась на слишком позднее предупреждение судьи, находившегося у ее задней линии. Через некоторое время ее мяч снова оказался «за» дюйма на четыре. Судья на линии произнес: «Аут!». Дарлен возразила: «Мяч попал». Однако судья отказался изменить свое решение. Вместо того чтобы продолжать игру, американка прошла за заднюю линию, бросила ракетку, закрыла лицо руками и громко разрыдалась. Я никогда не видела ничего подобного. Ко всеобщему замешательству всех наблюдавших, Дарлен рыдала, несмотря на требование судьи продолжать игру. Я села в ожидании, когда прекратится эта истерика. Но когда она наконец кончилась и Дарлен взяла мяч, чтобы подавать, я никак не могла собраться. Если именно к этому стремилась Дарлен, то она своего добилась.

Преимущество мое стало быстро уменьшаться — 4:4. Мне казалось, что никогда не жаждала я так выиграть матч, как сейчас. Где найти силы выиграть следующие два гейма? На своей подаче я повела 5:4 и каждым ударом стремилась нападать, чтобы следующим геймом выиграть матч.

И все же я стала первой австралийской теннисисткой, завоевавшей корону чемпионки Америки — это наполнило меня чувством гордости.

На церемонии награждения, которая состоялась сразу после матча, Дарлен стояла в двадцати пяти футах от меня. В душе я радовалась этому, поскольку у меня не было ни малейшего желания разговаривать с ней. Поведение Дарлен, игрока столь высоко класса и такого большого опыта, было абсолютно не извинительно. Да это не извинительно ни для кого бы то ни было.

Форест Хиллс был последней остановкой в нашем заграничном турне. По дороге домой мы с мисс Эдвардс провели несколько дней в Гонолулу, отдыхая, полностью забыв о теннисе. Приезд мой был резким контрастом тихому отъезду, омраченному официальной администрацией пять месяцев назад. В аэропорте меня ждала толпа репортеров и представителей телевидения. Среди них были и представители АЛТА, которые приветствовали меня пространными поздравлениями по случаю успешных выступлений в турне. Было совершенно ясно, что отныне я не была больше «золушкой в теннисе» в глазах нашей официальной администрации. Я выиграла свою битву за независимость — и была горда своим упорством.

В прессе пытались связывать мой проигрыш в Уимблдоне с конфликтом с АЛТА, но я никогда не связываю их воедино. Я хочу напомнить, что выиграла три этапа Большого шлема и стала первой австралийской теннисисткой, которая завоевала титулы чемпионки в Риме, Париже и Форест Хиллсе.

Три из четырех самых высоких мировых титулов в один год — это стало своеобразной печальной традицией для меня. Не менее четырех раз я была близка к завоеванию Большого шлема, проигрывая один турнир из большой четверки: в 1965 году я потерпела поражение только в финале чемпионата Франции; в 1969 и 1973 годах я вышла в полуфинал Уимблдона, но оба раза проиграла. Невезение, болезнь или что-либо еще каждый раз приносили мне неудачу.

Глава 5

ИГРЫ НА КУБОК ФЕДЕРАЦИИ

Соревнования на Кубок Дэвиса, ежегодно проводимые между командами стран мира, сыграли большую роль в том, что Австралия заняла ведущие позиции в мировом теннисе. После второй мировой войны год за годом наши теннисисты Фрэнк Седжмен, Лью Хoad, Кен Розуолл, Мэл Андерсон, Нил Фрэзер, Рой Эмерсон, Род Лейвер, Джон Ньюкомб и другие были лидерами в розыгрыше Кубка, выигрывая его или доходя до челлендж раунда. Как австралийка я, естественно, гордилась их достижениями. Однако как теннисистка сожалела о том, что нет подобных международных соревнований

среди женщин. Единственным турниром, который можно было сравнить с розыгрышем Кубка Дэвиса, были соревнования на Кубок Уайтмена, ежегодно разыгрывавшиеся между командами Соединенных Штатов и Великобритании. Все попытки сделать эти состязания открытыми для теннисисток других стран в то время ни к чему не привели.

Бывшие игроки, такие, как мисс Маргарет Дюпон и другие, активно работавшие в теннисе в качестве тренеров или официальных представителей, в итоге убедили Международную федерацию лаун-тенниса учредить ежегодные соревнования для женских команд всех «теннисных» стран на Кубок Федерации начиная с 1963 года. Принципы их проведения немного отличались от принципов розыгрыша Кубка Дэвиса, который разыгрывается в различных географических зонах на протяжении целого года. Кубок Федерации* должен был проходить как обычный турнир, проводимый в одном месте в течение недели. Эта формула обещала быть более интересной, чем формула розыгрыша Кубка Дэвиса. Лидирующие игроки-профессионалы отказываются от участия в предварительных зональных соревнованиях Кубка Дэвиса, считая их напрасной тратой времени и денег. В результате австралийские, равно как и американские, теннисисты выбывают из соревнований на начальных кругах, потому что предпочитают играть в это время в более выгодных, прибыльных соревнованиях где угодно.

Многие считают, что, если Кубок Дэвиса будет разыгрываться в течение одной недели, это снова привлечет к соревнованиям лучших игроков мира равно, как и Кубок Федерации.

Одной из теннисисток, сыгравших большую роль в учреждении Кубка Федерации, была Тельма Лонг, в свое время чемпионка Австралии, позже преподававшая теннис в Сиднее. Когда пришло время подумать о следующей поездке за границу, у меня состоялся долгий разговор с Бобом Митчеллом. АЛТА не собиралась посылать женскую команду за границу в 1963 году, что в любом случае больше всего устраивало меня.

Мне очень хотелось выступать за Австралию в том турнире при торжественном открытии матчей на Кубок

* Кубок Федерации — неофициальное первенство мира среди женских команд. Каждый матч проводится из трех встреч: двух одиночных и одной парной.

Федерации, который намечалось проводить в Королевском клубе в Лондоне как раз перед Уимблдонским турниром. Мы составили хорошую пару с Робин Эбберн, и она была непрочь вместе со мной поехать за границу. Боб предложил, чтобы поехала с нами миссис Лонг — она будет отличным сопровождающим, считал он, особенно если учитывать ее личную заинтересованность в проведении Кубка Федерации. Сама она неоднократно выезжала за рубеж как игрок, поэтому знала отлично все, что было связано с такими турнирами. К счастью для нас, миссис Лонг охотно согласилась с такой идеей и взяла на себя труд составить для нас маршрут, главными соревнованиями в котором были бы Кубок Федерации и Уимблдон.

А тем временем я весьма успешно выступала на внутриавстралийских соревнованиях и в четвертый раз завоевала титул чемпионки Австралии, победив в финале Джен Лехейн. Это были сугубо австралийские турниры, поскольку такие зарубежные звезды, как Мария Буэно и Дарлен Хард, в сезоне 1962/63 года не приехали в Австралию.

Когда в апреле мы вылетели из сиднейского аэропорта, я с радостью вспоминала о цепочке побед, протянувшихся на пути к соревнованиям в Мерионе прошлым июлем. Но я проиграла Уимблдон, и это напоминало мне о той большой цели, которую мне предстояло осуществить. Я знала, что никогда не буду считать себя сильнейшим игроком мира, пока не отпраздную триумф на центральном корте Уимблдона — святая святых в теннисе, внушавшем мне благоговейный страх.

Миссис Лонг решила, что по пути в Италию и на европейский тур мы остановимся в Гонконге, чтобы сделать кое-какие покупки. Во время пребывания в Гонконге мы ежедневно тренировались в местном теннисном клубе и были приглашены сыграть несколько показательных матчей с местными игроками. К нашему большому удивлению, это оказались одни мужчины, поскольку уровень игры здешних теннисисток был очень низким. Я не чувствовала растерянности перед встречей с местным чемпионом двадцатичетырехлетним Виктором Саном, потому что всегда любила играть с мужчинами. И чувствовала себя уверенно, выходя на корт против Виктора, перед компетентными зрителями. Я выиграла у него с удивительной легкостью — 6:1, 6:2.

Снова выступить против мужчины мне пришлось десятью годами позже, когда Бобби Риггс и я встретились в первом «смешанном» телевизионном шоу в Сан-Диего в Калифорнии. К тому времени я почти забыла гонконгский матч, но подсознательно, очевидно, находилась под влиянием той легкой победы над Виктором Саном, когда согласилась играть против Бобби, достаточно солидного человека, чтобы быть моим отцом. Но это уже другая история.

Для того чтобы я могла потренироваться на глиняных кортах перед чемпионатом Италии, где мне предстояло защищать свой титул чемпионки, мисс Лонг заявила меня на участие в турнире в Неаполе. В финале этих соревнований я проиграла Лесли Тернер, прервав таким образом полосу выигрышей в десяти турнирах. Но это было хорошей подготовкой к Риму. Здесь я снова встретилась с Лесли в финале, но уже на этот раз выиграла у нее со счетом 6:4, 6:4, защитив свой титул чемпионки Италии.

Мы с Робин выиграли чемпионат Австралии в парном разряде и были уже сыгранной парой. В Риме мы вышли в финал против чемпионов Италии Леа Периколли и Сильваны Лаззарино. Честно говоря, мы побаивались матча. Играть на огромном стадионе «Форо Италико» — это суровое испытание. Мы знали, что столкнемся с самыми громкими и самыми необъективными болельщиками в мире и вдобавок с самыми необъективными судьями на линии. Каждая минута матча оправдывала наши худшие опасения, но мы неуклонно продвигались к победе и выиграли. Но когда нам вручали завоеванные призы, молчание разочарованной толпы было просто оглушающим.

Мне предстояло защитить еще один титул — звание чемпионки Франции, который был вторым этапом на пути к Большому шлему и который, конечно же, мне хотелось завоевать. Начало турнира было весьма неудачным из-за ужасной погоды. Тренировочные корты найти было трудно, и я почти не тренировалась, пока шел первый круг соревнований, во время которых я была свободна. Начала я со второго круга.

Корты «Роллан-Гарро» — самые медленные, а тогда они были совсем тяжелыми из-за дождей и недостатка солнца. Поэтому я чувствовала себя неуверенно, дойдя до четвертьфинала, где мне предстояло встретиться с теннисисткой из Чехословакии Верой Суковой. Год назад

Вера была финалистка Уимблдона, и я знала, что она может бесконечно держать мяч в игре, особенно на медленных глиняных кортах. Она доставала каждый мяч, добежала к сетке, отбивала мячи с задней линии, основательно задав мне жару.

Проиграли мы также с Робин и финал в Париже, играя против Энн Джонс и Рени Шурман, однако с Кеном Флетчером выиграли титулы чемпионов Австралии и Франции в паре, успешно пройдя два этапа на пути к Большому шлему. Нам предстояло выиграть еще два турнира в тот же год — титулы чемпионов Уимблдона и Америки в Форест Хиллсе. Это был единственный титул обладателя Большого шлема в смешанных соревнованиях, завоеванный с одним и тем же партнером. В 1965 году я снова выиграла большую четверку в смешанном разряде, но с разными партнерами: чемпионат Австралии — с Ньюкомбом, Франции и Уимблдона — с Флетчером, Америки в Форест Хиллсе — со Столле. Ближе всего к завоеванию Большого шлема в парном разряде я была в 1973 году, когда вместе с англичанкой Вирджинией Уэйд выиграла чемпионаты Австралии, Франции и Америки в Форест Хиллсе.

Так как я выбыла из соревнований, это позволило мне более тщательно осмотреть достопримечательности Парижа, чем в предшествующие турниры. Я была очарована его лавчонками и магазинами, поражена красотой его памятников, парков, широких проспектов. Мисс Лонг так отлично все организовывала, куда бы мы ни приезжали, что у нас всегда было время, чтобы осмотреть местные достопримечательности. Она оказывала огромную помощь во всем, чего бы ни коснулось. И я вынесла из этой поездки, путешествуя в ее обществе, больше, чем из любой другой. Из Парижа мы поехали в ФРГ, где я выиграла титулы чемпионки в одиночном, парном и смешанном разрядах.

В предыдущие годы я играла все соревнования на травяных кортах Англии, но на этот раз мисс Лонг предложила вместо Манчестера отправиться в Испанию. Пребывание в Барселоне оставило очень хорошие впечатления. Впервые я увидела здесь бой быков на барселонской П्लाццо де Торос, где матадор бросил мне свою шляпу и посвятил первого в тот вечер быка мне. Как тут не получить удовольствие. В ответ, ко всеобщему удовольствию зрителей, я бросила ему теннисный мяч с автогра-

фом. Несмотря на такое внимание ко мне, я не могу сказать, что кровопускание и расправа с быком, что венчают весь этот спектакль, мне очень понравились.

Из Испании мы морем переплыли в Англию для участия в Кубке Федерации и Уимблдонском турнире. Я не играла на травяных кортах почти шесть месяцев и поэтому была очень удивлена, что привыкла к ним довольно быстро, выступая в чемпионате графства Кент в Бэкенхеме, который мы выбрали в качестве своеобразной разминки перед предстоящими большими соревнованиями. В финалах парных соревнований мы с Робин выиграли у Джен и Лесли Тернер в трех сетах. Мы были уверены, что в Австралии нас выберут в команду для участия в парных играх Кубка Федерации, которые должны были состояться через неделю.

К моему большому разочарованию, Робин не была включена в состав команды, несмотря на отличные результаты наших выступлений в парных соревнованиях. В пару со мной была выбрана Лесли, а я и Джен должны были играть в одиночных играх. Шестнадцать стран участвовали в торжественном открытии соревнований на Кубок. Мы были «посеяны» первыми, после нас шла команда США, в которую входили Дарлен Хард и Билли Джин Моффит в одиночных играх и Кэрол Колдуэлл и Дарлен Хард в парных.

Согласно жеребьевке, команды Австралии и Америки должны были встречаться в финальном круге Кубка Федерации, который разыгрывался в Королевском клубе Лондона, где по традиции проводились соревнования, предваряющие Уимблдонский турнир.

Начались соревнования на травяных кортах, но дождь заставил два финальных круга провести в закрытом помещении, и мы играли при искусственном освещении на кортах с дощатым покрытием. По жребию первый матч я должна была играть против американской теннисистки — моей старой соперницы Дарлен. Я выиграла у первого номера американской команды со счетом 6:3, 6:0. Это радовало лично меня и, что было еще более важно, выдвинуло команду Австралии вперед. Однако Билли Джин, удивительный боец, особенно в трудные моменты, вернула свою команду на прежнюю позицию в этом споре, выиграв у Лесли Тернер в трех сетах. Лесли заменила Джен, которая повредила ногу в предыдущих матчах.

Теперь все решали парные игры. Они стали волную-

щим зрелищем. Мы с Лесли выиграли первый сет — 6:3, вели и во втором сете — 5:4. Дальше счет стал 9:8. Моя подача, нужно завершить сет, но американки отыгрывают подачу. В итоге счет стал 11:9 в их пользу. Их свечи были особенно аккуратны и точны в третьем сете, и они выиграли его со счетом 6:3 и завоевали Кубок Федерации.

Мы были страшно расстроены таким результатом. А я особенно. Мне отчаянно хотелось выиграть Кубок ради мисс Лонг, которая столько сделала для того, чтобы проводились эти соревнования, и столько работала, чтобы подготовить меня к ним. Как бы то ни было, но матчи принесли мне много радости. Я с удовольствием играла командные матчи и гордилась тем, что представляю свою страну. Трудно передать волнение, когда стоишь на корте и слышишь национальный гимн твоей страны. И когда судья объявляет счет: «Австралия ведет! Счет сетов 2:1» вместо «Ведет мисс Корт», то чувствуешь необыкновенный подъем.

Я выступала за Австралию каждый раз, как предоставлялась возможность, и помогала завоевать Кубок четыре раза. Я ни разу не проиграла в одиночных играх, и мой рекорд в шести соревнованиях на Кубок Федерации 20:0 в одиночных и 14:5 в парных играх.

К большому сожалению, прежняя атмосфера проведения Кубка Федерации изменилась с наступлением эры профессионализма. Во времена любительства представлять свою страну в них могли лучшие игроки. Теперь нередко ведущие игроки отсутствуют на играх Кубка. То же самое можно сказать и о розыгрыше Кубка Дэвиса. Отсутствие ведущих игроков вывело команды Австралии и Америки из соревнований задолго до финалов в 1974 году. Я не выступаю в Кубке Федерации после 1970 года.

То же самое происходит с розыгрышем Кубка Бонн Белл — соревнованиями между женскими командами Америки и Австралии. В первый год его проведения (1972 г.) соревновались Крисс Эверт, Ивонн Гулагонг и я, и это был истинный спор сильнейших теннисисток. Но вскоре деньги стали более важным вопросом, чем интересы спорта. Билли Джин, например, отказалась играть в составе американской команды в Сиднее в 1973 году потому, что ее требование вознаграждения в сумме 30 000 долларов в качестве приза не было встречено с пониманием. Именно такое отношение и погубило соревнования на Кубок Бонн Белл.

УИМБЛДОН ВЫИГРАН

Телли Лонг была надежной опорой, человеком, на которого всегда можно было положиться, и особенно когда вновь стал приближаться Уимблдонский турнир. Она организовала мои тренировки и постоянно, каждое утро сопровождала нас с Робин в Королевский клуб. Мы тренировались в закрытом помещении до турнира и во время него на быстрых дощатых кортах, очень похожих на травяные корты всеанглийского клуба. Телли также тщательно следила, чтобы питалась я вовремя и правильно. В довершение всего она охраняла меня от излишних общений, перехватывала все телефонные звонки журналистов, короче говоря, делала все, чтобы я чувствовала себя спокойно.

Она знала, что прежние напряжения и скованность, боязнь Уимблдона снова крепнут во мне. Некоторое время, я даже не поняла, каким образом, журналисты не появлялись в отеле «Карлтон Тауэр» в Лондоне, где мы остановились на время соревнований на Кубок Федерации и Уимблдона. Позже она призналась, что предусмотрительно держала их подальше от меня. Заголовки газет доставляли мне немало неприятных минут, особенно постоянный старый вопрос: «Намерена ли Маргарет успокоиться?» Журналисты не собирались оставлять меня в покое с моей проблемой «нервозности центрального корта». Когда я буду выходить на корт в решающем матче, один из них подойдет и спросит: «Вы не собираетесь нервничать сегодня, не так ли?» Я могу теперь смеяться над этим, но тогда это было совсем не смешно. Английская пресса порой убивала игроков. Журналисты всегда ждали так много от своих теннисистов, уговаривая их выиграть. А потом писали всякий вздор, если те проигрывали. Уэйд никогда не играла в Уимблдоне так, как могла бы, потому что знала, слишком много ждут от нее, и особенно пресса. Телли оказала мне огромную услугу в тот год, когда оберегала от чтения лондонских газет. Мне совершенно не нужно было напоминать о том, что я страшно нервничала.

В те дни я ужасно переживала все свои матчи. Накануне ночью, лежа в постели и тщетно пытаюсь заснуть, я мысленно проигрывала каждый большой свой матч. Я бес-

престанно думала о теннисе все двадцать четыре часа в сутки. В действительности я ужасно страдала не столько из-за «нервозности», сколько из-за недостаточной уверенности в себе, в свои способности. В юности это было для меня большой проблемой — я всегда не верила в свои силы.

Но те дни были особенно тяжелыми. Это были дни мужания, когда изучаешь себя, узнаешь как следует. Спортсмен схож с актером на сцене. Как и актер, забывший свою роль, он может ошибаться в игре. И ошибки его в это время видны всем и вся.

Уимблдон был самыми трудными для меня подмостками. Я всегда любила играть в Форест Хиллсе: там, выходя на корт, я не думала о толпе болельщиков. Но выходить на центральный корт Уимблдона! Вот здесь и появлялась та самая пресловутая «нервозность центрального корта». Может быть, так было со мной оттого, что всегда считала: английские болельщики не так хорошо знают теннис, как, например, американские или австралийские. Англичане на трибунах корта ведут себя словно приглашенные к вечернему чаю. На трибунах здесь всегда шепот и молчание. Если кто-то уронит монету, вы услышите, как она падает. Американские же болельщики, как и австралийские, всегда более эмоциональны.

Кроме того, надо мной довлели еще две вещи. В 1963 году память о предыдущих двух поражениях буквально преследовала меня и днем и ночью. И ведь играла я хорошо — выиграла четырнадцать матчей во время чемпионата Франции. Но предчувствовала, что достаточно суровое испытание ждет меня на центральном корте.

Несмотря на поражение в прошлом году от Билли Джин в Уимблдоне 1963 года, я была «посеяна» первым номером. Билли Джин не была «посеяна» вообще, но это ровным счетом ничего не значило. Вслед за мной шли Лесли Тернер, Энн Хейдон-Джонс, Дарлен Хард, Джен Лехейн, Вера Сукова, Мария Буэно и Рени Шурман.

Предварительные матчи я играла на других кортах и три матча выиграла легко. А вот в четвертьфинале предстояло играть на злосчастном центральном корте против Рени Шурман. Прежде я никогда не проигрывала Рени, но здесь как-то еще не чувствовала уверенности в себе. И, конечно, Рени повела в первом сете 5:0. Я вспомнила, как Телли Лонг вдалбливала в меня: «Распрячься и дай себе простор!» Я заметила ее на трибуне и почти слы-

шала, как она убеждает: «Опусти плечи и начинай бить, даже если ты попадаешь в заднюю стенку, в фон». Телли всегда обращала мое внимание на скованность в движениях, говорила о необходимости свободных ударов с полным размахом.

Когда Рени выиграла первый сет 6:3, громадная аудитория болельщиков возбужденно зашевелилась, и я представила их реакцию: «Она снова нервничает — снова несчастный центральный корт». С каждым ударом словно эхо отзывались во мне слова Телли. Я стала вкладывать в удар всю силу и выиграла два следующих сета и матч. Теперь я выходила в полуфинал против Дарлен Хард, которую довольно легко обыграла в Кубке Федерации две недели назад.

Тем временем Билли Джин вторглась в ряды «посеянных» игроков и, как я и думала, вышла в полуфинал против Энн Хейдон-Джонс — любимицы английских болельщиков, героини уимблдонских трибун. Теперь я уже не сомневалась, что снова встречу с Билли Джин на кортах Уимблдона.

Впервые в жизни я почувствовала уверенность в себе, когда вышла на центральный корт играть с Дарлен. Болельщики оставались для меня где-то в тени, как это бывало со мной на других стадионах. Я не испытывала скованности от существования королевской ложи или ее обитателей. Первый сет выиграла 6:3 — играла хорошо и сосредоточенно, второй вела 5:0 и вдруг стала отвлекаться. Я не могла сосредоточиться и быстро завершить матч. Вместо этого совершенно неожиданно стала гадать, с кем мне придется играть в финале — с Билли Джин или Энн.

В результате Энн выиграла мою подачу — 5:2 после того, как я упустила два матчбола. И все-таки мне удалось снова собраться, выиграть следующий гейм, а затем и сет со счетом 6:4. Так я впервые вышла в финал Уимблдонского турнира.

С того самого момента, как я увидела результаты жеребьевки, меня не покидали предчувствия. И они не обманули — моей соперницей в финале оказалась Билли Джин. Она повергла английскую публику в глубокую печаль, буквально разгромив Энн Хейдон-Джонс в двух сетах в матче за выход в полуфинал. Англичане не часто становились чемпионами Уимблдона: Фрэд Перри был последним английским теннисистом, выигравшим Уимбл-

дон в 1936 году, да Анджела Мортимер стала своеобразным сюрпризом Уимблдона в 1961 году, в двадцать четыре года первой из английских теннисисток выиграв звание чемпионки. Вполне естественно, английские болельщики поддерживали своих теннисистов самым эмоциональным образом, с точки зрения английских стандартов конечно, пока те не выбывали из турнира. Всячески поддерживали они и Энн Джонс, но у Билли Джин было слишком большое преимущество по сравнению с ее более крупной соперницей.

В день финалов мы с Телли и Робин, как и обычно, тренировались утром в Королевском клубе, и я горела желанием начать игру против Билли Джин.

Упорный мелкий дождь заставил болельщиков раскрыть зонтики, и они застыли на своих местах в предвкушении начала финальной игры «ровно в два часа дня». Была суббота. Мы с Билли Джин сидели в раздевалке, ожидая выхода на центральный корт.

Он был защищен брезентом, готовый к игре как только кончится дождь. Шел час за часом, а он не переставал. Мы с Билли Джин время от времени переговаривались, пытаясь справиться со своими нервами. Наконец в половине пятого, когда надвигающиеся сумерки сделали игру невозможной, встреча была отменена. Она была отложена на сорок восемь часов — до понедельника, так как по воскресеньям встречи в Уимблдоне не проводятся*.

Репортеры не переставая звонили в этот воскресный день в отель «Карлтон Тауэр», но на все звонки отвечала Телли. Все они хотели знать, как я себя чувствую и о чем думаю в эти часы, оставшиеся до финального матча. Лондонские газеты вспоминали мое поражение в игре с Билли Джин год назад и задавали вопрос: «Взорвутся ли снова нервы Марг?»

В газетах также писали, что я провела все воскресенье в своем номере в одиночестве, в беспокойстве о предстоящем на следующий день матче. На самом же деле я уехала в Хенли-на-Темзе с австралийцем Робертом Ходжсоном, который был в Лондоне по делам, и там провела

* Встречи не проводятся из религиозных соображений. Дело в том, что с утра во всех церквях Англии идут воскресные службы. Такова сила традиций. Однако с 1982 года финальные игры все же будут проводиться в Уимблдоне, но уже в послеобеденное время.

день в компании с ним и его приятелем Стюартом Мак-Кензи, чемпионом по гребле. Мы великолепно провели время в разговорах обо всем, кроме тенниса, и вернулись в Лондон довольно поздно. Я тут же отправилась спать и отлично выспалась.

Первое, что мы сделали в тот понедельник, — поехали в Королевский клуб и как следует потренировались. Телли осталась довольна тем, как я держу плечи, как выполняю удар. Погода прояснилась, и травяные корты были в хорошем состоянии. Несмотря на то что матч был отложен, вместительные трибуны центрального корта и на этот раз были заполнены до отказа, когда мы с Билли Джин начали игру.

Вначале мы обе прощупывали друг друга, но мои удары были крепче, особенно при подаче, и я выиграла первый сет со счетом 6:3. Повела я и во втором сете — 4:0. От победы меня отделяли считанные мячи, как вдруг мысли мои стали блуждать, как в предыдущем матче в полуфинале, когда я играла против Дарлен. Билли Джин выиграла мою подачу, и это встряхнуло меня, расшевелило. Я решила — нельзя допускать, чтобы матч был из трех сетов. Но Билли Джин боролась, наступая буквально на пятки. При счете 5:3 у меня был матчбол на своей подаче, но она выиграла гейм. Когда мы менялись местами при счете 5:4, болельщики загудели от волнения. Я решила во что бы то ни стало остановить ее здесь и выиграть сет любой ценой. Я выиграла несколько мячей на подаче Билли Джин — 15:40 в следующем гейме. У меня еще два матчбола. Одно очко она выиграла. Мне едва удалось дотянуться до мяча. При счете 30:40 ударом слева я послала мяч вдоль линии, в самый угол. Наконец-то Уимблдон был выигран!

Моим первым ощущением было чувство облегчения: как будто огромный груз свалился с плеч. Мысль о том, что я наконец-то справилась с невезением на центральном корте, вырисовывалась в моем сознании четче, чем факт завоевания звания чемпионки Уимблдона, так долго маячившего передо мной. Я доказала самой себе нечто очень важное: дело было не в том, лучше я играю, чем Билли Джин, или нет. Нет, я поняла, что могу победить страх и играть с полной отдачей, когда наступает решающий момент. Несколькими днями позже своего дня рождения — мне исполнился двадцать один год — я вдруг повзрослела и как теннисистка, и как личность.

Мне некогда было осмысливать свою победу в одиночных играх, так как в тот же день меня ждали еще две финальные встречи. После небольшого отдыха я снова вернулась на центральный корт с Робин Эбберн, чтобы бороться за звание чемпионки Уимблдона в парном разряде против Дарлен Хард и Марии Буэно. Они выиграли у нас со счетом 8:6, 9:7. Финал смешанных игр просто опустошил меня. С Кеном Флетчером мы выиграли удивительно напряженный первый сет у Боба Хевитта и Дарлен — 11:9, а затем второй — 6:4. Таким образом мы выиграли следующий этап марафона смешанных парных игр — завоевали Большой шлем. Так завершился этот величайший в моей теннисной жизни день.

Все отмечали, что все шесть часов, проведенных на центральном корте, я играла хорошо и в трех финалах сыграла в общей сложности семьдесят девять геймов. Должна сказать, что в Уимблдоне, еще так недавно казавшемся мне кошмарным местом, начинала чувствовать себя как дома.

Главной причиной этого, думается, был тот факт, что я достигла той стадии, когда могла сосредоточиться только на игре, исключив все другое, и в том числе окружающую обстановку и важность матча. Это потребовало большой силы воли. Я стала думать о матче непосредственно перед его началом — в раздевалке. Некоторые игроки любят поговорить с кем-нибудь, чтобы отвлечься от матча, а я предпочитаю побыть в одиночестве, подумать о своем сопернике и о том, что должна делать, чтобы победить его.

Когда я выхожу на корт, то не вижу никого, кроме своего противника. Не вижу никого я и среди болельщиков, если только намеренно не ищу кого-либо. Судьи и на вышке, и на линиях для меня безлики. И это иногда ставит меня в неловкое положение. Как-то минут двадцать спустя после одной из встреч ко мне подошел судья и стал говорить о матче. Я не сразу даже сообразила, что именно он судил на вышке, а я и не взглянула на него. Иногда подходят ко мне и говорят: «Я был судьей на линии в вашем матче», а человек абсолютно незнаком мне. И это совсем не от недостатка дружелюбия с моей стороны. Это результат полной концентрации только на игре.

Финальный матч с Билли Джин транслировался по радио Австралии, и многие у меня на родине слушали его

до полуночи. Друзья и соседи приходили в дом моих родителей с бутылкой пива или шампанского, и пробки с шумом вылетали одна за другой — они праздновали победу в Уимблдоне первой австралийки, уроженки из Албери, их родного Албери. Это, должно быть, была удивительная ночь. Позже, по возвращении на родину, меня ждал официальный прием, который всегда очень торжествен, но он не дал того неподдельного ощущения, которое дала дружеская встреча вечером на Эбден-стрит.

В тот вечер телефонная линия отеля «Карлтон Тауэр» была, должно быть, самой занятой во всем Лондоне, поскольку мне звонили со всех уголков света, чтобы поздравить. Телеграммы буквально заполнили конторку портье. Я даже получила телеграмму от премьер-министра Австралии Мензиса, который всегда следил за спортивными событиями. Самым эмоциональным человеком в Австралии оказался Боб Митчелл. Он позвонил мне, чтобы сообщить, как он взволнован происшедшим. Мне особенно приятно было слышать это от него, потому что он так поддерживал меня во время моих сражений с администрацией австралийского тенниса. Именно его дружеское покровительство сделало возможной мою победу в Уимблдонском турнире.

Тельма Лонг, которой я обязана так многим за ее постоянную помощь и поддержку, поставила заслон бесконечным звонкам представителей прессы, бесчисленным интервью и в Уимблдоне, и в отеле. В конце этого, казалось, самого длинного дня моей жизни Телли собрала нескольких самых близких друзей на тихий ужин. Засыпая в ту ночь, я не чувствовала никаких забот и беспокойств, только волнение и потрясающее чувство удовлетворения, которое пришло с победой в Уимблдоне.

Как ни странно, но то была последняя спокойная ночь. Может быть, это была своеобразная реакция после Уимблдонского турнира, только я стала страдать хронической бессонницей. Ночь за ночью я лежала без сна, переворачиваясь с боку на бок. Сразу после Уимблдона мы поехали в ФРГ, где я выиграла звание чемпионки страны в одиночном разряде. Соревнования проходили в Дюссельдорфе. Там я и отпраздновала свой двадцать первый день рождения — справили его мы при свечах, в зале отеля, в окна которого был виден Рейн. Сон совсем не приходил в ту ночь.

Отсюда мы поехали на турниры, которые проводились на травяных кортах США. Мне предстояло защищать свой титул чемпионки Америки в Форест Хиллсе. Первый турнир проходил в Мерионе, на окраине Филадельфии. Я вышла в финал, где должна была играть против Дарлен Хард. В предыдущие два года я побеждала ее восемь раз, но она одержала надо мной победу в Форест Хиллсе. Бессонница разыгралась настолько, что я вынуждена была накануне финала принять снотворное. Это совершенно выбило меня из колеи. Когда я проснулась, солнце было уже высоко. Ужас охватил меня, когда я сообразила, что уже полдень. Играть с Дарлен нужно было в час дня.

Играла я словно в тумане и проиграла Дарлен в трех сетах. После матча Вик Сейксас, который наблюдал за игрой, сказал: «Ты играла так, словно спала на корте». Не знал Вик, как недалеко он был от истины. После этого я решила прекратить принимать снотворное и примириться со своей бессонницей.

С Дарлен мы снова встретились в конце следующей недели в Орандже, штат Нью-Джерси. Я не стала спать лучше, но и не принимала снотворного и выиграла у Дарлен со счетом 6:1, 6:1 в течение двадцати четырех минут — самый короткий финал, который когда-либо игрался на этом традиционном турнире.

Двумя неделями позже в Эссексе, в Нью-Ингленд, я выиграла у ближайшей подруги Дарлен Марии Буэно в финале со счетом 6:4, 11:9. Мария только что вернулась на корты после долгой болезни, которая не давала ей возможности играть почти целый год. Эти две победы над Дарлен и Марией пробудили во мне уверенность в возможности снова завоевать звание чемпионки Америки. Я чувствовала, что мне придется играть с одной из них, если выйду в финал в Форест Хиллсе.

Подготовка к чемпионату в одиночном разряде началась с национального турнира в парном разряде, который проходил в Лонгвуде, неподалеку от Бостона. Мы с Робин вышли в финал. Здесь нам предстояло играть против Дарлен и Марии, которые два месяца назад выиграли у нас в двухсетовом матче в Уимблдоне и которые считались сильнейшей парой в женском теннисе. Но на этот раз мы добились победы со счетом 4:6, 10:8, 6:3 и стали первыми австралийскими теннисистками, выигравшими звание чемпионки США в парном разряде.

Это было хорошим предзнаменованием накануне соревнований в Форест Хиллсе. Однако в первом круге у меня не было очень сильных соперников, и мне не пришлось сыграть ни одного по-настоящему сложного матча. Наиболее серьезной соперницей была Кристин Трумен — я выиграла у нее в трех сетах в четвертьфинале. Полуфинальный матч был, по существу, односторонним — я выиграла у англичанки Дидри Кетт.

В финале меня ждала встреча с Марией Буэно. Матч этот был для нее таким же важным, как и для меня, поскольку победа в Форест Хиллсе знаменовала возвращение ее на корты. Болельщики, как и обычно, были целиком на стороне «балерины кортов». И она доставила им большое удовольствие. Мария выиграла первый сет со счетом 7:5 в результате моей двойной ошибки, дорого обошедшейся мне на последней подаче гейма. Во втором гейме я стала играть точнее и скоро повела в счете — 4:1. На подаче Марии счет стал 0:30. Я уже подумывала о третьем сете, когда Мария неожиданно «взорвалась». Я послала глубокий удар справа в левый угол площадки Марии и, казалось, выиграла мяч, но она каким-то образом достала его и направила кроссом. Публика взревела, выражая свое удовольствие от такого великолепного удара. По-видимому, воодушевленная этим, Мария стала играть безупречно, выиграла пять геймов подряд и сет со счетом 6:4 и во второй раз завоевала звание чемпионки Америки.

Эд Тервилль, президент Ассоциации лаун-тенниса США, назвал наш финальный матч «лучшим матчем теннисисток, который когда-либо видели в Форест Хиллсе».

Один из ведущих американских журналистов, пишущих о теннисе, отмечал:

— Теннис, который продемонстрировала Мария Буэно, проигрывая во втором сете 1:4 и выиграв его, быть может никто не превзойдет ни по достоинству, ни по красоте ударов. И продемонстрирован он был в игре против одной из сильнейших теннисисток.

Горечь утраты титула сильнейшей теннисистки Америки в одиночном разряде как-то сгладилась, когда мы с Кеном Флетчером победили в смешанных соревнованиях, завоевав четыре важнейших мировых титула и таким образом звание лауреатов Большого шлема. Мы были первой парой, которой удалось этого добиться.

Возвращение домой, в Австралию, было триумфальным — меня приветствовали как героиню-победительницу, завоевавшую титул чемпионки Уимблдона, и АЛТА достаточно ясно дала понять, что все прошлое забыто. Я больше не была бунтовщиком, которому следовало преподать урок. В мировом теннисе я была игроком номер один, и, с их точки зрения, это делало честь системе подготовки, в которой я была воспитана.

Я лично считала, что взошла на вершину мирового тенниса сама, благодаря помощи таких хороших друзей, как Уол Раттер, Кейс Роджерс, Фрэнк Седжмен и Боб Митчелл, несмотря на все те барьеры, которые АЛТА выстраивала на моем пути. Я чувствовала, что моя независимость и отказ от поездки с миссис Хопман во второй раз кое-что показали другим игрокам, и верю, что они извлекут пользу из этого протеста, поскольку он разоблачал эгоистичное и невежественное поведение недалеких администраторов, представляющих австралийский теннис. Я счастлива, что более просвещенная группа под руководством Вейна Рейда, в прошлом отличного теннисиста, контролирует теперь развитие тенниса в Австралии: они понимают игрока как личность, чего так не хватало прежним администраторам, когда я пришла в теннис.

Глава 7

ВКУС ЛЮБИТЕЛЬСТВА

Ассоциация лаун-тенниса Австралии организовала прием в мою честь, на который я ехала в сопровождении кортежа автомобилей, — 100 000 зрителей аплодисментами, одобрительными возгласами провожали меня по пути в Мельбурнский Овал. Когда я в ответ махала приветствовавшим меня людям, принимая их поздравления, то вспоминала тот день шесть лет назад, когда одиноким, пугливым подростком приехала сюда с мечтой стать чемпионкой в теннисе. Мечта сбылась, и я была счастлива разделить эту радость со всеми друзьями и родными.

В Албери мы с мамой купили ей новое платье для приема, устроенного в мою честь в местном кинотеатре. Когда мы поднимались на сцену, где нас должны были приветствовать мэр и члены муниципального совета, мама нервничала больше, чем я. Мэр вручил мне свиток, специально приготовленный в честь «признания достижений

мисс Маргарет Смит в национальном и международном теннисе, особенно в 1962—1963 годах, кульминацией которых явилось завоевание желанного титула чемпионки Уимблдона прошлым июнем». Мне преподнесли брошь, серьги, хрустальные бокалы и другие чудесные подарки.

Австралийская компания радиовещания провозгласила меня спортсменом года — титул, которого у нас в стране редко удостоивается женщина. Но самым ярким для меня событием был момент на приеме в Мельбурне, когда известнейший старейший теннисист Норман Брукс отвел меня в сторонку и поцеловал в щеку:

— От одного теннисиста другому, — шепнул сэр Норман, первый австралийский теннисист, выигравший титул чемпиона Уимблдона более полувека назад. Он вручил мне чудесную пудреницу, гравированную золотом: «Маргарет от сэра Нормана».

Конечно, я очень гордилась такими почестями, но постепенно меня начинало беспокоить мое финансовое положение. К тому времени теннис потихоньку стал превращаться для меня в единственное занятие.

Мне был двадцать один год, я была не замужем, не имела ближайших перспектив. И теперь я стояла перед проблемой — каким образом буду зарабатывать себе на жизнь. У меня собралась коллекция столового серебра в виде бесполезных трофеев, но на моем счету в банке было всего 1200 фунтов.

В те дни игроки делали свои дела самостоятельно с директорами турниров по всему свету, но по целому ряду причин я не была причастна к этому. Мария Буэно, Дарлен Хард и другие теннисистки получали по 600—700 долларов в неделю, а мужчины — и того больше. Титул чемпионки Франции «стоит» 1500 франков. Преподносится это в такой форме: «Тысяча франков за проезд и 500 за жилье». Но если вы устраиваетесь с жильем частным образом и на предыдущем турнире вам оплатили проезд до Парижа, 1500 франков составят чистый доход. Директора турниров, проводящихся в различных странах Европы, специально приезжают в Париж, чтобы провести деловые переговоры с игроками. Все это велось достаточно откровенно, открыто: «Мы дадим вам пять тысяч долларов плюс оплата проезда и жилья». Некоторые даже предлагали еще триста долларов, чтобы вы могли до турнира осмотреть их город. Были и веселые турниры с большим количеством вечеров, экскурсий и других ме-

роприятий экстрапритягательного плана. В те дни никто из игроков не платил даже за такси из собственного кармана.

Я побывала в трех заграничных турне, но ни в одном из них не получила прибыли. В первый год я была членом официальной австралийской команды, и миссис Хопман вела все деловые операции самостоятельно. Во второй год, когда я выехала индивидуально с миссис Эдвардс, АЛТА специально запретила мне получать какое бы то ни было вознаграждение, и все оно пошло на благотворительные цели, а мои расходы оплачивал Боб Митчелл. В третий год, когда я ездила за рубеж с Тельмой Лонг и Робин Эбберн, все полученные деньги шли на то, чтобы помочь оплатить их расходы.

Ассоциация лаун-тенниса Австралии никогда не интересовалась нашими денежными проблемами за рубежом. Там знали, что мы получаем деньги везде, где играем. Таким же образом поступали и команды, а руководители вели все дела. Здесь никогда не было настоящего любительства. Сейчас все более честно, потому что большинство профессионалов, и получают они деньги открыто.

Моя работа с Бобом Митчеллом приносила на мой счет в банке тридцать фунтов в неделю, из этой суммы к тому же оплачивалась небольшая квартира в Мельбурне. В довершение всего, когда я бывала дома, фирма «Фольксваген» предоставляла в мое распоряжение машину.

Боб очень благородный человек. Он помогал и балетным танцорам и теннисистам в начале их пути, но он был настолько занят, что нередко не обращал внимания на регулярность перечисления денег на мой счет.

Я чувствовала, что наступило время самой позаботиться о своих делах, как это делают другие игроки, и развязаться с Митчеллом. Мои старые друзья Броклхерст разговаривали со мной на эту тему. Мистер Броклхерст также считал, что абсолютно необходимо мне начинать принимать решения самостоятельно и решать проблемы будущего.

— Если ты хочешь поехать на следующий год, действуй самостоятельно и рассчитывай сама на себя,— советовал он мне.— Сейчас Митчелл решает все твои дела. Пора вставать на ноги.

В конце концов я пошла к Бобу и сказала:

— Я выиграла титул чемпионки Уимблдона. У меня

неплохая квартира и машина. Я живу как королева, но что ждет меня в будущем? Буду ли я продолжать выезжать за рубеж каждый год с сопровождающим и оплачивать его расходы? У меня не такой уж большой счет в банке. Как долго это будет продолжаться? Что, если я покончу с этим завтра? Что может случиться? Я ничего не имею за свои победы в теннисе.

Боб отнюдь не был в восторге от этого заявления, но я рассталась с его службой, съехала с квартиры, за которую он платил, и стала жить в семье Джона Янга.

Вскоре после этого Митчелл, у которого с партнером возникли какие-то трудности делового порядка, обанкротился. В результате последовал судебный процесс. Боб был приговорен к длительному тюремному заключению. Мне было жаль видеть все случившееся с человеком, который был так благосклонен и ко мне, и к другим.

В тот период я ощущала какую-то неопределенность в отношении своего будущего и подумывала о том, чтобы покончить с теннисом и заняться каким-либо другим видом спорта. Частью моей программы подготовки был бег — я занималась им много и с удовольствием.

Своими сомнениями я поделилась со Стэном Никольсом, и он предложил мне начать бегать с секундомером, чтобы прикинуть мои возможности. Он наметил мне трассу в 220 ярдов в парке, позади теннисного клуба в «Куйонге», и фиксировал время бега по этому кругу. Как-то по наручным часам он зафиксировал 25 секунд и тогда сказал:

— Я наблюдал достаточно, чтобы понять — ты можешь с успехом участвовать в соревнованиях в беге.

Он поговорил обо мне с Эллиотом — чемпионом олимпийских игр, и тот согласился провести своеобразное соревнование с бывшей чемпионкой Австралии в спринте Глэнис Бисли. Стэн организовал его на 220-ярдовом кругу в Роял-парке. Посмотреть на это состязание пришел и Фрэнк Седжмен, но от остальных я тщательно скрывала происходящее. Мы пользовались стартовыми колодками, с которыми раньше я никогда не имела дела. Глэнис показала, как ими пользоваться, и вскоре я освоилась с ними.

Стартовала я с них хорошо, прямо следом за Глэнис, да и шла за ней, пока уже в самом конце дистанции она не оторвалась от меня. Время Глэнис было 25,7 секунды, мое — 26,2.

Эллиот поздравил меня с таким результатом. Что же еще? Он предложил тренировать меня, если я решу заниматься бегом серьезно. Но принять решение сразу было нелегко. Теннис занимал меня целиком и полностью столь продолжительное время, что было очень трудно решиться порвать с ним. Тем временем тренер Глэнис Фрэд-Греф предложил мне пока тренироваться с другими его спортсменками к предстоящему чемпионату Австралии по легкой атлетике. В течение трех недель я осваивала старт с колодок и бегала бок о бок с лучшими бегунами Мельбурна во время вечерних тренировок в Роял-парке. Я получала огромное удовольствие от занятий этим новым для меня видом спорта.

Тем временем мне предложили участвовать в турне по Новой Зеландии с официальной женской командой по теннису. Прервав на время свои тренировки в Роял-парке, я решила выступить в серии турниров в соседней стране. И тут быстро выяснилось, что занятия бегом и теннисом совсем не совместимы. Куда девались работа ног во время ударов, быстрые пробежки и рывки к мячу? Вместо этого я делала гигантские, неуклюжие шаги, используя движения отнюдь не теннисиста, а бегуна.

Это поставило все с ног на голову. Теперь уж точно нужно было сделать выбор между новой карьерой легкоатлета и спортом, в котором я уже была чемпионкой мира. Конечно, я могла решить только продолжать занятия теннисом, где уже выиграла главную баталию с официальными представителями нашего тенниса. Кто знает, какие разочарования ждали бы меня в австралийской легкой атлетике, где в политике официальных деятелей, согласно материалам в печати, трудно провести различие с теннисом? Более того, финансовая политика в женской легкой атлетике гораздо более жесткая, чем в теннисе. Я же, так или иначе, должна была иметь средства к жизни, а к теннису я имела истинные способности.

В конечном счете я нашла занятия бегом монотонными. В теннисе, на корте, приходится постоянно думать, делать выбор, какой удар в данный момент лучше, какую стратегию использовать. Бег же это только физическое напряжение.

Пока я работала с Митчеллом, у меня был также контракт с фирмой «Спэлдинг» в Австралии. Я должна была использовать их ракетки и другое снаряжение. Но эта зависимость была отнюдь не из легких. Дело в том, что

фирма считает: игрок существует ради их блага. Даже и мысли не допускается, что теннисист имеет собственную жизнь.

Домой после победы в Уимблдоне в 1963 году я вернулась страшно усталой — и от путешествий и от тенниса. В течение шести месяцев я непрерывно участвовала в турнирах и крайне нуждалась в отдыхе. Была середина сентября, и я мечтала наконец-то отдохнуть и расслабиться — никакого тенниса до начала летнего сезона в Австралии и розыгрыша чемпионского титула в Квинсленде в конце октября.

Однако очень скоро я получила сообщение, что фирма «Спэлдинг» запланировала мое участие в шестинедельном турне по городам страны — каждый день в разных с показательными выступлениями.

Я даже расплакалась. Трудно было поверить.

— Я всего-навсего человек, и это мне просто не под силу, — запротестовала я.

— Но все уже организовано, — возразил мне Колин Лонг.

Он был в свое время капитаном команды Австралии, выступавшей в розыгрыше Кубка Дэвиса, а теперь работал в фирме «Спэлдинг»:

— Тебя ждут в сельских городках. Ты должна поехать.

Я ушла, с горечью решив хоть немного выиграть время. Посоветовавшись с мистером Броклхерстом, который также считал, что мне необходим отдых, я вернулась в фирму и предложила наполовину сократить программу, которую они предлагают, — провести турне в течение трех недель.

— Или все, или ничего, — был ответ.

— Хорошо, тогда ничего, — сказала я.

После этого мне было сообщено, что моя кандидатура не устраивает фирму «Спэлдинг», и я стала искать другую фирму спортивных товаров. Эта сфера довольно лимитирована в Австралии — Спэлдинг, Шлезингер и Данлоп господствуют на рынке.

Артур Лиддл из фирмы «Шлезингер» услышал о моих тренингах с фирмой «Спэлдинг» и предложил такого же рода работу, когда я поехала в Квинсленд. Пока суд да дело, я решила принять предложение Лиддла работать в фирме «Шлезингер». Как только в «Спэлдинг» узнали

об этом, мне тотчас же было сделано более выгодное предложение. Но я уже была сыта по горло и отказалась.

С того дня сотрудничество с фирмой «Шлезингер» продолжалось более десяти лет, и это было довольно необычное сотрудничество. На протяжении всех этих лет она никогда не оказывала на меня давление. И если она вручала мне именную ракетку, которой я играла в Австралии, то никогда не возражала против того, чтобы за рубежом я играла другими ракетками. Я всегда помогала ей, как могла, в посредничестве, а также давала практические занятия и выступала с показательными играми. Финансовые отношения с ней меня вполне удовлетворяли. Я получала отчисления от проданных в Австралии ракеток с моим именем, но, если хотела сделать что-либо за ее пределами, это считалось моим личным делом.

Позже, когда я временно ушла из тенниса, затем вышла замуж и была беременна, фирма «Шлезингер» с большим пониманием относилась ко мне. В деловых операциях я делала ошибки, но, когда работала с этой фирмой, мне никогда не приходилось серьезно сожалеть об этом.

Глава 8

ПОЛОСА ВЫИГРЫШЕЙ КОНЧИЛАСЬ

После проигрыша Марии Буэно в Форест Хиллсе в 1963 году полоса выигрышей, длившаяся в течение пятнадцати последовательных турниров, закончилась. У меня была целая серия успешных выступлений, по результатам которых я была «посеяна» первым номером, и от меня ждали таких же успешных результатов. Пресса и официальные представители тенниса, где бы ни приходилось выступать, считали само собой разумеющимся, что я выиграю турнир. Но как только я проиграла, на первых страницах газет появились заголовки:

«Маргарет побеждена!»

Меня это, конечно, не оставляло равнодушной, особенно когда я стала чемпионкой Уимблдона. Каждый игрок, с которым мне приходилось встречаться в предварительных играх, стремился добиться сенсации — победить сильнейшую теннисистку мира. Я чувствовала ответственность звания игрока номер один и никогда не ждала легкой победы над соперником, как бы часто не по-

беждала его в прошлом. Каждый раз, выходя на корт, я была полна решимости выиграть и выиграть как только можно быстрее. Сезон, в котором мне предстояло играть пятнадцать турниров, начался с серии побед в соревнованиях на травяных кортах Австралии. Я успешно отстояла и титул чемпионки Австралии 1964 года, в пятый раз подряд выиграв первый этап соревнований Большого шлема. Выигрыш этот имел для меня принципиальное значение теперь, когда я была победительницей Уимблдонского турнира.

Ассоциация лаун-тенниса Австралии решила в тот год послать на турниры за границу смешанную команду — мужчин и женщин вместе. Несмотря на свой горький опыт в прошлом, я все же приняла предложение поехать с официальной командой. Я питала глубокое доверие к Брайану Тобину, руководителю команды, и оно оправдало себя. Он оказался удивительно умелым руководителем, чутким к интересам своих игроков. Команда стала дружным коллективом игроков, возглавляемым человеком с открытой душой и талантом организатора.

В команду входили два подающих надежды молодых игрока — Джон Ньюкомб и Тони Роче, впервые выехавшие за границу, а также Лесли Тернер и я. В то время АЛТА вела глупейшую возню, в которую были вовлечены сильнейшие теннисисты-мужчины, предпринимавшие индивидуальные поездки на турниры. Ассоциация возражала против их отъезда из Австралии до определенной даты и предприняла удивительный акт, дисквалифицировав Роя Эмерсона, Фрэда Столле и других игроков на время розыгрыша Кубка Дэвиса за их непослушание. Однако, когда Рой и Фрэд вышли в финал Уимблдонского турнира, АЛТА была вынуждена отменить эту санкцию, чтобы использовать их в соревновании челлендж раунда с командой Соединенных Штатов. Администрация тенниса полностью изменила свое отношение, включив Роя и Фрэда в состав команды — участницы розыгрыша Кубка Дэвиса, которая позже в тот год выиграла у команды США Кубок. Это был типичный пример самонадеянного лицемерия, которое сделало Ассоциацию ЛТА в те дни посмешищем.

В отсутствие старших теннисистов Джон и Тони были отличными игроками для нашей команды. Джон играл в челлендж раунде Кубка Дэвиса против команды Америки год назад и показал себя очень хорошо, доведя более

опытного Денниса Ральстона до пяти сетов и Чака Мак-Кинли до четырех сетов, прежде чем проиграть. Он рано стал оправдывать надежды на то, что станет игроком высокого мирового класса, чего и добился десятью годами позже. Тони, отличный игрок-левша, был равен Джону потенциально, но его мучали рука и плечо, ограничивая активность движений. Серия операций на два года вывела его из соревнований и грозила вообще положить конец карьере теннисиста. Отчаянный визит к лекарю на Филиппинах оказался для него спасительным.

Этот филиппинский лекарь сделал то, чего не могли сделать Тони опытные хирурги Америки и Австралии: восстановил двигательные способности левой руки и сделал возможным возвращение его в теннис.

Звание чемпионки Италии в одиночном разряде я выигрывала дважды и теперь горела желанием оставить у себя этот прелестный серебряный трофей, в третий раз завоевав его, чего не удавалось еще ни одному теннисисту. В Риме мне сопутствовали удачи — я выиграла целую серию соревнований и без труда вышла в финал, где победила свою подругу по команде Лесли со счетом 6:1, 6:1. Вместе с ней мы выиграли звание чемпионки в парном разряде, и в довершение этого чемпионата Джон и я выиграли также звание чемпионов в смешанном разряде. Итальянский приз — редкостный пример искусства серебряных дел мастеров, и он занимает у меня дома одно из самых видных мест. Он окружен призами за победы в парных и смешанных разрядах.

Несмотря на то что я продолжала выигрывать, меня все больше и больше беспокоила подача. Двойные ошибки на подаче были просто каким-то наказанием — я не была уверена, где приземлится мяч после моей подачи. В финале чемпионата Франции я встретилась с Марией Буэно — впервые после того, как она выиграла у меня в Форест Хиллсе в прошлом году. Конечно, мне хотелось взять реванш за то поражение, но начала я игру очень плохо. Три двойные ошибки на подаче в первом гейме дали Марии преимущество, и она выиграла первый сет. И все-таки мне удалось повернуть матч в свою пользу, несмотря на слабую подачу, — я выиграла два следующих сета матча.

Это был второй этап соревнований за право стать обладателем Большого шлема, и у меня появилась надежда — полпути было пройдено.

В Англии полоса выигрышей продолжалась — я победила в турнире в Бэкенхэме, играя против Марии Буэно в финальном матче под проливным дождем. Выиграла и титул чемпионки в турнире Королевского клуба на закрытых кортах с деревянным покрытием, так как непрекращающийся дождь не позволял играть на траве. Это была пятнадцатая победа подряд в пятнадцатом турнире. Я не проигрывала до тех пор, пока Дарлен Хард не победила меня в чемпионате юго-восточного тихоокеанского побережья в Лос-Анджелесе.

Уимблдон — третий и наиболее серьезный барьер на пути к Большому шлему — снова забрезжил мерцающей надеждой о победе. Я хорошо играла в полуфинале с Билли Джин и выиграла, несмотря на то что подача продолжала беспокоить меня. Моей соперницей в финале была Мария Буэно, которую я не имела повода бояться, учитывая два самых последних матча против нее. Но мой сфинкс Уимблдона появился вновь. День начался плохо — я проспала, разбудил меня телефонный звонок Брайана Тобина в половине двенадцатого. Поскольку финальный матч был назначен на час дня, у меня было мало времени, чтобы на скорую руку поесть — это был и завтрак и ленч, одеться и быть готовой к игре точно в срок. Никто и никогда не имел права опоздать на финал в Уимблдоне.

Матч начался таким же образом, как и наша встреча в чемпионате Франции. Трижды я допускала двойные ошибки на подаче, и Мария выиграла первый сет со счетом 6:4. Я отыграла второй сет — 9:7. На своей подаче вела в третьем финальном сете 3:2, но Мария оказалась на высоте. Она сравняла счет — 3:3, а плохая моя подача позволила ей получить преимущество. Мария выиграла сет со счетом 6:3, а с ним и титул чемпионки Уимблдона.

Я была ужасно расстроена таким результатом, стоившим мне Большого шлема. Едва ли могли утешить и последовавшие вскоре затем победы над Марией в чемпионатах Дании и ФРГ.

Из-за того что возможность завоевать Большой шлем была потеряна, психологически я оказалась не готовой к Форест Хиллсу настолько, насколько могла бы. Несмотря на то что мне всегда нравилась неофициальная обстановка соревнований, нравились здешние болельщики, я плохо играла здесь в тот год. Фактически это было самое худшее выступление, поскольку я вылетела в одной вось-

мой финала во встрече с Карин Хантце-Сасмен, бывшей чемпионкой Уимблдона.

В конечном итоге это заокеанское турне оказалось разочаровывающим. Единственным светлым пятном была победа команды Австралии в Кубке Федерации, который проводился в Филадельфии за неделю до соревнований в Форест Хиллсе. Я была счастлива, что смогла внести свою лепту в эту победу и порадовать ее руководителя Тобина, победив Билли Джин в одиночном матче. Американки выиграли парные соревнования, но Лесли победила Ненси Ричи, таким образом отобрав Кубок у американской команды, которая завоевала его в первом розыгрыше в прошлом году.

Станный и пугающий случай произошел со мной в этом турне. Во время чемпионата Соединенных Штатов Америки в парном разряде Лесли и я жили в доме миссис Уайтмен, доброй, седоволосой миссис Уайтмен — организатора Кубка Уайтмена, двери дома которой были традиционно открыты для приезжающих теннисистов. Как-то утром меня позвали к телефону. Мужчина, назвавшийся репортером газеты, стал задавать мне довольно глупые вопросы. Внезапно голос его стал угрожающим.

— Если вы выиграете титул чемпионки в паре, то будете избиты.

Я слышала, что игроки получали и письма и телефонные звонки подобного плана, но со мной такое случилось впервые. Я рассказала Лесли об этом звонке. Пока мы обсуждали, что предпринять, снова раздался телефонный звонок. Лесли подошла к телефону — тот же мужской голос спрашивал меня. Потом к телефону подошла миссис Уайтмен. В истинно аристократической манере она упрекала звонившего за его грубость. Мужчина повесил трубку.

Очень скоро после этого в доме появился запыхавшийся член лонгвудского клуба крикета — он был доктором. Доктор с облегчением вздохнул, увидев меня, разговаривающей с миссис Уайтмен.

— Слава богу, вы живы и невредимы, — воскликнул он. — Нам в клуб по телефону сообщили, что вы серьезно ранены.

Часом позже в клуб позвонили из газеты «Нью-Йорк таймс», чтобы проверить сведения о том, что в меня стреляли и я убита. К тому времени я уже не на шутку

заволновалась. Однако вскоре мисс Уайтмен сообщили, что эти телефонные звонки были делом рук больного из психиатрического института, что был расположен неподалеку. Мужчина был пойман при очередной попытке позвонить, и вот тут-то дикие сообщения обо мне и выяснились.

Может быть, отчасти и от этого играла я на следующий день в финале плохо. Мы с Лесли проиграли Билли Джин и Карин. Это было наше первое поражение в большом турнире с тех пор, как мы уехали из дома. Мы выиграли в парном разряде звание чемпионов Италии, Франции и Уимблдона и надеялись на полную победу, включая и чемпионат Соединенных Штатов.

Глава 9

С ПРОТОРЕННОЙ ТРОПЫ

В начале 1965 года я одержала полную победу в национальном чемпионате Австралии, победив Франсуаз Дюрр, Билли Джин и Марию в последних трех кругах и в шестой раз завоевав корону чемпионки страны в одиночном разряде, затем вместе с Лесли Тернер выиграла титул чемпиона в парном разряде и с Джоном Ньюкомбом — в смешанном.

Мне казалось, пришло время, когда могу подумать о самостоятельной поездке на мировые турниры, как это делают ведущие игроки Австралии — мужчины, вместо того чтобы ездить с командой или с сопровождающим. К тому времени я уже знала, как урегулировать денежные проблемы и каким образом вести дела на различных турнирах. Я решила прежде совершить поездку в страны Карибского бассейна, а затем уже принять участие в чемпионате Франции в мае. В то время карибский цикл соревнований включал турниры в Колумбии, Венесуэле, Мексике и южных районах Соединенных Штатов, а также на Карибских островах. Такая поездка казалась очаровательными каникулами в тропиках. Итак, я решила предпринять эту поездку, а не ехать, как в прошлом году, на турниры в Италии и Швейцарии.

К великому сожалению, мечты мои о карибском турне не оправдались. Я обнаружила, что не в состоянии выносить душливую влажность тропиков, например Тринидада и других островов. Обезвоживание организма быстро сказывалось во всех матчах, ноги стало сводить

судорогой. Приходилось все время глотать солевые таблетки, но это не помогало. Я проиграла почти все серьезные матчи или платила штраф за отказ играть из-за жутких судорог. Только в двух городах я сыграла хорошо — в Мехико и Каракасе, где было относительно высоко и прохладно.

Призовым в карибском туре был турнир в Пуэрто-Рико — единственный, которому удалось остаться на прежней высокой ступени в наши дни. И во многом он обязан этим Уэлби ван Горну, который организовал турнир на кортах отеля «Кариб Хилтон» в Сан-Хуане с удивительным умением и успехом. Уэлби — отличный специалист, выступавший и как любитель, и позже как профессионал, один из самых квалифицированных преподавателей игры. Сан-Хуан — настоящий питомник тенниса. Взять хотя бы семейство Пасарелл, известное своими успехами в игре на протяжении нескольких поколений. Пасареллы, их друзья и родственники всех возрастов всегда на кортах — тренируются, берут уроки, участвуют в местных соревнованиях или просто играют в теннис. Наиболее известные члены их фамилии, конечно, Чарлз (Чарли), сын прекрасной Доры и Чарлза Пасарелла-старшего, которые оба были местными чемпионами. Чарлито в течение ряда лет входил в десятку сильнейших теннисистов Америки, пока не присоединился к группе Всемирный теннисный чемпионат Ханта.

К сожалению, знаменитое гостеприимство пуэрториканцев и продуктивность турнира не могли преодолеть влияния климата. Сан-Хуан — город жаркий и влажный, и здесь меня постоянно мучали судороги. Я играла в общей сложности в десяти турнирах карибского тура, но была в состоянии выиграть только в четырех из них, что намного ниже моего среднего уровня игры на мировых турнирах. Эти четыре игры я выиграла на континенте — в Южной и Северной Америке. Острова явно были не для меня.

Немного иначе обстояли дела в парных турнирах. Мы с Лесли выиграли девять званий чемпионки карибского тура. Правда, пришлось заплатить штраф за последний финал в Атланте, и снова из-за моих судорог.

Я все еще чувствовала влияние карибского климата, когда через два дня после матча в Атланте приехала в Париж защищать свой титул чемпионки Франции. Большинство матчей и на островах, и на Американском кон-

тиненте проводились на цементных или других твердых покрытиях, и это было отнюдь не лучшей подготовкой к мучительно медленным глиняным кортам стадиона «Ролан Гарро», где обмен быстрыми ударами невозможен. Мне удалось весьма неуверенно выйти в финал, где я проиграла Лесли Тернер. Так была разбита еще одна надежда на завоевание Большого шлема.

С радостью вышла я на быстрые травяные корты Англии на следующей неделе. И после знойных тропиков прохлада сельских мест Англии была особенно приятна, даже несмотря на частые дожди. Внезапно я как бы вновь вернулась к жизни — выиграла у Марии Буэно в двух турнирах, в Манчестере и Бэкенхэме. Теперь я чувствовала уверенность в том, что могу отобрать у Марии корону Уимблдона. Я не стала играть в первенстве Королевского клуба в одиночном разряде, решив выступить здесь только в паре. Снова мы встретились по разные стороны сетки с Марией — и в паре с Лесли выиграла у нее и Билли Джин в финале чемпионата Королевского клуба.

Времена «уимблдонского сфинкса» прошли и были забыты. Я была в самой лучшей форме — хорошо подавала (хороший признак), когда победила Кристин Трумен в полуфинале и отобрала корону чемпионки Уимблдона у Марии Буэно. Но победа в Уимблдоне во второй раз не была так же волнующа, как в 1963 году. Это уже был пройденный этап. Я ожидала выигрыша. Удивительно было поражение.

Я еще не представляла себе отчетливо, но начинала уставать от однообразия тенниса. Это становилось надоедливым.

В таком настроении я решила поехать в Россию, приняв приглашение, которое мне делали неоднократно. Мне казалось, что русским нравятся моя игра и мой атлетизм. Их игроки и тренеры неизменно оказывались за боковыми линиями корта во время моих больших матчей, снимая фильмы. Они были самыми теплыми моими поклонниками и болельщиками. Каждый год они приглашали меня принять участие в чемпионате страны.

Боб Хоу, австралийский теннисист, живший в Лондоне в качестве представителя фирмы «Данлоп», в 1965 году организовал группу игроков на Московский турнир, и я дала согласие присоединиться к ним. Я хорошо выступила на этом чемпионате, выиграв звание чемпионки страны в финале у Галины Бакшеевой, выиграла мы также в

парном разряде с австралийкой Джуди Тегарт и в смешанном — с Бобом Хоу.

Меня поражали фотографы и операторы, которые присутствовали на всех матчах. Они фотографировали меня во всех ракурсах. Даже во время разминки они сидели на корте и также фотографировали, пока мы бежали взад и вперед. Русские анализировали мою игру со всех точек зрения, как никто и никогда прежде не делал. Я знаю, что все матчи, которые играют русские игроки, будь то мужчины или женщины, подробно разбираются — все выигрыши и проигрыши самым детальным образом. Я не собираюсь критиковать эту систему, поскольку на протяжении определенного ряда лет русские смогли подготовить целый ряд игроков высокого мирового класса, например, замечательного Алика Метревели, финалиста Уимблдона, и Ольгу Морозову, которая побеждала сильнейших игроков женского мирового тенниса.

В той же поездке мы посетили также Чехословакию. Боб Хоу был чрезвычайно умелый организатор. По просьбе Федерации тенниса Чехословакии он организовал показательные встречи в Братиславе между местными теннисистками и мной, а также смешанные парные игры, в которых выступили мы с Бобом и чешская пара.

Из Чехословакии я полетела в Форест Хиллс для участия в чемпионате США, абсолютно не готовясь на травяных кортах. И, несмотря на это, во второй раз выиграла титул чемпионки Америки, победив в финале Билли Джин. С сожалением я думала о том, что снова выиграла три четверти соревнований Большого шлема, как это было и в 1962 году. Я начинала сомневаться в том, смогу ли когда-нибудь последовать по стопам малышки Мо Коннолли, которая выиграла все четыре важнейших соревнования в 1953 году и была единственной женщиной, совершившей этот подвиг.

Ассоциация тенниса Австралии пригласила двух сильнейших американских игроков — Кэрол Колдуэлл Грэбнер и Ненси Ричи участвовать в австралийских турнирах на траве в сезоне 1965/66 года, и они очень украсили эти соревнования. В первом турнире, который проходил в «Уайт клубе» в Сиднее я выиграла у Кэрол в полуфинале и у Ненси в финале. С Лесли Тернер мы победили также американок в финале парного турнира.

Следующий турнир в «Куйонге» в Мельбурне проходил таким же образом: я выиграла у Кэрол в полуфина-

ле и у Ненси в финале. Пару играли мы в том же составе, но на этот раз победили американки.

Достаточно уверенно в чемпионатах штатов, которые проходили в Перте, в Восточной Австралии, я снова одержала верх над Кэрол и Ненси в последних двух кругах одиночных соревнований, а в парных вместе с Джуди Тегарт мы выиграли у них в финале. И тут я снова почувствовала скуку. Мне казалось, что это не может повториться в чемпионате Австралии, который проходил вслед затем в Аделаиде, в Южной Австралии. Все это становилось ужасно однообразным. Как бы там ни было, Кэрол еще раз выплыла против меня в полуфинале, и еще раз я выиграла в финале у Ненси Ричи, а вместе с Лесли проиграла американкам в финале парных соревнований. Это, несомненно, доказывало, что форма в теннисе более постоянна, чем во многих других видах спорта. Я определенно не могу представить такую ситуацию в гольфе: чтобы один, два, три из четырех турниров заканчивались таким же образом, как закончили я с Кэрол и Ненси.

Глава 10

СКУКА. УХОД ИЗ БОЛЬШОГО СПОРТА. ЗАМУЖЕСТВО

Мне двадцать четыре года, меня считают лучшей теннисисткой мира. А мне скучно до смерти. Я только что в седьмой раз подряд завоевала звание чемпионки Австралии, дважды выигрывала Уимблдон, дважды — Форест Хиллс, дважды — первенство Франции и стала обладательницей главного приза итальянского тенниса, трижды выиграв чемпионат Италии. Правда, среди моих призов нет еще Большого шлема. Но я знаю, что это всего лишь дело времени и упорства, что необходимо ежегодно участвовать в турнирах и мне удастся повторить достижение Моурин Коннолли.

За шесть лет я не пропустила ни одного крупного турнира, побывала во всех цивилизованных (и не очень цивилизованных) уголках земного шара, причем всегда и везде мне приходилось показывать свою лучшую игру. И надо сказать, я наигралась. Не отдавая полностью себе в этом отчета, я постепенно теряла интерес к теннису. Постоянные переезды, перемены климата, ежедневные упражнения, тренировки и турниры, турниры, турниры —

все надоело. Я везде побывала и все выиграла. В жизни я всегда стремилась к преодолению препятствий. В теннисе для меня препятствий больше не существовало.

Естественно, мой угасающий энтузиазм стал сказываться на результатах. Там, где мне постоянно сопутствовали победы, я познала первые настоящие поражения. В марте 1966 года я уехала из Австралии в очередное турне. Первый турнир в Южной Африке я проиграла — в финале чемпионата меня обыграла Билли Джин со счетом 6:3, 6:2. Четырнадцать лет подряд я побеждала американку, но на этот раз не смогла собрать волю, чтобы выиграть. Казалось, я просто как робот двигаюсь по кругу. Настоящего желания играть и выигрывать не было. Это было так непохоже на меня. В чемпионате Франции я дошла до полуфинала, но проиграла Ненси Ричи, у которой постоянно выигрывала всего несколько месяцев назад в Австралии. Как чемпионку Уимблдона того года меня «посеяли» первым номером, но я знала, что не смогу оправдать этого. Билли Джин победила меня в полуфинале, а затем завоевала мой титул, обыграв в финале Марию Буэно.

Это поражение, которое, как ни странно, я не переживала так остро, как бывало прежде, заставило меня наконец принять решение покинуть теннис. Я об этом думала уже месяцев шесть и писала Хелен Плейстид, одной из моих самых любимых подруг. Прошлым летом, когда я была вместе с семьей Плейстид в Перте, мы часто говорили о том, что неплохо бы заняться совместно продажей спортивной одежды. Теперь же я написала Хелен, что окончательно решила оставить теннис, по крайней мере на год или на два, и приехать к ней в Перт.

Уимблдон, однако, не был моим последним турниром. Согласно предварительной договоренности, я должна была играть еще несколько турниров в Ирландии и на континенте. Но после того как в августе я проиграла Власте Вопичковой в четвертьфинале в Мюнхене, бросила ракетку и отправилась в Австралию.

Я поставила в известность организаторов турнира в Форест Хиллсе, что ухожу из тенниса и не буду защищать в сентябре свой титул чемпионки Америки. Это заявление вызвало некоторое волнение в прессе. Но к тому времени, когда я приехала в Перт, я и думать забыла о теннисе. С радостью готовилась к новой свободной жизни в городе, который я так любила.

Перт — самый красивый город Австралии. Он расположен на реке Свон недалеко от Индийского океана, на самом краю западного побережья. Мне очень нравилась жизнь в этом прелестном, живописном местечке. Люди здесь более дружелюбны, чем в больших городах Восточной Австралии. Большую часть своей жизни они проводят на открытом воздухе. К своему немалому удивлению, я обнаружила, что теннис здесь не в таком почете, как во многих других городах Австралии. С Хелен я впервые встретилась лет десять назад в Мельбурне, где мы вместе тренировались и играли. Ей так и не удалось достичь вершин тенниса. В конце концов она вернулась в Перт и стала лучшим игроком в сквош во всей Западной Австралии.

Пока мы подыскивали подходящее место для нашего магазинчика, я жила с Хелен в доме ее родителей. За шесть лет участия в любительских теннисных турнирах мне удалось скопить 10 000 долларов, восемь из которых я потратила на приобретение старого, но просторного дома в Перте. В нем вместе со мной поселились Хелен, преподававшая в то время физкультуру в школе, и Энн, также учительница.

Мне очень нравится делать все своими руками, и потому я с удовольствием клеила обои, красила — словом, благоустраивала наш новый дом.

Мы замечательно проводили свободное время. Каждый вечер либо у нас, либо у кого-то из друзей устраивались вечеринки. В двадцать пять лет я впервые в своей жизни ходила на свидания, пила пиво, танцевала. Я хотела получить все то, чего была лишена в течение долгих лет упорных тренировок, постоянных игр, турниров, когда в моей жизни не было ничего, кроме тенниса. Теперь же я думала о нем редко, да и никто не пытался воскресить его в моей памяти. Для моих знакомых в Перте я была просто Маргарет Смит, а не всемирно известная теннисистка. Для меня это было так важно! Казалось, никто в Перте и не слышал о моих победах. Я же никогда об этом не упоминала.

Наконец, мы с Хелен нашли подходящее местечко в пригороде Клермонта и открыли там наш магазинчик. На стекле витрины мы нарисовали огромный глаз и назвали магазинчик «Глазок».

Дела с самого начала пошли хорошо. Мы выступали в качестве агентов фирмы теннисной одежды Фрэда

Перри, но торговали и обычной одеждой, в том числе для подростков. Еще в годы моих путешествий по разным странам мира меня интересовала мода и модели одежды, и я тратила на нее больше, чем на все остальное. Это было настоящим хобби. Неудивительно, что я стала закупщиком товаров для «Глазка». Мне приходилось часто ездить в Мельбурн и делать заказы Пру Эктон и другим модельерам. Кроме того, я обслуживала покупателей в нашем магазинчике и имела ряд других обязанностей.

В те дни мне жилось хорошо и весело. Я получала от работы в нашем магазинчике такое удовольствие, которого не испытывала в теннисе. Но он оказал мне и еще одну, самую важную услугу — здесь я встретила своего будущего мужа.

Роб Вейси, коммивояжер, был заядлым моряком, членом недлендского яхт-клуба. Впервые он появился у нас по делам, но затем сблизился с Хелен. Однажды в субботу Роб и Хелен вернулись домой после коктейля. Вместе с ним был высокий широкоплечий мужчина, также член яхт-клуба. Ему не с кем было пойти на танцы в клуб в тот вечер. «Познакомьтесь: Маргарет Смит — Бэрри Корт». Он никогда прежде не слышал обо мне и так мало разбирался в теннисе, что не знал даже порядок ведения счета.

Нельзя сказать, что с самого начала у нас все складывалось прекрасно. Честно говоря, мы начали со ссоры. В тот вечер я была такая усталая, что мне хотелось хорошенько выспаться, — ведь уже целую неделю мы после работы встречались с друзьями. Когда Бэрри пригласил меня пойти в клуб, я отказалась. Он настаивал:

— Ты все же пойдешь.

— Нет, не пойду, — отвечала я.

Так продолжалось некоторое время, в итоге я все же пошла.

В тот вечер Бэрри не произвел на меня особого впечатления. Затем он названивал мне, по крайней мере месяц, прежде чем я согласилась вновь встретиться с ним. Тогда я была слишком увлечена своими многочисленными друзьями, чтобы думать о какой-то устойчивой привязанности. О замужестве же и вообще не помышляла. Во время поездок я никогда не общалась с другими игроками просто ради того, чтобы было с кем провести вечер. Мне нужно знать человека, он должен быть мне

симпатичен. А встречаться с кем-то просто так всегда казалось мне пустой тратой времени.

Благодаря религии — и я это очень ценю — у меня твердые моральные принципы. Я всегда осторожна с тем человеком, с которым появляюсь в обществе. Если меня видели с кем-то дважды, то газетчики не упускали возможности тут же написать об этом. Сколько раз они выдавали меня замуж! Австралийские газеты объявляли меня обрученной с каждым, кто фотографировался со мной. Однажды моим «избранником» оказался даже принц. Но в действительности я была обручена лишь один единственный раз — с Бэрри Кортон, для которого не было «нет» ни в тот первый вечер, ни когда-либо потом.

Начав постоянно встречаться с Бэрри, я познакомилась с миром лодок и парусов и искренне полюбила его. Еще девочкой в Албери я научилась плавать и удить рыбу на реке Муррей и вообще привыкла много времени проводить на воде. Но теперь меня захватил мир парусного спорта Перта, самый оживленный и неугомонный на всем белом свете. Не случайно в финале Кубка Америки, этого Уимблдона яхтсменов, в 1974 году выступали и спортсмены из Перта. С самого начала они были убеждены, что смогут отобрать Кубок у нью-йоркского яхт-клуба. И я верила в то, что они одолеют янки, ибо знала, как страстно они желали этого, сколько времени, средств и усилий затратили на подготовку. Бэрри, конечно, тоже был одержим этой идеей и надеялся лично участвовать в состязаниях. Но моя вторая беременность помешала ему серьезно подготовиться к ним. Возможно, это оказалось и к лучшему, так как команда, в составе которой он намеревался выступать, проиграла американцам четыре заезда подряд, и те сумели отстоять звание обладателей Кубка.

Когда мы встретились, Бэрри являлся президентом недлендского яхт-клуба. Ему едва исполнилось двадцать шесть лет. Как и его братья, он был членом этого клуба с детства. Их отец, Чарльз Бэрри, также числился членом клуба, но он постоянно был настолько занят политикой, что крайне редко выходил на воду. Западная Австралия сейчас — это сплошная строительная площадка, и своим бурным развитием, прежде всего в качестве угольного и нефтяного центра, она во многом обязана сэру Чарльзу. К тому же он прекрасный музыкант. Сэр Чарльз нередко играл на собраниях в период предвыборной кам-

пани 1974 года, когда лейбористам было нанесено поражение. В тот год его избрали премьером Западной Австралии.

Сэр Чарльз — один из компаньонов бухгалтерской фирмы в Перте, с которой сотрудничает и его старший сын Виктор. Бэрри к этому делу так и не смогли приобщить. Сначала он собирался стать фермером, но сельское хозяйство в Западной Австралии оказалось в таком тяжелом положении, что он отказался от этой затеи. Поскольку я сама родилась в предместье, идея обладать участком земли всегда привлекала меня. Несколько раз мы вместе ездили в район виноградарства, расположенный вдоль реки Маргарет, где производятся лучшие в Австралии вина. За рубежом мало кто знает о высоком качестве австралийского вина, так как основные его запасы потребляются дома и лишь незначительная часть идет на экспорт. Мы с Бэрри постоянно интересуемся всеми этими делами. Возможно, когда-нибудь купим и собственный виноградник.

Бэрри был маклером и аукционером и сотрудничал с одной из больших фирм в Перте, занимающейся торговлей шерстью. С юных лет у него была своя яхта, но самую первую он строил собственными руками. Хотя семейство Корт весьма известно в наших краях, они не богатые люди. Отец и мать Бэрри по-прежнему живут в том же доме, в котором поселились после своей свадьбы. Это скромный домик в пригороде Недлендса. Деньги в их жизни не самое главное. В семье пять сыновей, и всем им пришлось много работать, чтобы иметь то, что они имеют сейчас.

Спустя четыре месяца после нашей встречи Бэрри познакомил меня со своими родителями. Когда он представлял меня своей матери, та воскликнула: «О, вы однофамилица знаменитой теннисистки!» Позднее в тот же вечер она подошла ко мне и извинилась за то, что не знала, кто я. К тому времени Бэрри уже было известно о моей прошлой карьере в теннисе, но он ничего не говорил об этом своим родителям. Такой эпизод типичен для нравов Перта. Вот почему он мне так нравится. Люди здесь судят о человеке по тому, каков он есть, а не по его прошлым заслугам, сколь бы велики они не были.

В качестве президента яхт-клуба Бэрри часто приглашали как почетного гостя на различные торжества в другие клубы, а также на всевозможные спортивные меро-

приятия. Я везде сопровождала его. Однажды на церемонии вручения призов в соседнем клубе нас посадили за главный стол рядом с губернатором. Его помощник, считавший себя настоящим теннисистом, спросил меня, между прочим, умею ли я играть в теннис. Я сказала, что умею, но далее распространяться не стала. Однако губернатор, зная, кто я, начал расспрашивать:

— А не играли ли вы в Уимблдоне?

— Да.

Глаза помощника сверкнули.

— А не побеждали ли вы как-то на этом турнире?

— Дважды.

Помощник покраснел и почти исчез под столом. Я успокоила его, сказав, что большинство жителей Перта также не знают, умею ли я вообще играть в теннис.

Мы с Бэрри столько времени проводили вместе, что кругом стали поговаривать о нашей свадьбе. Сознательно я к этому не стремилась. Да это просто не приходило мне в голову. И главным образом, как я думаю, потому, что мы разных вероисповеданий.

Я получила строгое католическое воспитание, посещала приходскую школу и очень серьезно относилась к религиозным вопросам. Начав впервые встречаться с молодыми людьми, я всегда стремилась выяснить, являются ли они католиками. В то время церковь отрицательно относилась к браку между людьми разных вероисповеданий. В таком случае нельзя было совершить торжественный обряд бракосочетания, обвенчаться у главного алтаря церкви. Сейчас все изменилось — даже язык проповедей, которые читаются уже не на латыни, а на английском языке.

Я всегда считала, что выйду замуж за католика. Но после знакомства с Бэрри этот вопрос отошел на второй план. Он принадлежал к англиканской церкви и также истово верил в бога, как и я. Когда мы решили пожениться, он сказал:

— Пусть эта свадебная церемония состоится в католической церкви, но только без ужасных колоколов.

Во времена больших перемен колокола исчезли. Мы обвенчались в церкви Святого Патрика в Перте. Нашим шафером был Роб Вейси, когда-то познакомивший нас. Хелен Плейстид Муир и Энн Эдгар Бринкворт были моими подружками. Это был замечательный день в моей жизни.

Вместо того чтобы как-то устроиться и обосноваться после свадьбы, мы принялись обсуждать поездку за границу. Мне хотелось, чтобы Бэрри познакомился с моими друзьями, повидал то, что видела я, лучше узнал о моей жизни до приезда в Перт. Большинство моих друзей много путешествовали и, так или иначе, были связаны с теннисом. Бэрри не мог участвовать в наших беседах. Он никогда не видел мою игру, а потому по большому счету не знал, кто я. К тому же за всю свою жизнь он не выезжал за пределы Австралии.

За домом родителей Хелен Муир был теннисный корт. Однажды я отправилась туда и впервые за многие месяцы взяла в руки ракетку. Я играла и наслаждалась. Ко мне вернулась любовь к теннису.

Я решила поговорить с Бэрри.

— Если мы поедem за границу и я немного поиграю, ты не будешь возражать?

Он ответил, что у него нет возражений, если я научу его следить за счетом.

Фирма, в которой работал Бэрри, согласилась дать ему в связи с женитьбой долгосрочный отпуск.

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мысль о том, что я могу поехать за границу с Бэрри, была своеобразным стимулом к возвращению в теннис. Он смотрел на все другими глазами, и я знала, что его чувство юмора будет мне помогать во время турниров. Ему во всем как-то удается находить забавные моменты, в то время как я ко всему отношусь ужасно серьезно. Я знала, что он будет идеальным спутником.

Но прежде чем принять окончательное решение о своем возвращении, мне нужно было знать, смогу ли я войти в форму. За четырнадцать месяцев, проведенных в Перте, вдаль от тенниса, я поправилась фунтов на пятнадцать. К счастью, благодаря моему росту и широким плечам это было не заметно. К тому же я регулярно играла в сквош и была теперь вторым игроком в Западной Австралии, уступая лишь Хелен Плейстид Муир. Однако теннисный турнир требует затраты значительно больших сил, чем партия в сквош. А потому я вернулась в спортзал и стала усиленно тренироваться пять раз в неделю

по два часа в день. Мне очень не хватало Стэна Николса, моего старого тренера из Мельбурна, не хватало его наставлений и советов. Что касается непосредственно тенниса, это также было нелегко, так как в Перте я могла тренироваться лишь с одним человеком — с Брайаном Бауменом. Он был бизнесменом и лишь единственный раз выступал в одном австралийском турнире. И что еще хуже, у меня вновь началось воспаление желез, из-за которого я пролежала в больнице во время своей первой поездки за границу с миссис Хопман. Короче говоря, это было совсем непросто — сбросить вес и войти в форму, чтобы возвратиться в теннис.

Начинался австралийский сезон тенниса на траве, и я решила попробовать: если выступлю хорошо и смогу играть в чемпионатах Австралии в январе 1968 года, то буду участвовать и в международных турнирах этого года.

Сначала Бэрри не осознавал, как мне будет трудно вернуться в теннис. Он думал, что мы едем за границу провести там медовый месяц, развлечься, посмотреть интересные места. А теннис был как бы между прочим. Когда мы начали разговор об этой поездке, вопрос о возможности заработать деньги с помощью тенниса не стоял, так как турниры все еще были закрыты для профессионалов. Я могла лишь рассчитывать на то, что заработаю какую-то сумму благодаря своему имени и репутации, но по-настоящему о больших деньгах, которые стали возможны с появлением так называемого открытого тенниса, тогда еще никто не помышлял.

Бэрри считал: не важно, хорошо или плохо я играю, не важно даже, буду ли я выигрывать или проигрывать. Но если ты однажды завоевал теннисную корону, вряд ли можно возвращаться в теннис, не надеясь вновь обладать ею. Я знала, как много должна работать, чтобы вновь войти в форму, чтобы приобрести ту необходимую выносливость, которая позволяет день за днем, турнир за турниром состязаться с лучшими игроками мира.

Бэрри было странно, что я так серьезно отношусь к теннису. Правда, он сам блестящий яхтсмен и еженедельно выходит на воду. Но яхтенный спорт — это совсем другое дело. Все яхтсмены после соревнований вместе пьют пиво и вообще прекрасно друг к другу относятся. В теннисе же в значительно большей степени присутствует азарт, и каждый здесь живет сам по себе. Я знала, что,

вернувшись, буду проигрывать многим игрокам, которых обычно побеждала. Знала и то, что это будет нелегко.

Я работала как вол в спортзале по два часа ежедневно, поднимала штангу, бегала по несколько миль утром и вечером, играла в теннис со всеми теннисистами Перта, которые были способны оказать хоть какое-то сопротивление. Мне удалось сбросить вес. Я была готова вновь соревноваться, но понятия еще не имела, на что же теперь способна. Мне необходимо было сыграть несколько турниров.

В то лето Билли Джин и Розмари Казалс выступали в Австралии. Я понимала, что именно они будут моими самыми серьезными соперниками. Так оно и оказалось.

После пятнадцатимесячного перерыва я впервые приняла участие в чемпионате Нового Южного Уэльса, который проходил в Сиднее в ноябре 1967 года. Тогда Бэрри впервые увидел мою игру (к этому времени он уже умел следить за счетом в теннисном матче). Я была счастлива, что мне удалось обыграть Розмари Казалс и выйти в финал против Джуди Тегарт. Из-за дождей финал отложили почти на месяц. Я его выиграла.

За этот месяц, однако, я дважды проиграла Розмари и один раз Билли Джин в других турнирах на траве. Мне еще очень много предстояло сделать, прежде чем буду удовлетворена своей игрой.

Выход в финал соревнований в Мельбурне очень обрадовал меня. Я еще раз проиграла Билли Джин, но это был хороший матч. Именно после него я и приняла окончательное решение — поеду в Европу с Бэрри, как мы и планировали, и постараюсь вновь стать первой теннисисткой мира.

Все мои старые друзья в Мельбурне — и Кейт Роджерс, и Стэн Николс, и Фрэнк Седжмен — считали, что я играю хорошо и должна продолжать выступать.

Как я и предполагала, путешествовать вместе с Бэрри было прекрасно. Казалось, куда бы мы ни попадали, с нами обязательно что-нибудь да приключалось. Мне никогда не было так легко и весело, когда я ездил за границу одна. Наконец я научилась расслабляться между матчами и наслаждаться жизнью.

Я получила приглашение по дороге на турнир в Йоханнесбурге сыграть в соревнованиях в Уганде. Это было одно из тех немногих мест, где я еще не была. Из Перта через Индийский океан мы прилетели на остров Мав-

рикий, там нам предстояло сделать пересадку. Прямого самолета в столицу Уганды Кампалу не было, поэтому мы полетели в Дар-эс-Салам, одно из самых первобытных мест, которое я когда-либо видела, на восточном побережье Африки. Нам предстояло провести там ночь в ожидании самолета в Кампалу. Ну и ночь же это была!

В Дар-эс-Саламе нас подвергли тщательному таможенному досмотру. Затем оказалось, что от аэропорта до ближайшего отеля двенадцать миль. Шел проливной дождь. Водитель такси положил наш багаж на крышу машины, не закрепив его и ничем не прикрыв от дождя. Не проехали мы и мили по изрытой колеями дороге, как чемодан Бэрри упал в грязь. За эти долгие двенадцать миль нас ужасно растрясло. Бэрри пришлось, высунув из окна руку, придерживать на крыше свой чемодан; дождь при этом хлестал ему прямо в лицо. Почти через каждую милю водителю приходилось останавливать машину и выходить, чтобы поправить щетки на ветровом стекле.

— Великолепное начало для медового месяца, — ворчал Бэрри, свободной рукой вытирая мокрое от дождя лицо.

Машина подпрыгивала на ухабах, и случилось то, что должно было случиться, — спустила шина. Не успела я подумать, придется ли Бэрри помогать водителю заменять ее, как вдруг откуда-то из кустов появились около двадцати местных жителей, готовых оказать помощь. Все разом они включились в работу — одни меняли гайки, другие крепили запасную шину, третьим просто удавалось создать видимость, что они очень чем-то заняты. Когда все было закончено, Бэрри дал каждому из них по пенсу, что их вполне удовлетворило.

Отель оказался чудовищным. Сначала мы думали, что нам даже не придется поесть. Когда же еду наконец принесли, мы подумали, что лучше бы ее не приносили совсем. Я была согласна с Бэрри: «Великолепное начало для медового месяца!»

В Уганде все было значительно лучше. Мы жили в одной английской семье, много ездили вместе с ними по стране. Впервые в жизни Бэрри видел живого слона не в зоопарке.

В финале соревнований я победила Вирджинию Уэйд и выиграла первый зарубежный турнир после своего возвращения в большой теннис. Эта победа придала мне уве-

ренность в себе, так как двумя неделями раньше Вирджиния обыграла меня в Кампале.

С нами была Ивонн Гулагонг — мы с ней сыграли серию контрольных матчей с местными теннисистками.

Куда бы Ивонн ни ехала, ее всегда сопровождает Вик Эдвардс, ее тренер. Вик решает все проблемы, связанные с транспортом и отелями, составляет маршруты ее турне, выбирает турниры, в которых ей предстоит принять участие. Это позволяет Ивонн сосредоточить все внимание на теннисе — идеальное условие для любого игрока. И теперь впервые в жизни я тоже могла позволить себе такую роскошь. Бэрри быстро научился помогать мне в выборе маршрутов моих турне. Он также занимался бронированием мест в отелях, заказом билетов на самолет, проблемами багажа — словом всем тем, от чего я была так рада избавиться.

Вчетвером мы хорошо ладили друг с другом. Бэрри же тем временем познавал теннис «изнутри». Вик очень похож на Бэрри тем, что он умеет наслаждаться жизнью, где бы он не был.

Мне наскучило ходить за границей одной по магазинам. Бэрри же прекрасно умеет покупать вещи, и мы с ним сделали массу покупок для себя и для нашего нового дома в Перте, причем оба получили от этого огромное удовольствие. Тогда мы и купили красивое кольцо с изумрудом, которое я тут же надела и никогда не снимала, даже когда играла в теннис. Два года спустя я играла матч в Бристоле, в Англии. Моя соперница, Вирджиния Уэйд, которая всегда восхищалась этим кольцом, вдруг сказала: «Маргарет, где твой изумруд?» Я посмотрела на кольцо — камня там не было. Вероятно, либо мячом, либо скорее всего ракеткой выбило камень из оправы. Как только матч закончился, мальчики, подававшие мячи, четыре или пять раз проползли по всему корту. Они искали зеленый камень на травяном корте и так и не смогли его обнаружить. На следующее утро трава на корте была пострижена так низко, как только было возможно, и мы вновь прочесали весь корт. Безуспешно. Теперь этот корт называют «изумрудным».

Такое впечатление, что с драгоценностями мне не везет. Во время нашей первой поездки в Колумбию Бэрри нашел брошь, которая очень подходила к моему кольцу. Но на следующей же неделе, когда я играла турнир во Флориде, она исчезла. Мы излазали каждый уголок дома

в Лайтхауз Поинт, где тогда жили, перетрясли все наши вещи, но все напрасно. Когда три года спустя мы вновь приехали в Лайтхауз Поинт и наши друзья поместили нас в той же комнате, я выдвинула верхний ящик комода — там преспокойненько лежала моя брошь! Каким-то образом я не заметила ее три года назад.

Этот счастливый случай возродил во мне надежду когда-нибудь найти изумруд. И поэтому каждый год, когда я играю в Бристоле, я несколько раз прохожу по «изумрудному» корту — на всякий случай.

Глава 12

ОТКРЫТЫЕ ТУРНИРЫ. АНГЛИЯ. БЭРРИ

Когда мы прибыли в Англию во время нашего свадебного путешествия, в теннисе уже произошла настоящая революция. В марте 1968 года впервые в мире в Барнемуте был проведен открытый турнир. В нем вместе с любителями играли профессионалы. Прямым результатом этого было увеличение денежных призов. Я никогда не предполагала, что женский теннис может стать таким популярным и прибыльным, и тем не менее это произошло после того, как женские турниры стали открытыми для профессионалов. За первый год открытых турниров мои доходы составили 25—30 тысяч долларов, что было значительно больше того, что я зарабатывала в годы любительского тенниса. Пять лет спустя эта сумма возросла почти в десять раз!

Однако в то время для меня особенно важно было чувствовать себя честным спортсменом. Жесткая рука Австралийской ассоциации тенниса стала лишь тяжким воспоминанием. Власть оказалась в руках группы образованных администраторов, возглавляемых Вейном Рейдом. Я была рада сотрудничать с Вейном и помогать развитию австралийского тенниса во всем, что от меня зависело. Наш теннис был в унылом состоянии, и Вейн стремился дать толчок его развитию. Вместе с тем он делал все возможное, чтобы помочь моей профессиональной карьере.

Бэрри нравилась Англия, как и большинству австралийцев, которые относятся к ней как к своей родине. Но должна сказать, что пребывание в Англии никогда не

доставляло мне такого удовольствия, когда я бывала там одна. С Бэрри моя «светская» жизнь стала богаче. У нас появилось много новых друзей среди женатых пар нашего возраста.

В том сезоне в Англии я хорошо выступила в ряде соревнований на травяных кортах, выиграв три турнира подряд. Но это было начало сезона. Когда пришло время серьезной проверки сил, выяснилось, что мне многого еще не хватает. Лесли Баури победила меня в финале чемпионата Италии. Я проиграла Энн Джонс в полуфинале турнира в Королевском клубе, а в первом открытом Уимблдонском турнире Джуди Тегарт вывела меня из борьбы уже в четвертьфинале. Это было мое худшее выступление в Уимблдоне с тех пор, как я проиграла Билли Джин матч шесть лет назад. Две недели спустя я победила Джуди в финале турнира в Нидерландах. Но это было очень слабым утешением.

Американцы, следуя примеру англичан, быстро восприняли идею открытых турниров. Но они по-прежнему разделяли теннисистов на любителей и профессионалов, что было просто смешно. Я решила выступить и в чемпионате любителей, который проводился в том году в Бостоне, и в открытом чемпионате США в Форест Хиллсе, где был обещан денежный приз. К сожалению, мне не повезло — я победила Марию Буэно в финале чемпионата любителей, где за победу денежный приз не полагался, и проиграла ей же в четвертьфинале открытого первенства всего неделю спустя.

Нью-Йорк был слишком многолюден и шумен, и Бэрри не разделял мою любовь к Форест Хиллсу. Поэтому я была рада, когда мы отправились в Калифорнию. Этот район Америки больше всего напоминает Австралию.

Оказавшись в Калифорнии, я воспользовалась возможностью поработать с Джерри Тигарденом, одним из лучших тренеров Америки, отцом Пэм Тигарден, профессиональной теннисистки, которая отлично выступила на турнирах «Вирджиния Слимс» и командного чемпионата мира.

Джерри выяснил, что недочеты в игре появились после моего возвращения в большой теннис скорее всего потому, что я слишком старалась, слишком хотела побеждать. Стремясь к победе любой ценой, я изменила своему прежнему естественному стилю игры. Он выправил мне подачу, показав на отснятой киноленте ошибки,

допускаемые мною при касании ракеткой мяча. Подбросив мяч, я ударяла по нему снизу или сбоку, вместо того чтобы «накрывать» его сверху. Это и была та простая корректировка, которая имела решающее значение. В проигранном Розе Казалс матче в турнире юго-западного тихоокеанского побережья в Латинской Америке я допустила более дюжины двойных ошибок на подаче. Но после нескольких дней работы с Джерри я выступала в Сан-Франциско и в финале этого турнира нанесла поражение Марии Буэно, превосходно выполнив все подачи.

Джерри изменил замах руки при ударе справа, которой я до того описывала в воздухе широкую петлю, что неизбежно приводило к ошибкам. Он заставил меня отрабатывать отдельные виды ударов, скрупулезно подсчитывая процент правильного выполнения каждого из них.

Я ощутила большую пользу этих занятий сразу после возвращения в Англию, где приняла участие в Кубке Дьюар, проходившем в закрытых помещениях, который родился вместе с рождением открытых турниров в теннисе.

Может показаться странным, но я, человек, выросший в солнечной Австралии, любила играть в помещениях. И я привыкла ценить отсутствие порывов ветра, надежный отскок мяча, не зависящий от особенностей поверхности. К тому же на современных аренах освещение уже не вызывает нареканий, хотя в прежние времена оно часто было недостаточным.

Розыгрыш Кубка Дьюар, субсидируемый шотландской компанией — изготовителем виски, состоял из серии недельных мужских и женских турниров, проходивших поздней осенью в городах Англии и Шотландии. Вооруженная новой подачей и отработанным ударом справа, я выиграла четыре турнира подряд, а также чемпионат Англии на закрытых кортах в Королевском клубе.

На рождество я вернулась в Перт в приподнятом настроении. Мое возвращение в большой теннис было многообещающим. Бэрри получал огромное удовольствие от путешествий и знакомства с моими товарищами и коллегами. Открытый теннис наполнил игру новой жизненной силой. Стало ясно, что призы будут возрастать даже для женщин. Я выиграла четыре турнира на травяных кортах в Австралии, включая первый в нашей стране открытый турнир 1969 года, в финале которого нанесла поражение Билли Джин. Это дало мне первый балл для завоевания Большого шлема. Поэтому в следующем году

я решила совершить еще одно зарубежное турне. Бэрри согласился сопровождать меня. Иначе я бы и не поехала.

Глава 13

ЕЩЕ РАЗ ПОЧТИ... А ЗАТЕМ ТРИУМФ!

Как бы ни было мне тяжело играть в жарких условиях тропиков, я все же приняла приглашение вновь выступить в ряде турниров в странах Карибского бассейна. Мне хотелось, чтобы Бэрри увидел эти чудесные места, и прежде всего Пуэрто-Рико. Мария Буэно после операции локтя снова, как бывало и раньше, вернулась в большой теннис и также намеревалась совершить турне по островам и побережью Карибского моря. Я с нетерпением ожидала возобновления нашего старого соперничества. Мне всегда доставляло удовольствие играть с этой теннисисткой, отличавшейся таким элегантным, грациозным стилем.

Первый турнир проходил в Каракасе, где я уже побеждала четыре года назад, когда приезжала туда впервые. Каракас расположен высоко над уровнем моря. Там относительно прохладно, а это немаловажно для меня. Мария играла превосходно, и мы, как и ожидалось, вышли в финал. Утром накануне нашего матча Мария почувствовала боль в руке. Она всегда верила в обезболивающие уколы и сразу же обратилась к местному врачу. К сожалению, он сделал что-то неправильно. Рука распухла, и Мария не смогла выйти на корт. Как выяснилось позднее, это был конец ее теннисной карьеры. Она уже не смогла восстановить работоспособность руки после травмы, причиной которой был небрежно сделанный укол. Много лет спустя, когда в 1974 году проходил розыгрыш мирового командного первенства по теннису, Мария вновь попыталась вернуться, выступив в Майями. Но это была лишь тень той выдающейся теннисистки, которая десятью годами ранее побеждала в Уимблдоне и Форест Хиллсе.

С тех пор как три года назад я ушла из тенниса, мне никогда не игралось так хорошо, как сейчас. Я одержала серию побед в шести турнирах, включая розыгрыш Кубка Федерации в Афинах. Затем в Париже в третий раз стала чемпионкой Франции, победив в финале Энн

Хейдон-Джонс. Это принесло второй балл в борьбе за Большой шлем. Надежды мои росли по мере того, как приближалось время соревнований в Уимблдоне. Но в полуфинале я столкнулась с Энн Джонс, совсем не похожей на ту, которую недавно так легко обыграла в Париже. Вдохновленная поддержкой зрителей, высокая, мощная, Энн провела лучший в своей жизни матч. Обычно она не любит играть со мной, но в тот день Энн наслаждалась каждым мгновением поединка. Все, что она делала, было великолепно. Я знаю, что она никогда не умела подавать и бить с лёта так превосходно, как это получалось в тот день. Для нее типична игра у задней линии, а в тот день она постоянно выходила к сетке, причем чаще, чем я. Энн непрерывно атаковала. Ни до, ни после этого она не играла так замечательно. Мы обе были согласны в том, что такой поединок должен был бы быть финалом. На следующий день она повергла Билли Джин и после восьмилетнего перерыва принесла своим восторженным соотечественникам уимблдонскую победу. Впоследствии никому из английских теннисистов, ни мужчинам, ни женщинам, не удавалось повторить ее успех.

Вернувшись в Америку, я победила Ненси Ричи в финале открытого чемпионата США в Форест Хиллсе. Таким образом, в 1969 году в третий раз в своей жизни я набрала три из четырех необходимых баллов в борьбе за Большой шлем. Я чувствовала себя обескураженной: опять так близко подойти к заветной цели и снова не достигнуть ее. Но я играла настолько хорошо, что была уверена — в следующий раз добьюсь своего. Бэрри, которому было понятно мое огорчение, поддерживал стремление еще раз попытаться счастья. Итак, мы решили провести еще один год «на колесах».

Победа в австралийском чемпионате имела огромное значение. В январе 1970 года я в девятый раз завоевала титул чемпионки, не проиграв при этом ни одного сета. Ивонн была побеждена в четвертьфинале, Хэрри Мелвилл — в финале. Это было хорошим стартом, но не более чем стартом. В то время в США условия игры в закрытых помещениях становились все лучше, и я решила выступить там в феврале. К этому времени Билли Джин стала моей главной соперницей. Мы встречались в финалах почти всех турниров. Я победила ее на закрытых кортах в Филадельфии и Далласе. Затем мы перелетели в Австралию для участия в турнире «Данлоп», и в Сиднее

она нанесла мне поражение. Через неделю мы встретились на кортах с твердым покрытием в Южной Африке, и там наступил мой черед побеждать. Однако в Дурбане она вновь взяла верх. И так это продолжалось... Я поняла, что в тот год Билли Джин станет главным препятствием на моем пути к Большому шлему.

После этих турниров мы перебрались в Англию, чтобы участвовать в весенних турнирах на кортах с твердым покрытием. Я победила в трех из них, без труда нанеся поражение Энн Джонс в финале в Саттоне. Но непрерывные разъезды и большие нагрузки стали сказываться. За четыре месяца я выступила на кортах четырех континентов! Я уже не могла, как прежде, контролировать свои удары. В Хэрлингеме в полуфинале я уступила Джойс Уильямс и поняла, что нуждаюсь в помощи и совете. Через неделю я должна была играть за команду Австралии в розыгрыше Кубка Федерации во Фрейбурге (ФРГ), а затем выступить в чемпионате Франции. Сославшись на боль в плече, я отказалась от участия в розыгрыше Кубка и тайком вылетела в Лос-Анджелес, чтобы в течение недели поработать с Джерри Тигарденом и подготовить себя для второго этапа борьбы за Большой шлем. Никто из теннисистов не знал об этой поездке. Мне было неприятно покинуть австралийскую команду, но в тот год моим личным интересам пришлось отдать приоритет. К счастью, Австралия и без меня успешно выступила в розыгрыше Кубка, победив команду ФРГ со счетом 3:0.

Как бывало и раньше, Джерри выправил мою игру, восстановив подачу и удары справа — они обрели прежнюю уверенность и четкость. Мы много занимались тактикой и стратегией игры, уделив особое внимание основным ударам и передвижениям по корту, о которых как-то забываешь, играя изо дня в день.

Из Калифорнии я отправилась в Париж, настроенная на победу и уверенная в своих силах. Обычно после приезда в этот город я чувствую недомогание, но в тот раз состояние здоровья не вызывало никаких тревог. И тем не менее уже во втором туре я оказалась на грани катастрофы.

Ольга Морозова, советская чемпионка, которая лучше всего играет на медленных кортах, одержала победу в первом сете со счетом 6:3 и вела во втором 5:2. Зрители стали собираться у нашего корта. Они надеялись стать свидетелями первой неожиданности турнира. Признаться,

я сама думала о том же. И все-таки мне удалось повернуть течение матча, выиграв во втором сете со счетом 8:6. Я часто выходила к сетке, посылая мячи в разные углы площадки. Потом вдруг ногу свело судорогой — и икра превратилась в подобие каменного шара. Все, что требовалось от Ольги, — это заставить меня бегать. К счастью, она не догадалась об этом. Я выиграла третий сет со счетом 6:1.

Но мои злоключения на этом не кончились. Судорога привела к появлению тромба в кровеносном сосуде на правой ноге, в результате чего начался спазм. Утром следующего дня я не могла встать на эту ногу. Положение стало отчаянным. Мне повезло, что в тот день я не выступала. Мне сделали массаж. Я принимала лекарства, чтобы облегчить боль и ликвидировать тромб. Но до конца турнира все же чувствовала, что нога не в порядке.

Когда со мной случаются подобные травмы, я играю лучше. Я сознаю, что должна бороться за каждое очко, и не могу позволить себе лишние движения. К этому добавляется стремление поскорее покинуть корт, что заставляет собраться и играть изо всех сил. Если уж мне удалось победить эту русскую девушку, значит, я могу бороться и дальше. Я нанесла поражения Лесли Хант, Рози Казалс, Джули Хэлдман, наконец, в финале Хельге Мастхофф-Ниссен, не проиграв ни одного сета. Завоевав титул чемпионки Франции в четвертый раз, я повторила рекорд американки Элен Уиллс-Муди. Только Сюзанна Ленглен с ее шестью победами имела лучший результат, но она становилась чемпионкой своей страны в двадцатых годах, когда иностранцы не могли принять участия в этом состязании.

Я была на полпути к цели — Большому шлему. Оба этих титула — чемпионки и Франции и Австралии — я уже выигрывала в 1962, 1964 и 1969 годах, однако терпела поражения на Уимблдоне или в Форест Хиллсе. Так что пока была осторожна в своих оптимистических планах на будущее.

Подготавливаясь к Уимблдону, я выступила в двух турнирах на травяных кортах в Англии — в Бристоле и в Королевском клубе. Оба их выиграла, хотя едва избежала поражения в Королевском клубе. В финале Уинни Шоу выиграла первый сет 6:1 и вела во втором 5:1. Тогда я стала выходить к сетке при каждом ударе и, отчаянно

атакуя, вырвала победу во втором сете, а затем и в третьем. Я была удовлетворена этим результатом. Многие теннисисты считают, что победа в турнире Королевского клуба, этой прелюдии Уимблдона, равноценна смертному приговору вашим шансам на успех в основном состязании через неделю, но я никогда так не думала. По мне лучше побеждать, чем проигрывать, где бы то ни было.

В Уимблдоне я была «посеяна» первым номером, как и на всех других турнирах в том году, а Билли Джин — вторым. Это предвещало встречу в финале. Я с нетерпением ожидала нашего поединка, понимая, что победитель станет первой ракеткой мира.

Никогда ранее я не чувствовала большей уверенности в себе, чем в начале того Уимблдонского турнира. Старт был многообещающим. На одном дыхании я выиграла первые три матча, уступив в них лишь пять геймов. Но уимблдонские казусы еще поджидали меня впереди. Моей четвертой соперницей была Хельга Мастхофф-Ниссен, которую я победила на ее любимом корте в финале чемпионата Франции. Я не предвидела никаких осложнений в матче с ней, играя на траве, которая больше подходит моим подачам и ударам с лёта, чем медленное покрытие. Но Хельга удивила решительными выходами к сетке и мощными меткими ударами с лёта. Это был первый матч ее на центральном корте Уимблдона, но она отнюдь не смущалась непривычной обстановки. Она отбивала почти каждый мяч, как будто прошла школу на английских травяных кортах. Мы упорно боролись до счета 6:6. В следующем гейме я подпрыгнула, чтобы нанести удар справа, потеряла равновесие и упала на землю. Пронзила острая боль в лодыжке. Я уступила гейм, а затем и сет со счетом 6:8. Нога по-прежнему болела. Я попросила мальчика, подающего мячи, сбегать в раздевалку и принести эластичный голеностоп. Тот самый, который накануне одолжила рослой австралийской теннисистке Карин Крантцке.

Но боль в лодыжке усиливалась. Стало ясно, что мне необходимо завершить матч и покинуть корт как можно скорее. Я бросалась к сетке при каждой возможности и победила в двух последних сетах — 6:0, 6:0. Но, сняв в раздевалке тапочки, увидела, что нога заметно опухла и посинела. Внутри у меня как будто что-то оборвалось: я представила все предстоящие матчи, не только одиноч-

ные, но и парные, а также смешанные, в которых должна была выступать.

После окончания матча с Ниссен меня осмотрел врач. Он предложил перетянуть ногу, чтобы я могла выступить в матче смешанных пар в тот же день после полудня. Но боль была настолько сильна, что я не могла встать на левую ногу, и потому отказалась выйти на корт еще раз.

Как ни тяжело было подводить своих партнеров Джуди Далтон и Марти Риссена, но пришлось отказаться от выступлений в парах, чтобы оставить себе возможность участвовать в одиночных играх. Меня ужасала мысль проиграть Уимблдон. В голове все время вертелся вопрос, когда-то заданный Фрэдом Перри:

— Почему, проиграв французский чемпионат, ты побеждаешь в Уимблдоне, а победив во Франции, проигрываешь Уимблдон?

Я была полна решимости разрушить эту закономерность.

Как только я оделась, Бэрри усадил меня в такси, и мы отправились на Харли-стрит в хирургический кабинет доктора Ги Бошама, давнишнего знакомого, который уже лечил меня раньше. На этот раз он только покачал головой.

— У вас порваны связки, произошло кровоизлияние. Я не знаю, сможете ли вы выступить в очередном матче, — сказал он с грустью.

Я умоляла его сделать все возможное, чтобы дать мне шанс продолжить борьбу. Не было нужды долго объяснять ему, насколько это важно для меня, — он был тонкий знаток тенниса и отлично знал о моих осечках буквально на пороге Большого шлема.

Он долго манипулировал с моей опухшей ногой, велел лежать, подняв ее кверху, в течение двадцати четырех часов, чтобы кровь могла оттечь от травмированного места. Я должна была, кроме того, прикладывать к ноге лед. К счастью, мой отказ играть в парах дал два дня отдыха перед матчем с Розмари Казалс. Но, с другой стороны, он привлек внимание прессы и теннисистов к моей травме, хотя никто, кроме доктора и Бэрри, не подозревал, насколько она серьезна.

Доктор Бошам посоветовал мне достать новые тапочки, которые бы более плотно сжимали лодыжку. Незадолго до моего выхода на корт он позвонил врачу в Уимблдоне, попросив его сделать мне обезболивающий

укол. Без этого я не смогла бы выдержать матч. Размяться как следует перед поединком с Рози мне не удалось. Все, на что я была способна, — это сделать несколько подач с задней линии, чтобы расслабить руку.

Так как инъекция действует не более двух часов, я вновь столкнулась с необходимостью бороться за каждое очко. Я бросалась к сетке сразу после своей подачи и при приеме мяча. А как только к сетке выходила Рози, я перебрасывала мяч над ее головой — надежная тактика в игре против низкорослых теннисистов, таких, как эта миниатюрная калифорнийка. Я выиграла матч на удивление легко — 6:4, 6:1. Но эта победа не принесла особой радости. Вскоре после матча выяснилось, что травмированная нога доставит в будущем еще больше неприятностей.

Я снова отправилась к доктору Бошаму, который повторил те же процедуры, что и при подготовке к предыдущему матчу. Опять лед, поднятая нога, отдых в течение двадцати четырех часов перед финалом, в котором я встречаюсь с Билли Джин. Хуже то, что я еще раз травмировала ногу, вызвав новое кровотечение. Боль была столь сильной, что мне пришлось принимать снотворное, чтобы хоть немного поспать. Но и не будь такой боли, я едва ли бы видела приятные сновидения. Травма очень беспокоила меня. Для победы над Билли Джин, разгромившей в полуфинале француженку Франсуаз Дюрр, необходимы были все мои скоростные качества, мобильность, не говоря уже о запасе энергии и общей физической готовности. В том году я трижды побеждала Билли Джин, но и она выигрывала у меня дважды. Я понимала, что исход финала может зависеть от состояния моей проклятой ноги.

Перед выходом на корт доктор Бошам еще раз звонил уимблдонскому врачу с той же просьбой. Но тогда я не знала, что Бошам посоветовал ему сделать сразу два укола, «на тот случай, если матч затянется». Это оказалось очень разумно, так как наш поединок превратился в марафон длительностью два часа двадцать семь минут — самый долгий женский финал за всю историю Уимблдонских турниров.

Конечно, как только я пропустила два выступления в парах, журналисты разнюхали о моей травме. Заголовки газетных статей кричали об этом. Билли Джин рассудительно решила заставить меня непрерывно бегать по

корту, вызывая к сетке короткими ударами, а затем посылать мяч «свечой» к задней линии. Но благодаря уколам я не чувствовала боли в перетянутой бинтом ноге вплоть до самых последних геймов этого долгого матча, когда действие обезболивающего средства стало кончаться.

Моя стратегия заключалась в том, чтобы выиграть первый сет любой ценой и тем самым избежать поединка в три сета. Во втором сете я также должна была держать Билли Джин под постоянным давлением. Первый сет представлял собой настоящий бой, в котором мы все время шли вровень. Билли Джин выиграла мою подачу и повела 5:4. Но, несмотря на то что у нее был сет-бол, я выиграла гейм и сравняла счет — 5:5. То же самое повторилось при счете 7:6, когда Билли Джин вновь вышла вперед. Я сравняла счет. И опять у нее сет-бол при счете 8:7. И опять я выигрываю гейм — 8:8. После этой третьей неудачной попытки победно завершить сет Билли Джин взорвалась, швырнула ракетку на корт и сломала обод. Но даже такой эмоциональный взрыв не повлиял, как это обычно бывает с другими теннисистами, на ее сосредоточенность в игре. Еще девять геймов мы состязались на равных, после чего три ошибки, допущенные ею одна за другой, склонили чашу весов в мою пользу. Я победила со счетом 14:12. Это был самый долгий первый сет во всех матчах женских уимблдонских турниров. Ведь мы провели на корте целых полтора часа! Я не сомневалась, что Билли Джин сделает все возможное, чтобы победить во втором сете, а потому не позволила себе расслабиться ни на мгновение.

Матч продолжался в таком же духе еще целый час. Билли Джин действительно заставила меня бегать по всему корту, чередуя короткие удары со «свечами» и точно отвечая на мои обводящие удары. В двадцатом гейме ее подачи стали слабее. Тем не менее она отыграла пять матчболов, каждый раз посылая мяч точно в самую линию.

Наконец счет стал 11:9 в мою пользу.

На следующий день отчеты о матче в лондонских газетах сверкали самыми яркими красками:

«Матч был образцом игры, с которой в женском теннисе ничто или почти ничто не может сравниться» («Файненшиэл таймс»).

«Это был самый долгий финал женских турниров и в

определенном смысле самый жестокий» («Дейли миррор»).

«На основе одной только статистической информации к этому матчу нельзя не относиться с чувством восторженного благоговения» («Гардиан»).

«В матче было то захватывающее великолепие, которое заставляет стечь кровь в жилах. Даже сейчас при воспоминании о нем бьет дрожь» («Таймс»).

«Любители тенниса должны теперь приветствовать Маргарет Корт как абсолютную королеву этой игры» («Дейли скэтч»).

Одна газета разузнала даже то, что я отметила победу «в традиционном австралийском стиле — холодным пивом, отмокая в холодной ванне».

В тот вечер родители Бэрри устроили праздничный обед в ночном клубе в Челси. Это было настоящее торжество, которое не могла испортить даже всерьез разболевшаяся левая нога. Дело в том, что в последнем сете я несколько раз падала и незадолго до конца матча почувствовала в лодыжке острую боль, так и не утихшую.

Доктор Бошам был болен и наблюдал за матчем по телевизору. Когда он увидел, что я упала, то сразу догадался — что-то произошло. На следующий день он несколько оправился, осмотрел ногу и очень встревожился ее состоянием. Он сделал массаж и другие процедуры, но выразил сомнение, что я скоро смогу вернуться на корт. Для полного излечения требовалось около трех месяцев. Однако доктор хорошо знал, что у меня слишком много обязательств, чтобы позволить себе столь длительный отдых. До последнего шага на пути к Большому шлему — турнира в Форест Хиллсе — оставалось только два месяца. Больная нога не должна была помешать мне достичь величайшей в моей спортивной жизни цели.

Я согласилась пропустить открытый чемпионат Ирландии, который проводится сразу после Уимблдона, и задержаться в Лондоне на две недели, чтобы пройти курс лечения, включавший ежедневные физиотерапевтические процедуры и массаж.

С того времени я постоянно поддерживала связь с доктором Бошамом — по телефону или письмами. Моя нога, где бы не доводилось выступать, всегда была надежно и крепко перебинтована. Цепочка побед, начатая в чемпионате Франции, была продолжена в Голландии и Венгрии. Затем мы перелетели в Северную Америку для

участия в заключительном туре борьбы за Большой шлем.

Тогда я играла хорошо, но меня не покидало опасение вновь травмировать ногу. Я упала на траве во время турнира Мэрион, который выиграла, победив в финале свою близкую подругу Пэт Преториус. Но в турнире на травяных кортах в Орандже, который рассматривают как пролог к Форест Хиллсу, в полуфинале уступила Пэтти Хоган, прервав тем самым победную серию в 42 матчах. Это было мое единственное поражение в шестнадцати встречах с Пэтти, темпераментной калифорнийкой, которая нередко проигрывает из-за отсутствия собранности, сосредоточенности во время матча. Но в тот день она играла с большим упорством, а собранности недоставало именно мне.

Тогда Ларри Кригер, мой адвокат, предложил отключиться от тенниса и на несколько дней поехать на побережье в Нью-Джерси, где у него был свой домик. То было счастливое время купания и солнечных ванн. Я старалась не думать о предстоящем чемпионате США. Но, к несчастью, за день до его открытия решила размяться на местных травяных кортах и во время быстрого обмена ударами поскользнулась и подвернула все ту же левую ногу. Боль была настолько сильной, что мне пришлось, прихрамывая, покинуть корт. Нога быстро распухла и посинела. А до Форест Хиллса оставались считанные часы.

Я не знала в то время, что Бэрри, обеспокоенный этой новой напастью, связался с доктором Бошамом. Непосредственной реакцией доктора на эту весть был запрет выступать в Форест Хиллсе. Если я все же решусь играть, предупреждал он Бэрри, то это может нанести непоправимый ущерб моему здоровью. Доктор оставил Бэрри право последнего слова. Для мужа это был мучительный выбор, и он долго обдумывал все «за» и «против». Бэрри знал, насколько я буду потрясена, если упущу и этот шанс завоевать Большой шлем. Но в то же время он понимал, ничто не оправдывает неизлечимую травму. В конце концов Бэрри решил молчать о совете доктора до завершения турнира в надежде, что во время матчей со мной не случится новая неприятность. Он знал, что мои травмы заживают быстро.

Как чемпионка США и победитель Уимблдона я была «посеяна» на турнире в Форест Хиллсе 1970 года пер-

вым номером. Билли Джин лежала в госпитале, ожидая операции колена. В ее отсутствие Розмари Казалс была «посеяна» вторым номером, и именно ее считали наиболее вероятной моей соперницей в борьбе за высшую награду. Бэрри умолял меня не играть в женских и смешанных парах, но разве можно было пойти на это! Ведь я уже подвела Марти Риссена и Джуди Далтон на Уимблдоне, и нельзя было допустить, чтобы такое повторилось еще раз. Бедному Бэрри пришлось волноваться не только во время одиночных выступлений, но и состязаний пар. Не удивительно, что все это кончилось для него язвой желудка, которая дает о себе знать всякий раз, когда в ходе матча я попадаю в тяжелое положение.

Мне повезло, что в первых турах турнира я встречалась с легкими соперницами. С туго перетянутой ногой, но без обезболивающих уколов я добралась до финала, не уступив ни единого сета. Во втором круге я играла с Пэтти Хоган и взяла реванш за поражение в Орандже со счетом 6:1, 6:1. Я ждала упорного поединка во встрече с Ненси Ричи в полуфинале, но обыграла ее за двадцать семь минут — 6:1, 6:3. Постоянно помня о своей больной ноге, в каждом матче я выходила на корт, полная решимости завершить поединок как можно быстрее.

Эмоциональное напряжение достигло предела в последние часы перед встречей с Рози Казалс, которая в полуфинале победила Вирджинию Уэйд. Большой шлем стал центральной темой всех пресс-конференций, частных бесед, приветственных телеграмм, которые друзья из Австралии и со всего мира присылали на мое имя в нью-йоркский отель. До заветной цели, к которой я стремилась десять лет и о которой не могла забыть, несмотря ни на что, оставался один шаг.

Ночь накануне финала я провела беспокойно. Встала в девять утра и побродила по городу в том районе, где находился наш отель. После легкого завтрака привела себя в порядок и зашла в соседнюю церковь. Стала спокойнее. Затем мы поехали в Форест Хиллс для часовой разминки с Бобом Хоу. Она прошла удачно — нога не давала о себе знать.

Тем не менее, когда начался матч, в присутствии четырнадцатитысячной толпы я чувствовала себя непривычно скованно.

Мы играли на равных до тех пор, пока в пятом гейме я не выиграла у Рози подачу, а затем провела стреми-

тельную атаку, закончив сет со счетом 6:2. К тому времени нога стала болеть, хотя и терпимо. Но это лишь укрепило мою решимость скорее завершить матч. Однако предвкушение победы как-то расслабило меня. Неожиданно для самой себя я проиграла подряд три собственные подачи. В то же время Роза перешла к настойчивым атакам, добившись успеха во втором сете со счетом 6:2. Она явно настроилась на победное завершение матча. Огромная толпа болельщиков шумно подбадривала свою соотечественницу. Все ожидали сенсации турнира.

Однако гул поддерживающих Розу трибун подействовал на меня успокоительно. Заняв свое место перед началом последнего сета, я взмолилась: «Господи, пожалуйста, помоги мне! Сейчас я не должна проиграть».

Уверенно подавала я в первом гейме и вчистую выиграла второй. Так же прошел и шестой гейм. Финальный сет завершился со счетом 6:2 в мою пользу.

Наконец-то Большой шлем был мой.

Значение этого момента было слишком велико, чтобы осознать его сразу. Я ощущала странную опустошенность. Джон Линдсей, в то время мэр Нью-Йорка, высокий и красивый, больше похожий на киногероя, чем на политического деятеля, вручил мне чек на 7000 долларов — самый крупный приз, когда-либо выигранный теннисисткой к тому времени. Я механически благодарила его, организаторов турнира, мою недавнюю соперницу. Позже я вместе с Джуди и Марти победила в состязании женских и смешанных пар, завоевав таким образом весь набор титулов открытого чемпионата США.

Но у меня не было праздничного настроения — только чувство облегчения оттого, что долгая погоня за Большим шлемом наконец-то окончена. Сверхъестественное ощущение. Каждый раз, побеждая на Уимблдонском турнире, я испытывала радостное возбуждение в течение целой недели. Теперь же, повторив достижение Моурин Коннолли, осуществив самую дерзкую свою мечту, я ощущала всего лишь безразличие.

А когда вернулась домой в Австралию, никому не было особого дела до моего Большого шлема. Не было больших чествований, как когда-то после первой победы на кортах Уимблдона. Теперь я стала профессионалом, и болельщики, видимо, ожидали моей победы во всех четырех важнейших турнирах года.

Сенсацией могло стать только мое поражение в одном из них. Мне было всего лишь двадцать восемь лет, но я выступала на международной арене так долго, мое имя мелькало в заголовках газетных статей так часто, столько матчей с моим участием транслировалось по телевидению, что люди, должно быть, думали: мне уже, по крайней мере, сорок.

Кроме того, многие завидовали тем призовым деньгам, которые получали теннисисты. Австралийцам потребовалось несколько лет, чтобы осознать, что теннис действительно стал большим спортом. Считая нас любителями, к нам относились с большей симпатией, чем после того, как мы были признаны профессионалами, хотя реально всегда были ими. Лицемерие столь глубоко укоренилось в сознании не только официальных лиц, но и широкой публики, что потребовалось долгое время, чтобы наше действительное положение было признано.

Глава 14

БЭРРИ

Мы с Бэрри совершили три турне по всему миру, и теперь у него появилась настоящая работа. Он стал моим партнером во всем, за исключением, пожалуй, тенниса. Сначала ему было немного скучно, так как он очень энергичен и любит постоянно что-то делать. Он никогда не думал, что ему придется жить так, потому что мечтал стать фермером или кем-нибудь в этом роде. Он был членом ассоциации юных фермеров, когда учился в колледже в Перте, а после окончания работал у Эддера и Смита, торговцев шерстью, в одном из филиалов, расположенных в сельской местности. Бэрри надеялся получить место в каком-нибудь из их животноводческих хозяйств и соответственно поселиться за городом. Вместо этого он стал работать в главном управлении фирмы в Перте, где изучал бухгалтерское дело — этим занимались почти все члены семьи Корт — и товароведение.

Огромный груз упал с моих плеч, когда Бэрри стал моим менеджером. Ведь с развитием женского тенниса появилось множество деловых обязательств и обязанностей, которые необходимо выполнять. Теперь я и не думала бросать теннис, особенно после завоевания

Большого шлема, так как меня приглашали на все турниры буквально в течение двенадцати месяцев в году как теннисную звезду.

Бэрри обычно занимается всеми проблемами предстоящих нам поездок, включая бронирование номеров в отелях, иногда он договаривается с друзьями, чтобы мы могли остановиться у них. У нас есть хорошие друзья почти в каждом городе, где я играла, а потому всегда есть приглашения остановиться у них.

Бэрри очень поддерживает меня. С тех пор как мы стали ездить вместе, я стала более спокойно относиться к своим матчам. Он дал мне ту уверенность, которой мне так не хватало. Я по натуре очень робкая. Многие неправильно истолковывают мое поведение и считают, что я холодна и чуждаюсь людей. Бэрри сделал очень многое, чтобы вытащить меня из моей раковины и сделать более общительной. Я очень люблю ездить с ним — нам вместе хорошо и весело и благодарна за его поддержку и помощь. Многие мужья не могут смириться с мыслью, что у их жен есть какой-то необыкновенный талант. Бэрри не такой.

В первые годы наших совместных поездок его часто спрашивали:

— Как вы можете все время сопровождать свою жену?

На пресс-конференциях порой задавали грубые вопросы типа «Как вы себя чувствуете от того, что все деньги в вашей семье зарабатывает жена?» Подобное случалось нередко, и это всегда оскорбляло Бэрри. Австралийцы уверены, что мужчина должен содержать свою жену. Но они наконец поняли, что я выполняю свою работу, а Бэрри — свою. Мы — теннисная команда, состоящая из мужа и жены. И нам все равно, что говорят об этом другие. Мы счастливы вместе, и это главное.

Я полагаюсь во всем на Бэрри так же, как Ивонн Гулагонг на Вика Эдвардса, своего тренера и официального опекуна. Билли Джин Кинг всегда сопровождает ее секретарь, которая помимо того, что занимается ее перепиской, имеет еще массу обязанностей. Менеджер Крис Эверт — ее отец Джимми Эверт. Вот так обстоят дела в теннисе в наши дни. Быть ведущим игроком очень непросто, а потому необходимы люди, которые готовы и в состоянии тебе помочь.

Родители Бэрри полностью одобряют тот образ жизни, который мы ведем. Мне кажется, что сэр Чарльз понимает меня лучше других, так как мы немного похожи. Его правительственная карьера была очень удачной, он многое сделал в качестве министра по промышленному развитию для Западной Австралии. В 1973 году его выбрали государственным секретарем. Он по-настоящему любит свой штат и свою работу и способен понять, что я обладаю определенным талантом. Он считает, что мы с Бэрри хорошо дополняем друг друга и должны продолжать делать наше общее дело.

— Вы оба поймете, когда нужно будет остановиться, — сказал он нам. — А до тех пор наслаждайтесь жизнью и берите от тенниса все, что можете.

Мне ужасно повезло, что есть человек, который так много делает для меня. Мы и не подозревали, когда поженились, что вся наша жизнь будет проходить в разъездах. А кто знает, что нас ждет в будущем?

Поэтому я живу сегодняшним днем, никогда ничего не планируя на будущее. Я чувствую, что в жизни я встретила нужного мне человека. Если бы я не встретила Бэрри, я, наверное, до сих пор не вышла бы замуж. Никогда бы не вышла замуж только ради того, чтобы иметь мужа.

Так как мы ездим вместе, я могу играть непрерывно. Я видела, как супружеские пары распадались из-за того, что муж не мог путешествовать со своей женой и им приходилось надолго разлучаться. Это неизбежно. Когда вы не видите мужа по полгода или еще больше, он становится вам чужим. Для меня моя семья — это главное, это важнее тенниса и всего остального.

Глава 15

ГОД ТРЕВОГ

После того как я выиграла Большой шлем, наступил кризис — и физический и психологический. Мне всегда нужно иметь цель, которая вдохновляла бы меня на то лучшее, на что я способна. Теперь цель была достигнута, и я чувствовала себя опустошенной и выжатой как лимон. Больше не было миров, которые надо завоевывать. Но теннис был моей работой, и я должна была продолжать ее.

Появилась и масса физических недугов. Когда я вернулась в Австралию, то обнаружила, что икроножная мышца правой ноги ослабла. Это не было связано с лодыжкой, которая чуть не подвела меня в Уимблдоне и Форест Хиллсе. Я прошла тогда курс лечения, и она меня больше не беспокоила. То была мышца, которую свело судорогой во время чемпионата Франции. Вероятно, мышца потеряла тонус и постепенно уменьшалась в объеме. Я не замечала этого до тех пор, пока мне не сказали, что одна нога у меня кажется тоньше другой. Я обратилась к доктору в Перте, но он ничем не смог мне помочь. Австралийский теннисный сезон на травяных кортах начался, и я проиграла в финале первенства штата Виктория Ивонн Гулагонг. Решив во что бы то ни стало восстановить икроножную мышцу, я поехала в Мельбурн к своему старому другу Стэну Николсу.

Благодаря специальным упражнениям, которыми Стэн занимался со мной ежедневно в спортзале, мышца постепенно вернулась к жизни и приняла обычные размеры. С помощью занятий в спортзале я также приобрела отличную физическую форму и, приехав в Сидней, в десятый раз завоевала титул чемпионки Австралии в одиночном разряде, победив в финале Ивонн Гулагонг.

Но затем начались проблемы с желудком. Это случилось в начале 1971 года, когда я приехала на неделю в Лос-Анджелес, чтобы потренироваться у Джерри Тигардена, который всегда знал, что нужно, чтобы придать моей игре особую остроту. Меня постоянно мучили приступы тошноты, все становилось безразличным. Местный доктор объяснил мое состояние повышенной кислотностью, вызывающей такую реакцию в желудке. Он прописал мне строгую диету и какое-то лекарство, которое, впрочем, особо не помогло. Но, чтобы я ни ела, меня постоянно тошнило. В самолете, когда я летела в Европу, это происходило после каждого приема пищи.

Во время чемпионата Франции у меня вновь заболел желудок. Плохое самочувствие усугублял еще и начавшийся грипп. Когда в третьем круге я вышла играть с Гейл Шериф Шанфре, которая живет во Франции, у меня была температура. Я проиграла в двух сетах. Это положило конец моим надеждам вновь выиграть Большой шлем, но я слишком плохо себя чувствовала, чтобы переживать.

Болячки продолжали преследовать меня той весной

и во время турниров в Англии. Я пичкала себя антибиотиками, чтобы избавиться от постоянного воспаления дыхательных путей, которое подхватила в Перте. Принимала и отвратительную белую жидкость, чтобы снизить кислотность. Я выиграла у Билли Джин в турнире Королевского клуба, но игра была очень напряженной, продолжалась три сета, и в конце ее я была совершенно измучена и обессилена.

В следующие две недели мне предстояла скачка с препятствиями, которую надо было выиграть, чтобы сохранить титул чемпионки Уимблдона. Меня «посеяли» первым номером. Лондонские букмейкеры ставили шесть к одному, что я выиграю, но я чувствовала себя совершенно неготовой к тому, чтобы оправдать их ожидания.

Каким-то образом мне удалось пробиться к финалу. Ивонн вызвала сенсацию, обыграв Билли Джин в полуфинале, и, конечно, она была одной из главных претенденток на победу в состязании. Ей было всего лишь девятнадцать лет, и это был ее второй Уимблдон. Но предстоящий матч с Ивонн не вызывал у меня особого волнения, так как я в том году пять или шесть раз встречалась с ней и все матчи выиграла. Однако на этот раз Ивонн не расслаблялась, как это бывало обычно, когда она начинала вести в счете. Очень внимательно она провела всю игру и со счетом 6:4, 6:1 стала победительницей Уимблдонского турнира.

В финале я чувствовала, что со мной творится что-то неладное. Невозможно было сосредоточиться на игре, руки и ноги не слушались. Дважды я просто не попала по мячу.

После матча мы с Бобом Хоу и Бэрри сидели и пили пиво. Это было мое любимое австралийское пиво Фостер.

— Какое отвратительное пиво,— пожаловалась я. Бэрри возразил, что пиво совсем неплохое.

И тут я в шутку заметила:

— Говорят, что у женщин меняются вкусы, когда они беременны. Может быть, я тоже беременна?!

Никто не отнесся серьезно к тому, что я сказала. Но чем больше я думала, тем более вероятным казалось мне мое предположение. Я решила проконсультироваться с доктором Бошамом, который, правда, был специалистом по костным и мышечным заболеваниям. Когда я ему сказала о своих соображениях, он рассмеялся. Но

все же, чтобы успокоить меня, предложил сдать анализы в клинику на Харли-стрит.

Тем временем мы отправились в Дублин, где в трех сетях я обыграла Ивонн в финале открытого первенства Ирландии. Это несколько восстановило мою уверенность в себе, которую я потеряла в Уимблдоне. Однако в Уэллсе у меня выиграла Билли Джин. Тут уж я поняла, что со мной действительно что-то происходит.

На следующий день я узнала результаты анализов. Я на самом деле была беременна.

Мы приехали в Америку. Я наконец решила принять участие в серии турниров, организованных фирмой «Вирджиния Слимс», руководимой миссис Глэдис Хэлдмен, издателем журнала «Мировой теннис». Турниры были организованы с целью увеличить призовые деньги для женщин-профессионалов. Я долго не решалась принять в них участие, так как у миссис Хэлдмен было много разногласий с Федерацией тенниса США и Международной ассоциацией тенниса. Мне всегда не нравились те интриги, которые происходили вокруг женского тенниса. Особенно с тех пор, как я сама оказалась втянутой в борьбу с Ассоциацией австралийского тенниса десять лет назад. Но теперь турниры Вирджиния Слимс были всеми официально признаны, хотя и не без некоторых колебаний. Я согласилась играть в них после того, как узнала, что у меня должен родиться ребенок.

— Я не уйду из тенниса ни при каких обстоятельствах, — сказала я журналистам. — Непременно вернусь либо как игрок, либо как тренер.

Я сообщила организаторам турнира в Форест Хиллсе и других американских турниров, что не смогу принять в них участие, и мы с Бэрри уехали домой, чтобы подготовиться к появлению на свет нашего первенца. Мы оба были рады, даже несмотря на то, что нам пришлось изменить свои планы. Это случилось как раз вовремя — мне наскучил теннис, и была необходима очередная встряска.

Но это было и грустное время. Когда в Уэллсе мы праздновали мое двадцатидевятилетие, из Албери позвонила сестра Джун: мама, которая уже несколько раз болела воспалением легких и была очень слаба, умерла в возрасте шестидесяти восьми лет. Это было большим ударом, хотя я понимала, что это должно было произойти.

Мама часто говорила мне:

— У тебя, наверное, не будет детей — ты такая непоседа.

О том, что у меня будет ребенок, я узнала через десять дней после того, как мама умерла. Мне всегда жаль, что я не успела сообщить ей об этом.

Глава 16

ДЭННИ БРОСАЕТ ВЫЗОВ

Несмотря на то что я прекратила выступать в турнирах через две недели после Уимблдона, но, вернувшись домой в Перт, продолжала тренировки вплоть до восьмого месяца беременности. Мой врач согласился с тем, что спортсмен должен поддерживать свою форму как можно дольше. Это могло облегчить и сами роды.

Я прекрасно чувствовала себя вплоть до двух последних месяцев, когда ноги стали болеть так сильно, что не могла нормально спать. Нередко полночи я бродила вокруг дома. Видимо, этим и объясняется то, что после рождения ребенка я весила меньше, чем до беременности, а в течение всего этого периода мой вес увеличился не более чем на 10—11 фунтов.

Мне никогда не приходилось иметь дело с младенцами, поскольку, когда появлялись мои племянники и племянницы, я неизменно была в разъездах. Поэтому появление маленького несколько пугало и озадачивало меня. Однако у Хелен Муир, моей прежней компаньонки, был маленький сын, и я знала, что могу положиться на ее совет.

Утром 5 марта 1972 года я была совсем одна в доме. Бэрри в составе команды Алана Бонда на яхте «Аполлон» участвовал в гонках в открытом море. Когда он уходил, никаких признаков близости родов не было. Мы полагали, что это произойдет не раньше чем через неделю. К счастью, «Аполлон» финишировал первым, прибыв в Бамбэри, что в 120 милях от Перта, в два часа ночи. Один из товарищей Бэрри по команде отвез его домой, и он вернулся как раз в то время, когда я начала всерьез волноваться о том, как мне добраться до больницы. Через пятнадцать минут мы были в госпитале Сестер милосердия. И вот появился Дэнни, весивший восемь с половиной фунтов.

Я заранее решила кормить малыша грудью и ухаживать за ним сама. Дэнни был на моих руках все первые три месяца. Он оказался здоровым малышом, уверенно прибавлявшим в весе. И я была рада, что своими заботами дала ему самый удачный старт на жизненном пути. Наиболее неприятным из всего, что было связано с рождением ребенка, оказалось затянувшееся на неделю бездействие. Ужасную скуку в какой-то мере скрашивали лишь письма и телефонные звонки от наших друзей в Австралии и поздравительные телеграммы из-за рубежа. Я старалась ответить всем, но это было физически невозможно. Никогда до рождения Дэнни я даже не подозревала, сколько хороших друзей появилось у нас благодаря теннису.

Теперь больше, чем когда-либо раньше, я была полна решимости вернуться в теннис. Это было нечто вроде вызова, брошенного мне жизнью, вызова, который я с готовностью принимала. Возвращался ли до меня кто-нибудь в теннис, имея ребенка? Не думаю. Необходимость путешествовать по всему свету вместе с малышом не пугала меня. А что касается Бэрри, то он был уверен — мы справимся.

Но прежде всего требовалось восстановить физические силы. Ведь я не тренировалась все три месяца, пока кормила Дэнни. Я разработала программу ежедневных упражнений, чтобы сбросить лишний вес. Бег скоро дал свои результаты. Поскольку за время беременности я прибавила не более двенадцати фунтов, то смогла быстро вернуться к своему нормальному весу и даже сбросить еще несколько фунтов. Я чувствовала себя легче, двигалась быстрее. В тот год было уже поздно думать об Уимблдонском турнире. Поэтому я решила вернуться в теннис в июле 1972 года в Соединенных Штатах, ровно год спустя после моего последнего турнира в Хойлейке.

У меня были все основания надеяться, что возвращение будет успешным. Я знала, что не смогу продолжать игру, не одерживая побед. Выглядеть на корте смешной и бессильной, выступать только ради денег, которые получаешь за участие в турнире, — это было не для меня. Я всегда хотела быть первым номером и никогда не смогла бы согласиться на вторые роли.

По счастливому стечению обстоятельств меня пригласили выступить в качестве играющего капитана австра-

лийской команды в турнире на Кубок Бонн Белл, который разыгрывается в Соединенных Штатах в Кливленде в конце июля. Это было идеальное начало для возвращения в мировой теннис.

Кубок Бонн Белл был учрежден американской косметической фирмой «Джесс Белл» в качестве ежегодного состязания теннисисток Австралии и Америки. Он появился как следствие неудачной попытки открыть розыгрыш Кубка Уайтмен, в котором принимали участие спортсменки Америки и Великобритании, для теннисисток Содружества наций, включая Австралию. Миссис Хейзел Уайтмен, финансировавшая розыгрыш этого Кубка еще в 1923 году, по-прежнему играла важную роль в организации турнира. Но она упорно настаивала на том, чтобы в этом состязании принимали участие теннисистки только из Америки и Великобритании. В значительной мере вследствие такого ограничения состязание превратилось в «игру в одни ворота». Американки побеждали год за годом. После второй мировой войны английская команда завоевывала Кубок Уайтмен всего лишь четыре раза, а общий счет был 38:7 в пользу Америки.

Первые матчи розыгрыша Кубка Бонн Белл проводились в Кливленде на земляных кортах. В одиночных состязаниях я уступила первый поединок со счетом 3:6, 3:6 звезде американской команды совсем еще юной Крис Эверт, которая особенно любит такое покрытие корта. Однако затем я победила Валери Зигенфусс — 6:1, 6:1. Успешным оказалось и мое выступление в паре с Керри Мелвилл. В целом австралийская команда показала себя с лучшей стороны, нанеся американкам поражение со счетом 5:2. Розыгрыш Кубка Бонн Белл оказался гораздо более напряженным и содержательным соревнованием, чем Кубок Уайтмен.

После возвращения в теннис первым из больших турниров, в которых я обычно участвовала раньше, был чемпионат в Цинциннати, в штате Огайо, где я победила Ивонн в одиночных состязаниях и выиграла с ней турнир пар. На церемонии награждения победителей одним из зрителей был четырехмесячный Дэнни Корт, устроившийся на руках своего отца. Дэнни, конечно, не запомнит это событие, но для меня оно имело огромное значение: я получала высшие награды, и это видела вся моя семья.

Мы привыкли повсюду возить с собой Дэнни. Многие думали, а кое-кто говорил открыто, что мы просто сума-

шедшие. Все складывалось гораздо лучше, чем мы предполагали. Уже тогда я поняла, что мое возвращение в теннис оказалось успешным. Да и как для матери для меня открывался новый жизненный аспект.

Возможно, это странно, но после появления Дэнни я как теннисистка стала ощущать себя более раскованной. Он так занимал мои мысли, что у меня не оставалось времени слишком волноваться о судьбе предстоящего матча. Проиграю я или одержу победу, а о нем необходимо было заботиться. Правда, Бэрри пришлось взять на себя основную долю забот о малыше. Без его помощи Дэнни не мог бы путешествовать со мной.

Нам повезло в том, что Дэнни легко переносил жизнь на колесах, непрерывную смену обстановки. Он привык к этому скорее всего потому, что иной жизни просто не знал. Видимо, так и должно быть: детям приходится «вписываться» в наши планы. Я не думаю, что мы должны меняться, чтобы приспособиться к детям.

Поскольку наш стиль жизни не соответствовал тому, который в обыденной жизни считается нормальным, нас часто критиковали. Но чувство близости и взаимности между нами было гораздо сильнее, чем в большинстве обычных семей. Путешествуя с нами основную часть года, Дэнни мог постоянно видеть отца и мать и общаться с нами, чего, как правило, не бывает при так называемой нормальной жизни. Обычно отца не бывает весь день, а ребенка, для того чтобы мать могла отлучиться из дома, нередко приходится оставлять с нянькой. Я думаю, Дэнни был окружен большей заботой, чем многие дети, поскольку мы много времени проводили вместе.

Так как Дэнни был с нами, мы чаще останавливались у друзей, чем в мотелях и гостиницах. В семейном доме в любое время дня и ночи легче найти что-то перекусить. Гораздо проще устроить стирку его вещей. А во время крупных турниров, продолжавшихся пару недель, мы обычно снимали квартиру или коттедж. Это позволяло мне чувствовать себя хозяйкой — самой готовить, делать покупки, что я просто обожаю.

Когда Дэнни рядом с нами, мы чувствуем себя спокойнее. Мы почти никогда не говорили об этом, но в глубине души постоянно гнездится страх перед возможностью его похищения. Роджеру Тейлору и другим семейным теннисистам угрожали похищением их детей. Знаменитые спортсмены всегда привлекают к себе вни-

мание публики, а потому подвергаются угрозам со стороны всяких ненормальных типов и проходимцев. А похищение детей распространяется во всем мире. Попытка похитить принцессу Анну в Лондоне была шоком для англичан, которые не могли себе и представить, что такое возможно в их стране, особенно по отношению к члену королевской семьи. Нам с Бэрри никогда прямо не угрожали, но это всегда могло случиться. Поэтому во время турне мы не оставляли Дэнни без присмотра.

Но нельзя сказать, что это легкое дело. Едва проснувшись, Дэнни сразу начинает возиться или бегать, будь то в самолете, автомобиле или во время теннисного матча. В самолетах Дэнни чувствует себя просто-таки дома. Возможно, даже больше, чем нужно.

Однажды мы летели на север из Южной Каролины и едва успели устроиться в креслах, как обнаружили, что Дэнни куда-то исчез. Вскоре по радио мы услышали голос капитана:

— К нам пришел смысленый симпатичный малыш.

Бэрри побежал в кабину пилотов и увидел Дэнни, сидящим на коленях капитана.

— У меня здесь достаточно всяких безделушек, чтобы развлечь его, — сказал летчик, и Дэнни остался с ним до самого взлета.

Дэнни практически невозможно заставить спокойно сидеть, когда самолет находится в воздухе, причем он особенно разыгрывается в то время, когда другие пассажиры собираются спать. Однажды ночью, когда мы летели из Нью-Йорка в Лондон, он не спал в течение всего перелета через Атлантику, бегая по проходу и вытаскивая подносы из ящиков, не давал уснуть всем пассажирам. Мы чувствовали себя очень неловко. До Лондона оставалось лететь всего час, когда Дэнни наконец-то уснул, и все в самолете, включая нас с Бэрри, облегченно вздохнули.

Но труднее всего было с ним в аэропортах. После пятой победы в Форест Хиллсе в сентябре 1973 года мы отправлялись в Хилтон-Хэд-Айленд, что в Южной Каролине. Оформляя билеты у стойки в аэропорту имени Дж. Ф. Кеннеди, мы вдруг обнаружили, что Дэнни пропал. Последний раз мы видели его, когда он разглядывал транспортер, по которому багаж переправляется в зону погрузки в самолет. Движущееся полотно транспортера всегда завораживало его. Ему хотелось покататься на

нем, и пару раз в других аэропортах Дэнни пытался осуществить свою мечту, но мы вовремя успевали предпринять контрмеры. Неужели он попытался еще раз?

— Если ребенок полетит по наклонной плоскости вместе с чемоданами, то на другом конце транспортера вы получите его в изрядно помятом виде,— сказала девушка за стойкой.

Мы были в панике. Бэрри кинулся к одному концу транспортера, находящемуся в противоположном углу здания, я — к другому. И вдруг до меня донесся знакомый голос: «Мамоч-ка!» Дэнни уже добрался до наклонного полотна у зоны погрузки, но, к счастью, не успел скатиться. Я несколько раз шлепнула его, но испытывала такое облегчение, что не могла сделать это как следует.

Чем старше становился Дэнни, тем больше влекло его к всевозможным приключениям. Не считая редких простуд и заболевания корью, он всегда был удивительно здоровым малышом, несмотря на частые перелеты, ожидания в аэропортах, перемены режимов питания, адаптацию к разным видам климата. Он не ложился спать часов до десяти-одиннадцати вечера, но и не вставал до десяти утра. Это устраивало меня, так как во время ответственных турниров я предпочитаю просыпаться как можно позже. Случалось, конечно, что накануне какого-либо ответственного матча Дэнни просыпался глубокой ночью, и мне приходилось вставать. Раньше это было бы тяжело для меня, но теперь, став матерью, я почти не замечала таких неудобств.

Но случались и чисто спортивные происшествия. Както утром в Хилтон-Хэд-Айленд я проснулась от шума в ванной и обнаружила, что Дэнни играет моими ракетками, используя их как весла. А накануне моего нашумевшего поединка с Бобби Риггсом в Сан-Диего он выкупал в туалете единственную пару моих теннисных тапочек.

Теннисисты скоро привыкли к присутствию малыша на всех турнирах. Многие игроки приняли Дэнни за своего, а это подчас оказывалось вредным для его воспитания. Большинство организаторов турниров с пониманием отнеслись ко всем проблемам, связанным с пребыванием малыша вблизи кортов. Тем более горько мне вспоминать, что лишь у себя на родине мы столкнулись с неожиданными трудностями. Когда Дэнни был еще младенцем, я брала его в женские раздевалки в Форест Хиллсе, Уимблдоне — повсюду, и ни у кого это не вызывало воз-

ражений. Но на стадионе в Мельбурне, который я считаю родным, меня просто выставили из раздевалки. Дэнни тогда было девять месяцев!

Глава 17

ЧТО ТАКОЕ «ВИРДЖИНИЯ СЛИМС»!

Вернувшись в теннис во второй раз, я решила выступить в турнирах «Вирджиния Слимс», которые менее чем за четыре года превратились в крупнейшее состязание теннисисток-профессионалов, сопоставимое только с серией турниров, организованных Ламаром Хантом для мужчин. Эта самостоятельная с точки зрения организация среди женских турниров была детищем миссис Глэдис Хэлдмен, влиятельного издателя журнала «Уорлд теннис», матери профессиональной теннисистки Джули Хэлдмен. Это предприятие возникло как результат того движения, которое миссис Хэлдмен и группа теннисисток организовала для того, чтобы добиться увеличения призовых денег для женщин-профессионалов в первый период проведения открытых турниров, когда за победу нам платили сущие гроши по сравнению с мужчинами.

Миссис Хэлдмен возглавила настоящий бунт теннисисток-профессионалов, которые в 1968 году в Хьюстоне в противовес турниру, проводимому в Лос-Анджелесе Американской федерацией тенниса (АФТ), устроили свой собственный, причем провели его в те же самые сроки. Она же побудила Вирджинию Слимс, отделение табачной компании «Филлип Моррис», организовать и финансировать серию женских турниров, независимых от АФТ. Это привело к ожесточенным спорам как с АФТ, так и с Международной федерацией тенниса, которая то объявляла независимых игроков вне закона, то восстанавливала их в правах, затем вновь изгоняла и, наконец, скрепя сердце утвердила их статус. В то время я отказывалась присоединиться к группе Вирджиния Слимс по двум причинам. Во-первых, ненавижу в теннисе политику так же, как и теннисных политиканов, и мне не хотелось быть втянутой во все эти склоки и диспуты. Во-вторых, как замужняя женщина, путешествовавшая повсюду с супругом, предпочла сохранить независимость по отношению к этому движению.

В те дни фактическим условием присоединения к группе «Вирджиния Слимс» было подписание контракта с миссис Хэлдмен, согласно которому требовалось принять участие во всей серии из шестнадцати турниров, которые проводились один за другим в Соединенных Штатах. Мне не хотелось быть связанной до такой степени. Призы и в самом деле были большими. Но деньги никогда не были моей главной целью. К тому же и Бэрри и я предпочитали смешанные турниры, в которых состязались как мужчины, так и женщины. Среди мужчин-профессионалов у Бэрри появилось много хороших друзей, с которыми он любил проводить свободное время.

Кроме того, я не хотела ограничивать свои выступления Соединенными Штатами, поскольку считала своим долгом поддерживать Австралийскую ассоциацию и делать все от меня зависящее для развития юниорского тенниса на родине.

Но к тому времени, когда уже вместе с Дэнни я вернулась в теннис, турнир «Вирджиния Слимс» превратился в популярное, прочно утвердившееся в спортивном мире состязание, в рамках которого игрокам разрешалось выбирать, в каких матчах они предпочитают участвовать.

Мое первое выступление в турнирах «Вирджиния Слимс» состоялось на старых травяных кортах «Ньюпорт Казино», на которых еще девяносто лет назад проводились первые чемпионаты Соединенных Штатов. Важной персоной в этом клубе был Джимми ван Алэн, вездесущий и многоликий, взявший на себя обязанности администратора турнира, организатора его рекламы, судьи да и просто «большого босса». Джимми достаточно богат, чтобы позволить себе увлекаться и заниматься самыми разнообразными делами, одним из которых стала реформа традиционной системы подсчета очков в теннисных матчах. Он изобрел новый метод, который назвал «Упрощенная система счета ван Алена», но этот метод отличался чем угодно, только не простотой. Главным новаторством Джимми было то, что он устранил принцип «больше-меньше», заменив его тем простым способом ведения счета, который используется в настольном теннисе. Другой новинкой был принцип буллита, предназначенный для завершения сета, когда счет становится 6:6. Его буллит из девяти очков, названный «внезапная гибель», был введен на турнире в Форест Хиллсе после того, как тот стал открытым. Однако большинство игро-

ков, включая и меня, предпочитали буллит из 12 очков, т. е. тот, который применяется на Уимблдонском турнире, ибо система ван Алена давала слишком много преимуществ теннисисту, обладающему лучшей подачей.

В 1971 году ван Алему удалось убедить организаторов «Вирджиния Слимс» ввести его метод, исключавший принцип «больше-меньше», на всех турнирах этой серии. По его системе очки начислялись 1, 2, 3, 4, и тот теннисист, который первым зарабатывал четыре очка, выигрывал гейм даже при счете 3:3.

Мне совершенно не нравилась такая система счета, но, к большому удивлению, она оказалась счастливой для меня. Я победила в ньюпортском турнире, взяв верх над Рози Казалс и Крисс Эверт, а в финале нанесла поражение Билли Джин. К тому же вместе с Лесли Хант я победила в соревновании пар, подведя тем самым черту под моим дебютом в турнирах «Вирджиния Слимс».

Я побеждала во всех турнирах, где применялась система ван Алена. Она заставляла меня быть постоянно собранной, бороться за каждое очко, ибо все они имели равное значение. Однако Билли Джин, как и многие другие теннисистки из числа тех, кто вначале приветствовал нововведение, вскоре разочаровалась в нем, утверждая, что оно делает теннис скучным, приводит к долгому монотонному обмену ударами. Боясь проиграть каждое очко, мы чувствовали постоянное напряжение и все время оставались у задней линии, довольствуясь уже тем, что благополучно переправляли мяч на половину соперника. Новая система была рассчитана на сокращение времени, в течение которого длятся матчи, в целях приспособления к требованиям телевидения. Но в действительности получилось обратное — матчи затягивались из-за бесконечного перебрасывания мяча туда-сюда. В конце концов игроки высказались за отказ от этой системы, и, к великому огорчению Джимми, старый метод счета был восстановлен в правах. Организаторы турнира, кажется, тоже были этому рады.

Разнообразие условий, в которых приходится проводить матчи в рамках турниров «Вирджиния Слимс», доставляло мне удовольствие. Я начала играть на траве, которую считаю идеальной поверхностью корта для женского тенниса, но нам довелось выступать и на земле, и на синтетических покрытиях, как в залах, так и под открытым небом. Выступать каждую неделю на кортах с

разным покрытием нелегко. Всякий раз это требует внесения корректировок в игру: уменьшения замаха на кортах с быстрым покрытием или подрезки мяча, если на медленных кортах он подскакивает выше. В залах также имеются различные виды синтетического покрытия. На некоторых отскок мяча высок и резок, иногда, напротив, мяч как бы «оседает». Бывает, что покрытие кладут прямо на цемент. В таком случае очень устают ноги, и после игры на таких кортах многие теннисисты жалуются на боль в спине и ногах. В 1975 году на женских турнирах стали появляться особые массажисты, которые повсюду разъезжали с игроками. У мужчин это принято давно. Помощь такого массажиста необходима, особенно когда из-за непривычных условий игры затекают ноги, каменеют мускулы, ломит все тело.

Лишь впервые отправившись в зарубежное турне, я начала играть на земляных кортах. Но зато потом они мне очень нравились. Такое покрытие по вкусу более тонкому и умному теннису, ибо игра на нем заставляет думать гораздо больше, чем на траве или цементе, играя на которых только и делаешь, что подаешь и бьешь с лёта. На медленном покрытии пространство корта используется полнее, обмен ударами дольше, и он закономерно приводит к завершающему победному удару. Вместе с тем я убеждена, что на быстрых кортах женский теннис выглядит более зрелищным. На травяных кортах, где проходят Уимблдонский турнир и чемпионат Австралии, матчи получаются более увлекательными для публики. Когда женщины играют на земле, они обычно становятся у задней линии и ограничиваются обменом ударами. Только некоторые из нас — Билли Джин, Ивонн и я, играя на медленных кортах, — выходят к сетке. То, что в Форест Хиллсе вырвали траву, было плохой услугой женскому теннису. Лучшие матчи турниров «Вирджиния Слимс» проходили на быстрых кортах, где теннисистки чаще выходили к сетке для ударов с лёта и смеша. Обмен ударами также имел место, но он не тянулся слишком долго.

До участия в турнирах «Вирджиния Слимс» я редко играла в помещениях, но теперь мне это очень нравится. Новые арены, как правило, имеют отличное освещение, а солнце и ветер не влияют на ход матча, синтетические покрытия обеспечивают надежный отскок мяча. Все это, вместе взятое, создает идеальные условия для игры.

Я люблю звук удара мяча о ракетку. Желтые мячи значительно лучше белых: они не так быстро пачкаются и более заметны на фоне зеленого цвета синтетического покрытия.

Цикл «Вирджиния Слимс» теперь переплетается с серией турниров, проводимых в США под эгидой АФТ, что с любой точки зрения имеет положительное значение. Наконец-то закончилась перебранка между этими двумя группами, а потому возросла общая сумма призовых денег, доступных для большего числа игроков. Теннисисты имеют возможность выбирать турниры, в которых они предпочитают участвовать, не связывая себя обязательствами сразу на весь цикл, как это было раньше. В женском теннисе сейчас хватает призовых денег для того, чтобы хороший игрок мог позволить себе время от времени отключиться от турниров и немного отдохнуть.

Нововведение, которого действительно ждет женский теннис, впрочем, как и мужской,— это создание Ассоциации профессиональных судей, которые бы путешествовали вместе с игроками от турнира к турниру. В настоящее время людей, занимающих место на судейской вышке и на линии, отыскивают прямо на месте. Все вознаграждение, положенное им, сводится к бесплатному завтраку или обеду. Эти судьи-любители часто оказываются неопытны или некомпетентны, а от их решений сейчас, когда разыгрываются столь огромные призовые суммы, так много зависит! Психологическое напряжение порой достигает такого предела, что многие игроки, сталкиваясь с судейскими ошибками, теряют душевное равновесие. Дни беззаботных спортивных состязаний прошли. Вы уже не услышите, как игрок говорит: «Ну тогда переподай!» С начала открытого тенниса в употреблении другая фраза: «Мы играем так, как скажет судья».

Ошибка в зачете одного очка может стоить 5000 долларов — это разница призов за первое и второе места. Но я не думаю, что оскорбление судьи теннисистом может быть чем-то оправдано, сколь серьезна ни была бы допущенная ошибка. Судейские огрехи бьют по обоим игрокам и в ходе матча обычно уравниваются.

Я не могу одобрить поведение таких теннисистов, как Билли Джин или Илие Нэстасе, которые постоянно спорят с судьями или требуют их отстранения. Я видела, как Билли Джин обрабатывает судей, после чего они прихо-

дят в такое нервное возбуждение, что оказываются совсем не способны определить, куда попал мяч и что вообще происходит на корте. Потом человек на судейской вышке допускает новую ошибку, и Билли Джин просто набрасывается на него. В таком случае события развиваются от худого к худшему.

Я считаю, что за некорректное поведение на корте теннисистов нужно наказывать — либо снимая заработанные ими очки и геймы, либо накладывая денежные штрафы. Грустно, что опытные игроки подают пример такого поведения начинающим. Что-то нужно делать для того, чтобы, с одной стороны, поднять уровень судейства, а с другой — положить конец недопустимым выходкам игроков. Профессионализм судейства — это то, что требует сегодняшний теннис. Принимая во внимание огромные денежные средства, которые стекаются сейчас в сферу спорта, резонно спросить, почему бы часть их не направить на улучшение качества судейства, на оплату хорошей работы главных судей и судей на линии.

Глава 18

И ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ СУРОВЕЕ И ЛЮДИ ОЖЕСТОЧЕННЕЕ...

Для женского тенниса появление возможности быстро заработать большие деньги отнюдь не было даром богов. Оно убило царивший ранее дух спортивного любительского соревнования, уничтожило то, что когда-то делало турниры приятными и веселыми. Раньше, во времена смешанных турниров, было больше встреч и контактов между людьми, да и сами они были другими. Порой кто-нибудь из игроков-мужчин любезно скажет:

— Ты выглядишь чудесно, — и это может сделать тебя счастливой на целый день.

Теперь теннисисток не заботит то, как они одеты. Поблизости нет мужчин, и, кажется, девушки совсем не ходят на свидания. Еженедельные турниры и переезды не способствуют установлению прочных связей. Вместо этого есть другое — деньги. А они делают девушек суровее и ожесточеннее. Все, что заботит многих, — это победа. Мне страшно думать, что будет с теннисом лет через десять.

Говорят, что женщины, профессиональные игроки в гольф, — тяжелые люди. Их делают такими жесткая конкуренция и погоня за долларом. Но и теннисистки идут тем же путем. Возможно, они станут даже более суровыми — ведь уже сейчас женский теннис приносит больше денег, чем гольф. Теннис становится предприятием, где можно погреть руки, и дельцы устремляются в него. Чем больше денег возвращается в мире тенниса, тем больше игроков, жаждущих получить свою долю, появляется на спортивной арене. Но мне не по душе то, что делает этот ажиотаж с самими теннисистами. Я имею в виду даже чисто физический аспект профессионального женского тенниса. Игроки проводят на корте день за днем целыми неделями, выступая в турнирах либо тренируясь. И так продолжается долгие месяцы, почти без всякого отдыха.

Вследствие этого зимой 1975 года на турнире «Вирджиния Слимс» теннисисток охватила настоящая эпидемия травм. Состязание продолжалось уже третий месяц, и на этом этапе Ненси Ричи, Керри Мелвилл, Мартина Навратилова и я выбыли из борьбы из-за различных травм, главным образом ног, вызванных постоянными физическими перегрузками на корте. Лично меня вновь подвела мышца ноги — старая травма, которую Стэн Николс, казалось бы, полностью излечил после рождения Марики. К сожалению, когда я опять ушибла ногу в Далласе и была вынуждена покинуть корт, не доиграв третий сет против Терри Холлидэй, Стэн был очень далеко — в Мельбурне. Неделя отдыха и массаж позволили привести ногу в порядок. Но когда я вновь вышла на корт, то потянула икроножную мышцу, возможно, потому, что все время старалась делать упор на левую ногу и не слишком утруждать правую.

Эта травма случилась буквально накануне чемпионата «Вирджиния Слимс» в Лос-Анджелесе, финальной части всего зимнего цикла и крупнейшего в мире женского турнира. Я была вынуждена выйти из состязания. Первый приз в 40 тысяч долларов, крупнейшая призовая сумма в женском теннисе, достался Крисс Эверт, которая была признана лучшей теннисисткой мира. Разумеется, я была огорчена тем, что пропустила чемпионат в Лос-Анджелесе. Но в целом осталась довольна результатами этого моего последнего возвращения в большой теннис. Несмотря на запоздалый старт в том году, травмы, по-

стоянно преследовавшие меня и заставившие отказаться от борьбы в двух турнирах, я завершила сезон выступлений на закрытых кортах игроком номер четыре.

Меня часто спрашивают, хотела бы я, чтобы дочь пошла по моим стопам, став профессиональной теннисисткой. Да, я хотела бы, чтобы она путешествовала, встречалась со множеством разных людей, получила от жизни все то хорошее, что было у меня. Религия была моим утешением и опорой. Она позволила сохранить те нравственные нормы, которые, я надеюсь, хотя это прозвучит старомодно, усвоит и моя дочь, какой бы жизненный путь она ни выбрала. Другие игроки, возможно их и меньшинство, так же относятся к этому вопросу. Потому-то меня тревожит судьба женского тенниса.

Я счастлива, что замужем и даже во время турне нахожусь в кругу моих близких. Ведь ожесточенная конкуренция, борьба за призовые деньги не оставляет места теплоте в отношениях между теннисистами. Временами кто-то из них сближается, но в основном каждый идет своей дорогой. И если вы привыкли к атмосфере большой дружной семьи, вам может быть очень тяжело психологически.

Билли Джин теперь совсем не та, какой я ее впервые увидела в 1962 году на Уимблдонском турнире. Тогда, несмотря на острое соперничество, мы быстро сошлись. Она была хорошим человеком с высокими моральными принципами.

Некогда я восхищалась Билли Джин. Теперь от этого не осталось и следа. На всем свете существует лишь один человек, судьба которого волнует ее,— это она сама.

Когда я вернулась в теннис вместе с Дэнни и встрети-лась с Билли Джин на турнире «Вирджиния Слимс», мне бросилась в глаза та колоссальная перемена, которая произошла с ней,— то, как она бранилась со всеми во время матча, ее прямолинейность и постоянное стремление переложить на других вину за свои поражения. Раньше она была великолепна на корте. Теперь уже нет. Она все время жалуется на что-то, пытается смутить соперника, вывести его из себя. Много раз Билли Джин применяла эту тактику и против меня. Было время, когда это действовало.

И все же своими пререканиями с судьями на линии, частыми остановками игры она не могла лишить

меня душевного равновесия. Ей это тоже было известно.

Билли Джин часто критикует Бэрри и меня публично. Возможно, причина тому — зависть. Ей известно, как много муж и семья значат для меня, а это-то и вызывает зависть.

Она нередко проходилась по мне в связи с женской эмансипацией:

— Маргарет утверждает, что она — не феминистка, но в действительности это не так, — заявила Билли Джин как-то в спортивной телепрограмме. — Посмотрите на Бэрри — он не работает, а она содержит всю семью.

Сколько раз Билли Джин повторяла все это! Она вдолбила себе в голову, что я играю только ради денег, которые приносит теннис. Но я, вероятнее всего, продолжала играть, даже если бы теннис был чисто любительским, ибо я наслаждаюсь игрой. Бэрри способен это понять. Вопреки тому, что утверждает Билли Джин, у него есть полноценная работа.

Летом 1973 года Бэрри стал сотрудником консультативной нью-йоркской фирмы «Фрэнсис-Лиллард». Он является представителем фирмы в Австралии. Что может быть лучше такой работы?!

Глава 19

ФИАСКО В МАТЧЕ С РИГГСОМ

Насколько помню, я никогда не видела Бобби Риггса, тем более на корте, до тех пор, пока он не начал во весь голос кричать о том, что «женский теннис — это просто чушь». И мне было совершенно наплевать на его утверждение о том, что во всем мире он самый большой женоненавистник. Я не выступала за женскую эмансипацию, а потому у него просто не было возможности схватиться со мной и пытаться доказать, что место женщины на кухне или в постели. Похоже, что он так зол на женщин, которые всерьез чем-либо увлекаются, лишь потому, что они зарабатывают больше денег, чем когда-нибудь мог заработать он сам.

Я не приняла всерьез его вызова сыграть матч с любой теннисисткой мира (при условии, что победитель получает всю сумму выигрыша), пока в это не вмешалась Билли Джин. Риггс предлагал разыграть приз в пять ты-

сяч долларов — это заявление он сделал на пресс-конференции, субсидированной компанией «Лэнд Девелопмент». Он заявил, что готов играть с кем угодно — желательно было бы с Билли Джин Кинг и что призовые деньги будет выплачивать сам. Билли Джин отказалась скорее всего потому, что не хотела рисковать своей репутацией за столь незначительную сумму. Будучи основным пропагандистом женской эмансипации в теннисе, Билли Джин понимала, что поставит под удар свое дело, если Риггс выиграет у нее. Меня раздражало то, что все внимание было сосредоточено на Билли Джин. Конечно, она способна во время матча создавать больше шума, чем любая другая женщина, но она явно не самая лучшая теннисистка.

Это происходило весной 1973 года, месяцев через шесть после моего возвращения в теннис уже с Дэнни. Я только что выиграла двенадцать турниров подряд, включая весь цикл турниров Дьюар, в Англии на закрытых кортах, в одиннадцатый раз завоевала титул чемпионки Австралии и победила в четырех турнирах Вирджиния Слимс в США. Более того, в нашем личном споре я опережала Билли Джин. Я постоянно выигрывала у нее в играх «Вирджиния Слимс», если ей не удавалось вовремя выйти из соревнований. За двенадцать лет мы сыграли 34 матча: я выиграла 21, Билли Джин — 13.

Я полагала, что, являясь сильнейшей теннисисткой мира, должна защитить женский теннис от Риггса и его оскорблений, и была уверена, что смогу победить его. От ведущих игроков-мужчин, таких, как Боб Хоу, которые когда-либо встречались с Риггсом, я узнала, что передвигается по корту он медленно и не обладает очень сильным ударом, так что вряд ли мне было о чем беспокоиться. Ему было 55 лет, он был на закате своей карьеры; это скорее была лишь тень того Риггса, который в 1939 году выиграл Уимблдон, а несколько лет спустя — мировое первенство среди профессионалов.

Я также считала, что матч будет для меня небольшой разрядкой, передышкой, что ли, между женскими турнирами. Я и не представляла себе, что он может вызвать такой интерес во всем мире. Вместо того чтобы стать событием местного значения, устроенным с целью рекламы субсидирующей его компании, матч стал одним из самых главных спортивных событий сезона. К моему изумлению, им заинтересовалось телевидение и увеличило

сумму призовых денег до десяти тысяч долларов плюс еще десять тысяч, гарантированные организаторами, которые будут поделены между Бобби и мной.

Вся эта шумиха вокруг матча была поднята прежде всего благодаря гениальному умению Риггса рекламировать самого себя. Ежедневно он появлялся на страницах газет и экранах телевизоров, рассказывая о «матче века». Матч должен был состояться в воскресенье 13 мая в День матери и ребенка. Конечно, Риггс не упустил возможности откомментировать и этот факт — ведь я была самой известной выступающей в соревнованиях матерью в спорте.

Известный своей неутомимостью, Риггс ни на минуту не оставлял меня в покое. Он то появлялся в Ричмонде на турнире «Вирджиния Слимс» «разведать слабости Марго», то заявлял, что знает, как обыграть меня. Короче, всячески пытался вывести меня из равновесия, говоря, что ему-то терять нечего, в то время как я отстаиваю репутацию всего женского тенниса.

Меня все это несколько не беспокоило, так как я знала, что Риггс — прирожденный актер и делает все возможное, чтобы набить себе цену.

Теперь же, оглядываясь назад, я жалею, что не принимала все его выходки всерьез. Это помогло бы мне настроиться на матч. Я же не придавала им никакого значения, так как была абсолютно уверена в себе и считала, что мне нечего волноваться — ведь я играю с далеко немолодым человеком, который не нюхал настоящего тенниса почти четверть века. Всего лишь в течение одной недели, прервав турниры «Вирджиния Слимс», готовилась я к матчу с Риггсом. Я полетела в Беркли, в Калифорнию, чтобы несколько дней поработать с Дэннисом ван дер Мейером, прекрасным тренером, который время от времени помогал мне, как, впрочем, и другим игрокам в турнирах «Вирджиния Слимс». Дэннис очень меня подбодрял. Он занимался со мной подачей и игрой у сетки и решил, что с этими, такими важными, компонентами игры у меня все в порядке. За два дня до матча я прилетела в Сан-Диего, чтобы потренироваться непосредственно на том корте, где состоится матч. Каждый день по часу я играла с Тони Трабертом и Викки Бернером, игроком «Вирджинии Слимс», и чувствовала себя готовой к матчу с Риггсом.

Мне было крайне неприятно, что вокруг матча под-

нялся такой ажиотаж. Со всего мира прибывали репортеры. Матч должен был транслироваться по телевидению в Австралию, где тем, кто хочет его посмотреть, придется проснуться в шесть часов утра. Меня интервьюировали с утра до вечера, и мне смертельно надоело отвечать на одни и те же вопросы. Риггс же был в восторге от всего этого. Атмосфера, созданная вокруг матча, просто выходила за рамки нормальной. Я не привыкла бесконечно выступать перед телевизионными камерами и репортерами и рассказывать, как собираюсь обыграть своего соперника, предпочитаю, чтобы за меня говорила ракетка. Но я оказалась в ловушке, и деваться было некуда.

Утром в день матча, после того как Дэнни спустил мои теннисные тапочки в унитаз, я сказала Бэрри:

— Буду бесконечно рада, когда все это закончится.

Я провела матч как в тумане. События этого дня до сих пор, к счастью, помнятся мне очень смутно. Я знала, что удары Риггса будут слабыми, но не настолько слабыми, ожидала, что он будет играть, как женщина, но не как подросток, играющий парный матч в воскресный полдень. Несмотря на все, что я слышала до этого о его игре, я была совершенно не подготовлена к тому, что увидела. Я просто не могла разглядеть мяч. Он казался похожим на мячик от настольного тенниса. Мои мячи летели за линию или в сетку. На приеме подачи я выглядела очень жалко — мяч от моей ракетки летел либо в сетку у земли, либо на трибуны. Подвела и подача — я делала двойные ошибки. Я не чувствовала мяча, не могла как следует подойти к нему, ноги не слушались. Мои выходы к сетке заканчивались столь печально, что я предпочитала оставаться на линии и совершала классическую ошибку, позволяя противнику навязывать мне свою игру. Хорошо хоть, что матч был такой короткий. Риггс выиграл его меньше чем за час со счетом 6:2, 6:1. Никогда с такой радостной поспешностью, что наконец-то все кончено, не покидала я теннисный корт, как в тот воскресный полдень.

Но испытание было еще не закончено. Пресс-конференция — для телезрителей на корте, затем в клубе — длились бесконечно.

— Почему вы не атаковали?

— Почему вы оставались на задней линии?

— Вы правильно подготовились к матчу?

— Риггс вывел вас из равновесия своими цветами?

— Вы нервничали оттого, что находились в центре внимания?

— Что случилось с вашей подачей? Ударом с лёта? Смешем?

— Так что же случилось?

Тогда у меня не было ответов на все эти вопросы, нет их и сейчас.

У каждого спортсмена бывают черные дни. Это был самый жуткий для меня день, и, к сожалению, за мной наблюдал весь мир. Здесь, конечно, была и своя положительная сторона. Этот матч плюс последующий четыре месяца спустя, когда Билли Джин обыграла Риггса в трех сетах подряд, пробудил первый интерес к теннису у миллионов людей. Хотел Риггс этого или нет, он привлек всеобщее внимание к теннису, и прежде всего к женскому теннису. Конечно, не эти спектакли породили теннисный бум, но, вне всякого сомнения, они способствовали росту его всемирной популярности.

Воспоминания об этом матче будут преследовать меня всю жизнь. Люди до сих пор спрашивают:

— Как мог Риггс так легко обыграть вас, а затем с таким позором проиграть Билли Джин?

Билли Джин — самая великая спортсменка из всех, кого я знаю. Но в ее игре есть свои слабости. Удар справа у нее хотя и стал лучше, но не всегда надежен, особенно если ее атаковать. Однако я не играю ей под правую. Я даю ей мячи в центр, чтобы не позволить играть по всему корту, что она так любит. Я часто добивалась желаемых результатов, играя таким образом, — направляя мяч под правую близко от ее корпуса. Она делает много ошибок, когда отбивает мяч из этого положения.

Мне остается лишь думать, что во время нашего матча Бобби был в хорошей спортивной форме. Он несколько месяцев рьяно и серьезно тренировался, сбросив вес со 160 до 145 фунтов. Для своих пятидесяти пяти он был очень крепок. Но после победы надо мной успех вскружил ему голову. Я слышала, что он вернулся к своей холостяцкой жизни с ежедневными вечеринками, забыл о диете, перестал принимать витамины, вновь набрал вес, от которого избавлялся перед нашим матчем. Вероятно, он был так уверен в себе, что решил, что сможет обыграть Билли Джин без серьезной подготовки. Он ограничивался редкими тренировками в Астродоме с Лэрри Кингом, доктором Дэнтонем Кули, хирургом и другими

игроками подобного класса, с которыми играл лишь ради рекламы. В матче против Билли Джин Риггс страдал от излишка в весе и практически не мог бегать по корту.

У Билли Джин было определенное преимущество, так как она точно знала, как играть против Риггса,— она внимательно изучила видеозапись нашего матча в Сан-Диего. К тому же она подготовила себя психологически, избежав всевозможных трюков Риггса перед матчем. Вместо того чтобы появляться вместе с Риггсом на телевидении в Хьюстоне, она оставалась вне поля зрения в Хилтон Хеде, в Южной Каролине, спокойно тренировалась до самого матча. И никаких интервью. Это была еще одна мудрость, которую она вынесла из моего горького опыта.

Но самое главное, Билли Джин вышла на корт и играла с Риггсом в свою игру, атакуя с начала до конца и сразу же положив конец его фокусам. За это она заслуживает самой большой в мире похвалы.

Какой бы ни была причина или причины, я не играла против Риггса в свою игру — с выходом к сетке после подачи. Что мне еще остается добавить?

Глава 20

РАЗНЫЕ СЛОЖНОСТИ

Стало известно, что победитель матча между Билли Джин и Риггсом получает 100 000 долларов. Такая сумма вознаграждения была самой большой за всю историю подобных матчей, и этому, конечно, способствовала та рекламная шумиха, которая была создана во время нашей с ним встречи. Однако я не завидовала Билли Джин. Даже за все золото мира я бы не согласилась участвовать в этом фарсе, который должен был состояться в Астродоме. Я не могла себе представить, как бы меня в паланкине вынесла на арену футбольная команда, одетая в костюмы римских рабов, и как бы я вручала Риггсу поросенка, поросенка этому поросенку-женоненавистнику.

Вообще я робкий человек, и для меня каждое публичное выступление — тяжелое испытание. Для меня, например, огромное напряжение встать во время какого-нибудь обеда и выступить. Не получаю от этого никакого удовольствия, к тому же до своего выступления ничего

не могу есть. Я научилась комментировать матчи по телевидению и радио, но это абсолютно другое дело. Когда я комментирую какой-нибудь теннисный матч, то чувствую себя совершенно спокойно, так как рассказываю о других, а не о себе.

На теннисном корте я всегда стремлюсь оставаться в тени. Люблю быть одной. Недавно я отдыхала во Флориде. Однажды, когда я вошла в холл отеля после купания, человек, стоящий у почтового киоска, повернулся ко мне и спросил:

— Вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на Маргарет Корт?

Такое случается постоянно. Может быть, я плохо получаюсь на фотографиях, но, когда я не в теннисной форме, меня очень редко узнают. И меня это устраивает.

Несмотря на все мои достижения в течение стольких лет, я чувствую себя безымянным чемпионом. Мой матч с Риггсом привлек к себе внимание даже тех журналистов, которые раньше никогда не писали о теннисе. Когда они спросили, есть ли у меня какие-нибудь крупные победы, я сказала, что трижды выигрывала Уимблдон и пять раз Форест Хиллс, и они едва могли в это поверить:

— Как же могло так получиться, что мы о вас никогда не слышали?!

Я по натуре человек замкнутый, и это не позволяло мне использовать теннис в коммерческих целях. Во времена любительского тенниса многие игроки требовали от организаторов соревнований и от своих федераций и получали различные дополнительные льготы. Я же обычно получала минимум положенного, даже после того как стала первой ракеткой мира. Отчасти потому, что не люблю торговаться и сама заключать сделки. Когда же теннис стал открыт для профессионалов, я старалась избегать телевизионной рекламы и разных подобных вещей.

Меня всегда интересовала спортивная одежда, давно хотелось познакомиться с каким-нибудь дизайнером, который бы придумал теннисную форму, ассоциирующуюся с моим именем. Я завидовала Крисс Эверт и Ивонн Гулагонг, которым удалось это сделать.

Я была довольна, когда Лэрри Кригер от моего имени заключил контракт с Дэвидом Смитом из Бостона, представляющим фирму, которая специализировалась на производстве формы для гольфа, и очень хотела заняться

производством теннисной формы. Я помогла им придумать первые теннисные платья «Маргарет Корт», появившиеся в продаже в январе 1974 года. Они имели успех, и сейчас же стали производиться не только теннисные платья, но и тренировочные костюмы, брюки, джемперы и другая повседневная одежда.

Мое имя получил также большой теннисный центр в Таксоне, в штате Аризона, который теперь известен как «Ранчо Маргарет Корт». Здесь расположено несколько небольших домиков, бассейн и теннисный клуб с освещенными кортами, на которых можно играть в любую погоду. Согласно контракту, я приезжаю сюда ежегодно, чтобы в течение пяти недель проводить в клубе тренировки.

Лэрри Кригер помог также заключить еще один контракт — с фирмой «Дайверсифайд Продактс» в Алабаме. Фирма занимается популяризацией комплексов упражнений со штангой для женщин. Эта программа осуществляется под моим руководством. Она дает возможность на моем примере показать женщинам, как были важны для моего физического развития планомерные занятия спортом и поднятие тяжестей, как могут помочь они другим женщинам.

Глава 21

ЦЕНТР ТЕННИСА

С появлением открытого тенниса деньги стали неотъемлемой его частью, а в США можно заработать больше, чем где бы то ни было.

Европейский теннис постепенно отходит на второй план, так как различные национальные чемпионаты в Италии, Франции, ФРГ и других странах просто не могут гарантировать такие призовые деньги, которые теперь можно выиграть в США. Различные европейские ассоциации, в частности французская, делали отчаянные попытки, чтобы остановить отток ведущих игроков в Америку, но им не удалось ничего сделать.

Когда я впервые начала выступать в международных турнирах, выиграть какой-либо из европейских титулов было престижно, сейчас же они абсолютно ничего не значат для многих игроков. Их не волнует, кто выиграл чемпионат Италии, Франции или ФРГ. К сожалению, то же можно сказать и о чемпионате Австралии.

Я не говорю здесь об Уимблдоне, потому что это особая статья. За последние годы он, конечно, несколько утратил значение, так как многие ведущие теннисисты не могли в нем участвовать из-за различных бойкотов и разногласий. Уимблдон больше не является заветной мечтой каждого игрока, так как мировые титулы разыгрываются теперь в профессиональных турнирах, а не в состязании, устраиваемом английским клубом, как было когда-то.

Однако Уимблдонский турнир остается главным теннисным событием в мире. Он обладает особым очарованием и притягательной силой как для игроков, так и для зрителей. Я думаю, Уимблдон сохранит свой статус в теннисе, как и Британский турнир в гольфе.

Процветает и будет процветать открытый чемпионат США в Форест Хиллсе, так как центр теннисного бума находится в Америке. Призовые деньги в Форест Хиллсе увеличиваются год от года, равно как и число зрителей и время телепередач, посвященных этим соревнованиям. А потому каждый игрок стремится принять в них участие. Более того, профессиональные турниры специально проводятся в такие сроки, чтобы они не конкурировали с классическими теннисными чемпионатами в Уимблдоне и Форест Хиллсе и все игроки могли принять в них участие.

Америка не только дает теннисистам возможность выиграть большие призовые деньги, но и открывает перспективу заработать на рекламе различных товаров, на телевидении и во многих других областях, неизвестных или недостаточно развитых в других странах. Вот почему многие австралийцы все больше времени проводят в Америке. Род Лейвер и Рой Эмерсон постоянно живут в Калифорнии. Они открыли по всей стране сеть теннисных школ. Джон Ньюкомб большую часть года проводит в Техасе, где является совладельцем ряда пользующихся огромной популярностью теннисных заведений. Гарри Хопман перебрался в Лонг-Айленд. Там он руководит большим теннисным центром, в котором работают многие австралийские тренеры. Америка как магнит притягивает ведущих игроков из других стран.

Это массовое бегство австралийских и других иностранных игроков в США наносит значительный ущерб развитию тенниса у них на родине. Все молодые теннисисты Австралии, едва став профессионалами и получив более

или менее ясную перспективу заработка, уезжают в Америку. Это лишает страну самых талантливых игроков и снижает уровень местных турниров. Но я не представляю, как при сложившихся условиях это положение можно исправить.

Массовый переход игроков в разряд профессионалов уменьшил важность и значение теннисных национальных ассоциаций. И это хорошо. Я не считаю, что австралийская или американская ассоциации должны контролировать профессиональный теннис. Пусть они сосредоточат свое внимание на молодых игроках и устройении любительских турниров. Профессиональные турниры требуют профессиональной организации, а любители просто недостаточно квалифицированы, чтобы в свободное от работы время обеспечить все необходимые для такого рода состязаний условия. Все очень просто.

Недавно организованный мировой командный чемпионат также способствовал привлечению в Америку игроков из разных стран. Группа крупных бизнесменов и спортивных дельцов предложила ежегодно проводить в шестнадцати городах США командные теннисные соревнования, которые длились бы четыре месяца. Команды, получившие такие названия, как «Бостонские раки», «Хьюстонские наездники» и т. д., состоят из мужчин и женщин. Чтобы усилить спортивный энтузиазм, организаторы призвали зрителей забыть о вежливости и что есть мочи поддерживать свою команду во время матча. Кроме того, они предали забвению традиционную форму ведения счета и ввели простую очковую систему, которую мог бы легко понять даже тот, кто смотрит теннисный матч впервые. Идея заключалась в том, чтобы привлечь к теннису внимание новых болельщиков, причем сделать его таким же зрелищным, как, например, бейсбол или футбол. Такое проведение соревнований предполагало также активное участие зрителей в происходящем, вплоть до такой детали, как железные решетки, отделяющие корт от трибун.

Организаторы шли на определенный финансовый риск, предложив ведущим игрокам мира заманчивые контракты — до 100 и более тысяч долларов за сезон. В результате такие теннисистки, как Билли Джин, Ивонн Гулагонг и Вирджиния Уэйд, а также звезды мужского тенниса Джон Ньюкомб, Кен Розуолл, Джимми Коннорс и другие согласились принять участие в мировом команд-

ном чемпионате уже в первый, 1974 год его проведения. Поскольку время розыгрыша этого турнира совпадало с чемпионатами Италии и Франции, европейские теннисные ассоциации всячески старались сорвать его или отсрочить. Но организаторы мирового теннисного чемпионата поступили достаточно хитро, дав возможность игрокам принять участие в Уимблдонском турнире, а также планируя завершение сезона до открытия чемпионата США в Форест Хиллсе. Таким образом они избежали конфликта с наиболее влиятельными теннисными ассоциациями США и Великобритании. Американская теннисная ассоциация открыла перед мировым командным чемпионатом зеленый свет после того, как получила от организаторов за свою официальную санкцию кругленькую сумму в 98 тысяч долларов.

Лично мне по душе идея командных соревнований, когда вместе выступают и мужчины и женщины. Но совершенно не нравится тот факт, что зрители получили право кричать во время матчей. Многие их выкрики, особенно в адрес теннисисток, бывают просто неприличны и оскорбительны.

Первый сезон проведения мирового теннисного чемпионата закончился для многих команд большими потерями, чем ожидалось. Ходили слухи о том, что ряду игроков не заплатили вообще, а другим пришлось довольствоваться лишь частью обещанных денег. Некоторые команды перепродавались новым хозяевам. Все же были такие игроки, которые продолжали поддерживать организаторов мирового командного чемпионата или, по крайней мере, были готовы участвовать в новых турнирах подобного рода, если им будут выплачивать обещанные внушительные суммы. Но многие другие просто возненавидели саму идею проведения мирового командного чемпионата и ту шумиху, которая сопутствовала ему.

В тот первый год я не принимала участия в этом состязании, но подписала контракт на 1975 год. Предложенное мне вознаграждение делало попытку оправданной.

Глава 22

НОВЫЙ ВЫЗОВ

Для меня оставалось загадкой поражение в матче с Риггсом, тем более потерпела я его, когда была в наилучшей форме. В начале 1973 года я в одиннадцатый раз

победила в одиночных состязаниях чемпионата Австралии и была твердо настроена стать первой женщиной, которой удавалось выиграть Большой шлем дважды. Из мужчин это смог сделать лишь Род Лейвер — в 1962 году, когда еще был любителем, а затем и в 1969-м, уже став профессионалом. Повторить его успех было моей главной целью в том году.

С упоением шагала я по пути побед, который открывался передо мной осенью 1972 года. На закрытых кортах в соревнованиях на Кубок Дьюар выиграла все пять турниров в Шотландии и Англии, нанеся поражения Вирджинии Уэйд в четырех финалах. В состязаниях пар мы выступали с Вирджинией вместе и победили во всех финалах. Дома, в Австралии, я выиграла еще два турнира на траве, не считая открытого турнира, в котором нанесла поражение Ивонн Гулагонг.

Затем мы перелетели в США для участия в цикле соревнований Вирджиния Слимс, начинающемся в феврале. И здесь я играла хорошо. К матчу с Риггсом, к середине мая, я успела выиграть 18 турниров из 20, в которых выступала в течение шести месяцев. Эти состязания проводились и в помещениях и на открытом воздухе на кортах со всевозможными покрытиями — от травы до цемента. Даже после поражения от Риггса я продолжала побеждать как ни в чем не бывало.

Призовые деньги в турнире «Вирджиния Слимс» были очень солидными, расписание матчей — весьма жесткое, а потому я решила ограничиться участием в двух европейских турнирах — чемпионате Франции и Уимблдоне. Победы в обоих соревнованиях были мне необходимы, чтобы попытаться во второй раз завоевать Большой шлем.

Итак, прямо из Сан-Диего после матча с Риггсом мы полетели в Париж на чемпионат Франции. К этому соревнованию все, и особенно сами французы, относятся очень серьезно. Трудно себе представить больший контраст. Матчи на медленных земляных кортах в «Роланд Гарро» обычно длятся долго, особенно у женщин, и выиграть их крайне сложно.

Я вышла в финал, и мне предстояло встретиться с Крисс Эверт, которая лучше всего играет именно на земле. Наш матч длился долго. Мы никак не хотели уступать друг другу. Трибуны замерли от волнения. Как только одна из нас выходила вперед, другая прилагала все уси-

лия, чтобы отыграться. Я удачно начала и повела 4:1, но Крисси вскоре освоилась на задней линии и стала обводить меня своими любимыми длинными ударами. При счете 6:5 у меня было три сет-бола, но она смогла отыграть гейм и после буллитов из 12 очков вырвать победу в сете со счетом 7:6.

Продолжая играть с тем же напором, она повела 5:3 и во втором сете. От победы ее отделяли всего два очка. На этот раз я решила не сдаваться. И снова буллиты. И снова при счете 5:4 всего лишь два очка отделяли Крисс от победы. Но я собрала все свои силы и выиграла 8:6.

Заключительный сет длился, казалось, целую вечность. Я решила не выходить к сетке и бить с лёта, как если бы играла на быстром покрытии. Мне удалось повести 4:1. Но это не сломило Крисси. На своей подаче она стремилась сравнять счет по пяти, но я отыграла ее подачу, победив в сете, а с ним и в матче, со счетом 6:4. Я выиграла у Крисси, ведя игру в ее же стиле — с задней линии.

Крисс — потрясающая теннисистка, очень зрелая для своих лет. Я знаю, что против нее должна играть только отлично. Она очень стабильна, и если вы позволяете себе чуть-чуть расслабиться, — она тут как тут. Играя с ней, нужно постоянно думать о том, что нельзя сломя голову бросаться к сетке. Думать, непременно думать. Мяч необходимо отбивать четко и наверняка, ибо она поразительно точно играет с отскока и умеет обводить, когда вы выходите к сетке. Если, играя с Крисси, вы опрометчиво кинетесь к сетке, она обведет вас или бросит «свечку» с ювелирной точностью. Она одна из самых хладнокровных теннисисток мира. Кажется, она неподвластна настроениям. Независимо от того, выигрывает она или проигрывает, ее лицо спокойно, а прическа в идеальном порядке.

В Париже со мной непременно что-то случается. На этот раз у меня разболелось горло. Когда я приехала в Англию, то чувствовала себя уже совсем неважно, а к началу турнира в Королевском клубе, который обычно рассматривают как разминочный перед Уимблдоном, окончательно разболелась. За шесть дней я приняла массу таблеток пенициллина, и только после этого выяснилось, что у меня на него аллергия. Началась диспепсия, я стала хуже видеть. В довершение ко всему в третьем круге

в матче с Крисс Кеммер я травмировала позвоночник.

Мне пришлось прекратить участие в соревнованиях. Следующие три дня я провела в постели. Это едва ли лучший способ подготовки к Уимблдону и получению третьего балла в борьбе за Большой шлем. Я продолжала принимать какие-то таблетки, чтобы снять отрицательные последствия действия пенициллина. У меня болело все, что только могло болеть. Однако как-то все же удалось дойти до четвертьфинала, где на моем пути вновь встала Крисс Эверт. Полагали, что я легко выиграю у нее, так как трава — мое любимое покрытие. Но на этот раз она удивила всех специалистов, нанеся мне поражение со счетом 6:1, 1:6, 6:1.

Мне уже нечего было мечтать о втором Большом шлеме. Я расстроилась еще сильнее, когда вскоре после этого победила в Форест Хиллсе, в финале взяв верх над Ивонн — 7:6, 5:7, 6:2. Это был один из моих лучших матчей. Четвертый раз в своей жизни я получила три из четырех баллов, необходимых для завоевания Большого шлема.

Политикой я почти не интересуюсь. Мы так много путешествуем, что у нас не остается времени следить за тем, что происходит в мире, разве только по последним известиям по телевидению. В газетах я обычно просматриваю лишь спортивную хронику. А потому, когда судья Майк Гибсон прошептал мне после победы в одиночных играх в Форест Хиллсе в 1969 году, что приз будет вручать сам вице-президент, я тихонько спросила: «Какой компании?» Это происходило на центральном корте в присутствии пятнадцати тысяч зрителей. До того я никогда и не слышала о Спиро Агню, вице-президенте США.

Сначала он попросил подойти Ненси Ричи, игравшую со мной в финале, и вручил ей приз и денежный чек. Стараясь как-то подбодрить ее после поражения, он сказал что-то о том, что у нее впереди много лет и она еще скажет в теннисе свое слово. Публика разразилась громким смехом. Нэнси было столько же лет, сколько и мне, и ее никак нельзя было считать новичком в теннисе, как, вероятно, предположил вице-президент.

Наверное, вице-президенты вообще не в ладах с теннисом. Ричарду Никсону в его бытность вице-президентом также предложили вручать призы чемпионата Форест Хиллса. Он начал свою речь так: «Я всегда считал, что теннис — спорт слабосильных, но...» Нужно ли

говорить о том, что такое отношение к теннису не встретило одобрения у зрителей, большинство из которых не просто болельщики, но и сами в той или иной мере игроки.

После награждения Нэнси мистер Агню вызвал меня и вручил очень красивый приз победителя соревнований. На сей раз он нашел нужные, как мне кажется, слова, но забыл передать мне конверт с чеком. Я была удивлена, но не обеспокоена. На большинстве турниров во время церемонии награждения вручают пустой конверт, а затем в дирекции выдают сам чек. Но позднее в тот же день я играла в финале женских парных соревнований, победила и получила не только приз, но и чек. Выиграла я и в смешанном разряде и вновь получила чек в придачу к серебряному призу.

Тогда я подошла к директору турнира и сказала, что не получила чека за победу в одиночных играх. Смятение организаторов было неопишимо. Администрация уверила, что чек был вложен в конверт и передан мистру Агню. В этом не было сомнений. Может быть, вице-президент делал на этом конверте пометки для своей речи, а потом забыл передать его победителю? О дальнейшем я знаю лишь то, что организаторы турнира послали мне второй чек, но я его тоже не получила. Скорее всего он затерялся где-то в дороге. И, наконец, уже в Перте много месяцев спустя ко мне прибыл третий чек. Но, учитывая то, что произошло с мистером Агню позднее, можно предположить, что в тот день он действовал просто по привычке, оставив себе переданный для меня конверт.

Соревнования в Южной Каролине оказались моим пиком в том сезоне, и я жалею, что сразу же после них не отправилась домой. Давала знать усталость от бесконечных турниров. С тех пор как год назад я вернулась в большой теннис, мы ни разу не отдохали по-настоящему. Физически я была чудовищно измотана, но даже перед собой не могла признаться, что не в состоянии чего-то выдержать. А потому мы продолжали турне по Америке. И это оказалось большой ошибкой. В Колумбии я потянула икроножную мышцу и была вынуждена отказаться от матча в полуфинале с Джулией Хэлдман. Доктор приказал мне на две недели забыть о теннисе. Я могла позволить себе лишь легкие ежедневные пробежки для восстановления мышцы. Затем я заразилась гриппом, и мне

пришлось отказаться от участия в одиночных соревнованиях во Флориде. Мы упаковали вещи и полетели в Перт, где надеялись хорошенько отдохнуть и восстановить силы за те шесть недель до декабря, которые оставались до начала австралийского теннисного сезона на траве.

Получилось же так, что мы потратили эти драгоценные недели на то, чтобы приобрести дом. Он находится прямо рядом с недлендским яхт-клубом, что особенно радует Бэрри. Меня же вдохновляет то, что на берегу реки Свон около дома мы построим теннисный корт. Вокруг дома прекрасный сад, и в свободное время я собираюсь заниматься садоводством. Я чувствую зов земли. Мне хочется что-нибудь выращивать. Я также люблю красить, клеить обои, чинить старую мебель. Мой отец умел отлично все это делать, а брат занимается этим и сейчас, так что я думаю, тут проявилась наследственность. Даже Бэрри умеет кое-что делать своими руками — самостоятельно построил свою первую яхту, к тому же он отличный плотник.

Разъезжая по Соединенным Штатам, мы частенько останавливались в частных домах. Я видела, как они отделаны. У меня появилось множество идей, которые хотелось бы воплотить в жизнь при отделке своего дома. В течение многих лет люди относились к нам с такой добротой, что мы хотели бы отплатить им таким же радушием и гостеприимством. Надеюсь, наш дом всегда будет полон гостей.

До начала первенства Западной Австралии я почти не брала в руки ракетку. И как только вышла на корт, то сразу поняла, что-то со мной происходит: координация полностью нарушена, не чувствую мяча — все оказалось значительно хуже, чем можно было ожидать, даже принимая во внимание длительность перерыва.

Свой первый матч я выиграла, но когда покинула корт, то сказала Бэрри: «Кажется, я беременна, очень плохо себя чувствую». Я обратилась к местному доктору, сделала анализы, но мои предположения не подтвердились. Я продолжала играть, но делала это в каком-то полусознательном состоянии. В матче с Кэрри Хэррис я несколько раз не попала по мячу и даже не пыталась отразить некоторые ее удары, после которых мяч попадал на площадку. Такое со мной случается крайне редко.

Я пошла к другому доктору, повторила анализы. Результат был положительный. Не желая подвергать опас-

ности своего будущего ребенка, я немедленно прекратила соревнования.

Пришлось позвонить Вику Эдвардсу, судье соревнований на Кубок Бонн Белл, который разыгрывается между командами США и Австралии. Состязания должны были состояться в Сиднее в конце декабря. Планировалось мое выступление за команду Австралии, но я сообщила Вику, что не смогу принять участие в соревновании. Он передал эту новость журналистам. У нас дома, в Перте, непрерывно звонил телефон. Все интересовались одним вопросом:

— Вы оставите теннис или будете продолжать играть?

Я отвечала, что если все будет в порядке, то постараюсь вернуться. Мы с Бэрри решили, что если уж путешествовали с одним ребенком, то сможем это делать и с двумя. Мне был брошен новый вызов, а я это люблю.

Глава 23

МАРИКА

По дороге в Перт мы заехали в Албери навестить семью моей сестры и отца, который живет с ними. Четыре дня, которые мы там провели, непрерывно шел дождь. Дэнни и Бэрри простудились и почти все время провели в постели. Когда мы вернулись в Перт, я тоже заболела — у меня начался бронхит и хронический кашель. Я так кашляла, что мой врач опасался за меня. Поэтому за десять дней до родов он решил положить меня в больницу.

25 июля 1974 года родилась Марика. Рождение ее не вызвало такого шума, как рождение Дэнни. Конечно, в газетах появились сообщения, но на этот раз не было смешных карикатур ребенка, играющего в теннис.

Прошло два с половиной месяца, прежде чем я почувствовала, что вновь могу взять в руки ракетку и возобновить тренировки. Однако периодически мучили судороги в правой ноге. Вскоре после того как я начала бегать, икроножная мышца, которую я повредила в Америке перед беременностью, стала давать о себе знать. Доктор в Перте сказал, что это «хронический разрыв» и никто не в состоянии что-либо сделать. На подготовку к предстоящим соревнованиям у меня было всего лишь

пять недель. Однако все, что я могла пока делать на корте, это стоять на задней линии.

В отчаянии я позвонила Стэну Николсу, старому тренеру в Мельбурне, который однажды уже помог мне в такой же ситуации. По его предложению я приехала в Мельбурн, чтобы он мог осмотреть мою ногу. Стэн сказал:

— Если в течение недели в процессе лечения мышца начнет восстанавливаться, ты сможешь опять играть. Если нет, забудь о теннисе.

Стэн начал делать мне, как он говорил, глубокий массаж, растирая пальцами затвердения в области пораженной мышцы. Это было болезненно, но эффективно. Он также предложил для меня специальную программу занятий со штангой с использованием машины, оказывающей давление на больную ногу. Я должна была лежать на спине и поднимать ногу, к которой был прикреплен вес. Постепенно я была в состоянии делать это обеими ногами. Было очень тяжело. Ночью у меня все так болело, что я почти не могла спать. Чувствовала себя так, как будто меня целый час прокручивали в стиральной машине. В конце второй недели я спросила себя, а стоит ли вновь возвращаться в теннис такими нечеловеческими усилиями?

Но к тому времени у меня были уже определенные успехи. Каждое утро я ездила на стадион бегать и заниматься физической подготовкой. Сначала едва пробежала 30 ярдов, но к концу первой недели уже пять раз обегала арену.

Искусный массаж, который Стэн делал ежедневно, бег, поднятие тяжестей и специальные упражнения, направленные на укрепление мышцы, сделали чудо. Стэн был просто удивлен. Икроножная мышца восстановилась, боль исчезла.

Я признательна Стэну за то, что во второй раз он помог мне вернуться в теннис. Тренировки по его программе помогли мне сбросить вес до 145 фунтов. Это мой обычный вес.

По возвращении домой в Перт я продолжала заниматься в спортивном зале, готовясь к соревнованиям в ноябре.

В ноябре 1974 года я попросила Оуэна Вильямса в Йоханнесбурге заявить меня для участия в одиночных и парных соревнованиях. Моей партнершей была юная Диана Фромхольтс. В 1971 году я выиграла здесь и одиночную игру и пару и, в общем-то, намеревалась отстаивать оба свои титула.

Тем временем Диана, которой было восемнадцать лет и которая отчасти была моей протеей, приехала ко мне в Перт в конце октября. С одной стороны, играть с Дианой мне было интересно и полезно — в ее активе были победы над Джулией Хэлдман, Джуди Тегарт и Карен Крантцке, с другой стороны, я могла продолжать тренировать ее, что делала уже какое-то время.

Диана родилась и выросла в моем родном городе и научилась играть в теннис на тех же старых кортах в Албери. Но я практически не знала ее до тех пор, пока она не стала одной из самых многообещающих молодых австралийских теннисисток.

Ко мне Диану привел ее отчим Джек Льюис, когда ей было шестнадцать лет. Я знала Джека в Албери и играла с ним в теннис много лет назад, но даже не предполагала, что он как-то связан с Дианой. В Англии я наблюдала, как играет Диана, и поняла, что у нее большие потенциальные возможности. Она левша с очень мощным ударом справа и хорошей подачей. Я чувствовала, что как раз сейчас ей нужно помочь и она быстро начнет прогрессировать. Я очень люблю учить (особенно таких способных игроков, как Диана) и согласилась тренировать ее в Перте, прежде чем она начнет зарубежные туры в начале 1974 года.

На корте Диана оказалась очень старательной и умной ученицей. Все три недели мы работали по три часа ежедневно. Я учила ее «теннисным моделям» — как, например, выходить к сетке, помедлить, а затем, имея в запасе массу вариантов удара слева, послать мяч на сторону противника. У нее был слишком большой замах при ударе слева, и мы несколько изменили его. Ее крученный удар справа очень хорош, но она не умела подрезать мяч. Так как не всегда можно выходить к сетке с крученым, я научила ее подрезать мяч и при ударе слева и при ударе справа. У нее также был слишком большой

замах при подаче, потому что она забрасывала мяч за голову. Я показала ей, как уменьшить замах и наклоняться вперед при подаче и выходе к сетке. Слишком широко она замахивалась и при ударе с лёта, вместо того чтобы просто подставлять ракетку под мяч.

Я очень люблю обучать теннису и передавать те навыки, которые привили мне такие тренеры, как Джерри Тигарден и Дэннис ван дер Меер. Работать с таким талантливым человеком, как Диана, просто удовольствие, но я люблю и учить самим основам тенниса, как это приходится делать в Таксоне. Я очень терпелива с новичками и радуюсь их успехам. Считаю тренерскую работу очень благодарной.

В этом отношении я отличаюсь от большинства ведущих игроков — немногие способны выйти на корт и показать другим, как надо играть. Все еще помню то, чему меня учили Уол Раттер и Кейт Роджерс, когда только начинала. Воспитанная вдали от больших городов, абсолютно неиспорченная, я, вероятно, имела хорошие физические данные и определенное чувство стиля, но мне приходилось очень много работать над своими ударами. У меня был большой замах, слишком большой, и я играла очень рискованно. Никогда особо не думала, прежде чем ударить по мячу. Не умела направлять мяч, не было у меня и резаного удара. Конечно, когда начала ездить, у меня просто глаза открылись, и я увидела совершенно новый для себя теннис. На земляных кортах Европы я узнала, что нельзя просто подкрутить мяч и бить навывлет — мяч возвратится к тебе. Мне стало нравиться играть на земле, так как я начала больше задумываться над своими ударами и над тем, что делаю на площадке. Обучая начинающих, стараюсь как можно больше упростить игру.

Я люблю работать с молодежью, которая делает первые шаги в теннисе. Когда учишь их, то волей-неволей вспоминаешь те основы тенниса, которые с годами забываются. А это очень полезно — думать о технике своих ударов.

Мне кажется, детей не следует учить играть в теннис слишком рано. Идеальный возраст — лет восемь-десять, когда они уже могут держать ракетку. Никогда не следует принуждать ребенка: если он захочет, то будет играть. Игра слева двумя руками является результатом того, что ребенка начали обучать теннису, когда он еще

не мог удерживать ракетку одной рукой. Ну, конечно, теперь, когда есть такие звезды, как Крисс Эверт и Джимми Коннорс, играющие слева двумя руками, дети просто подражают им. И даже те, кто легко может играть слева одной рукой, предпочитают держать ракетку двумя руками. Крисс, Джимми и другие прекрасные игроки настолько талантливы, что могут и двумя руками играть слева превосходно. А в целом это ненадежный удар.

Для большинства игроков очень сложно, а то и совсем невыносимо отбить двумя руками слева мяч с лёта, так как возможности при этом очень ограничены. Трудно двумя руками подрезать мяч, чтобы выйти к сетке. Обычно можно выполнить лишь один удар, играя с лёта слева двумя руками. Мне кажется, что мода держать ракетку двумя руками уже проходит.

Турнир 1974 года в Йоханнесбурге был сложным. Хотя я не играла почти год, меня «посеяли» первым номером, и организаторы представляли меня как «первую ракетку мира». Они, однако, не писали о том, что я долго не выступала, и большинство болельщиков об этом ничего не знали. Я считала, что для меня совсем неплохо было дойти до полуфинала в одиночном разряде, но когда я проиграла Диане в двух сетах, газеты представили это как сенсацию. А между тем, если учитывать то, что я год не играла, а Диана сделала большой скачок вперед, такого результата можно было ожидать. В заключительном матче турнира в финале Диана проиграла более опытной Карен Мелвилл.

Вместе с Дианой мы играли в паре и дошли до финала, где проиграли Кэрри и Илане Клосс в двух сетах. Самым большим событием турнира был для меня финал смешанных пар, в котором мой старый партнер из Чикаго Марти Риссен и я обыграли Илану и Юргена Фассбендера.

Турнир ужасно утомил меня. Я поняла, что на этот раз мне будет значительно труднее возвращаться к теннису. К тому же я была на два года старше, чем тогда, после рождения Дэнни. Но в целом я была довольна своим выступлением и полна решимости продолжать играть. Мое настроение еще больше улучшилось, правда несколько преждевременно, во время моего второго турнира — первенства Западной Австралии в Перте.

Меня «посеяли» третьим номером после Ольги Морозовой из СССР и Ивонн Гулагонг, но я обыграла Кэрри

Мелвилл в полуфинале и выиграла финал у Ольги. Оглядываясь назад, надо признать, что лучше было бы проиграть в четвертьфинале. Победа уверила меня в том, что я полностью вернулась в прежнюю форму, и я немного ослабила свои тренировки и подготовку к открытому первенству Австралии. В четвертьфинале этих соревнований, которые проводились в клубе «Куйонг» в Мельбурне, я понесла заслуженное наказание. По какой-то причине мой четвертьфинальный матч с Мартиной Навратиловой проходил не на стадионе, а на корте, расположенном за ним. Громкоговорители гремели там на полную мощь, отчетливо был слышен шум проходящих поездов. Условия были ужасные, я никак не могла собраться на игру и проиграла Мартине в двух сетах. И вновь газеты писали о неожиданном результате, но уже не с таким удивлением.

Она одна из лучших молодых теннисисток, которые в большом количестве появляются сейчас. Причиной тому значительное увеличение сумм призовых денег. Будущее в теннисе принадлежит Мартине, Ивонн, Крисс, Диане и Ольге Морозовой. Я с нетерпением жду ту увлекательнейшую борьбу, которую эти теннисистки поведут между собой. Ольга — лучший игрок из России, и я надеюсь, что ее успех вдохновит новых игроков из этой страны.

Глава 25

И СНОВА «ВИРДЖИНИЯ СЛИМС»

После рождения Марики я много думала, стоит ли соглашаться на участие в длительной серии турниров, так как мне очень не хотелось уезжать из дома. Мы с Бэрри основательно, но с удовольствием потрудились, приводя его в порядок. Теннисный корт был нашей мечтой, но строить его оказалось крайне трудно. Когда мы принялись за строительство, один из наших соседей пожаловался в местный совет. Он заявил, что корт заслонит вид на реку и что я собираюсь использовать его в коммерческих целях. Все это было неправдой. Совет рассмотрел его претензии и разрешил нам продолжать строительство, однако вынес решение о том, что я не имею права давать на корте платные уроки и что мы должны выключать свет над ним не позже половины одиннадцатого вечера.

Мы торжественно отметили открытие нашего корта. А в середине января 1975 года отправились в Вашингтон, округ Колумбия, для выступления в закрытых помещениях на турнирах «Вирджиния Слимс».

Мы решили на неделю задержаться в Лос-Анджелесе, чтобы можно было основательно позаниматься с Дэннисом ван дер Меером, который раньше так часто помогал мне. Я чувствовала, что подаю и принимаю с лёта хорошо, но очень неуверенно бью по мячу после отскока, особенно при приеме подач. Мы работали интенсивно, по несколько часов в день, и в Вашингтон на первый турнир серии «Вирджиния Слимс» я прилетела, будучи более или менее уверенной в себе. Однако я по-прежнему нервничала при мысли о том, насколько успешным будет мое возвращение в теннис.

Я не участвовала в подобных турнирах пятнадцать месяцев. За это время произошли определенные изменения. Крисс Эверт стала игроком номер один как по спортивным результатам, так и по выигранным призовым суммам. Билли Джин Кинг поговаривала об уходе и отказалась участвовать в турнире как раз накануне того, как я приняла решение вернуться. Она уверяла, что ее многочисленные увлечения и предприятия, в числе которых новая работа в качестве телекомментатора и издателя спортивного журнала для женщин, отнимали почти все время. Билли Джин — одна из величайших спортсменок мира. Потому я сомневалась, что она сможет так просто уйти из спорта. Билли Джин почти на полтора года моложе меня, и до заката ее таланта еще далеко. К тому же у нее серьезные финансовые проблемы. «Теннисная Америка» — всеамериканская теннисная программа, с которой были связаны она, ее муж, обанкротилась, причем акционеры понесли крупные потери. Трудно было поверить, что Билли Джин уйдет из тенниса еще и потому, что своими спортивными выступлениями она в состоянии была заработать немало денег.

Тем не менее ее отсутствие на турнире облегчило всем существование. Когда Билли Джин рядом, обстановка всегда накалена. Она нагнетает страсти и на корте и вне его — таков уж ее характер.

Я уверена, что многие игроки не слишком обрадовались, узнав, что я буду участвовать в турнире и намерена его вновь выиграть. Чем больше денег достанется мне, тем меньше остальным. Поэтому, когда я прибыла в Ва-

шингтон для участия в том турнире, а это был третий турнир из серии «Вирджиния Слимс», многие приветствия были далеко не чистосердечны.

Нас пятерых поселили в отеле в нескольких милях от школы в Ферфаксе, в Вирджинии, где проходили состязания. К счастью, Марика — здоровый ребенок и оказалась прекрасной путешественницей. Завтракали и обедали мы все вместе в номере, так что было довольно тесно и шумно. Но я не согласилась бы путешествовать без семьи: некоторые неудобства — небольшая плата за то, чтобы быть всем вместе. К тому же мы быстро убедились в том, что путешествовать с двумя детьми не намного сложнее, чем с одним.

Вскоре я вновь освоилась с напряженной программой турниров «Вирджиния Слимс», с ежедневными матчами и бесконечными переездами. Огромные толпы полных энтузиазма зрителей были приятным контрастом по сравнению с маленькими трибунами стадионов в Австралии. Я постепенно обретала обычную спортивную форму. В первом турнире дошла до четвертьфинала, уступив в трех сетах Керри Мелвилл прежде всего потому, что играла недостаточно уверенно, особенно на приеме подач. После двух месяцев соревнований в помещении я еще не привыкла играть на воздухе, плохо видела мяч. Sensацией вашингтонского турнира была юная Мартина Навратилова, которая в четвертьфинале победила «посеянную» первым номером Крисс Эверт на буллитах в третьем сете. Затем она нанесла поражение Вирджинии Уэйд, потом Керри Мелвилл и в результате выиграла свой первый, но, конечно, не последний турнир в серии «Вирджиния Слимс».

На следующей неделе в Акроне, в штате Огайо, я в очень упорной борьбе победила Ольгу Морозову и вышла в финал, где встречалась с Крисс Эверт. Мы играли три сета. Матч получился ужасно длинный. Победила Кресси, выиграв три последних гейма после счета 3:3. Естественно, меня огорчил результат, но это был именно тот матч, в котором я по-настоящему нуждалась.

Третий турнир проводился в Чикаго при огромном скоплении зрителей. Он был особенно важен для меня. Я одержала первую победу в серии «Вирджиния Слимс», обыграв Мартину Навратилову, успешную статью любимицей публики, в трех сетах — 6:3, 3:6, 6:2. В турнирах «Вирджиния Слимс» нечасто приходится играть матчи

из трех сетов, но за прошедшие недели у меня было три таких матча. Я сама была обрадована своей игрой, победой над Мартиной, и особенно тем, с каким напором провела последний сет. Я вновь обретала свою игру.

Думая о будущем, я знаю, что у меня много перспектив, особенно теперь, когда женский теннис приобрел такую популярность. Однако я уверена — больше никогда не буду жить в таком сумасшедшем темпе, как жила в тот год, когда с начала января до середины октября 1973 года сыграла двадцать пять турниров (не считая матча с Риггсом). Во время этих турниров у меня практически не было ни одного свободного дня. Я так больше не смогла бы. Зимой мы обычно играли поздно вечером, а я всегда выступала и в одиночном и в парном разрядах. Порой мне приходилось оставаться на кортах до часа ночи. Когда же я наконец добиралась до кровати где-то около двух часов, то напряжение дня не ослабевало — уснуть было невозможно. А на следующий день все начиналось сначала.

Я не строю планы на далекое будущее — в моем возрасте, я понимаю, не так долго осталось выступать в соревнованиях самого высокого ранга. Я живу сегодняшним днем. Кто знает, какая неожиданность подстерегает спортсмена? Но я буду знать, когда придет время уйти. Это произойдет, когда я буду проигрывать чаще, чем выигрывать. Я никогда не смогу удовлетвориться ничем, кроме места на самой вершине.

После моего возвращения, куда бы я ни приезжала, на всех пресс-конференциях, в телевизионных интервью мне задавали один и тот же вопрос:

— Почему в тридцать два года, имея двоих детей, выиграв все возможные титулы и не нуждаясь в деньгах, вы продолжаете играть?

— Я награждена умением играть в теннис, — отвечаю я.

Я думаю, мне осталось играть два или три года. И я буду играть до тех пор, пока буду выигрывать.

«Я, вероятно,
имела хорошие данные
и определенное
чувство стиля,
но мне приходилось
много работать...
Несмотря на все
мои достижения
в течение
стольких лет,
я чувствую себя
безымянным
чемпионом».

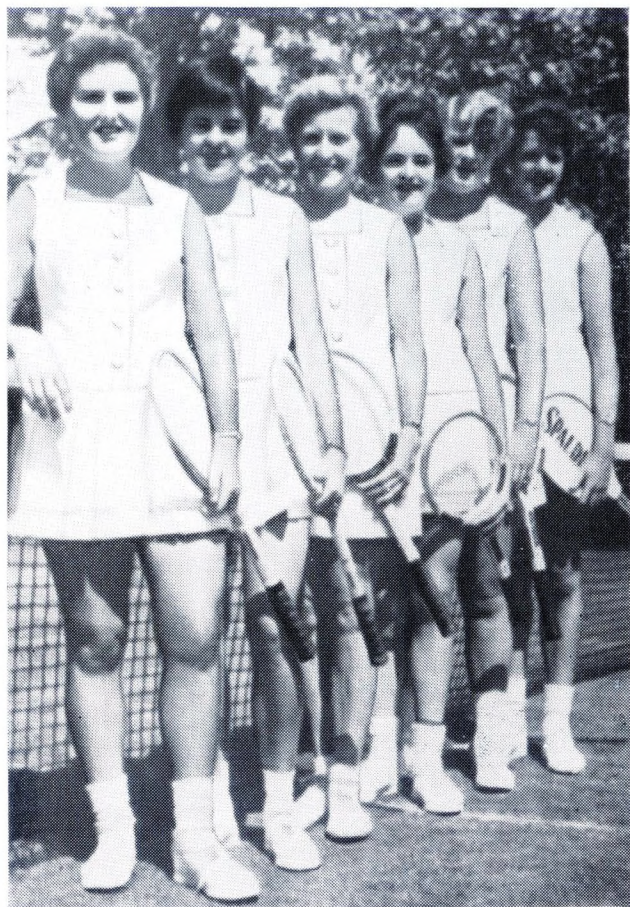
Эти слова
большого мастера
тенниса и
скромного человека
хорошо дополняет
фотоглава.

●
Албери...

руководством
Николса

●
В тот несчастный год с миссис Хопман

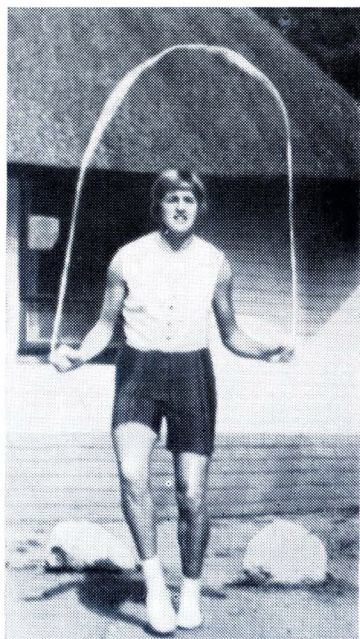
●
Два обладателя Бльшого
шлема (слева Род Лейвер)

●
Норман Брукс, первый австралийский теннисист — чемпион Уимблдона (1907 г.), и первая австралийская теннисистка — чемпионка Уимблдона (1963 г.)

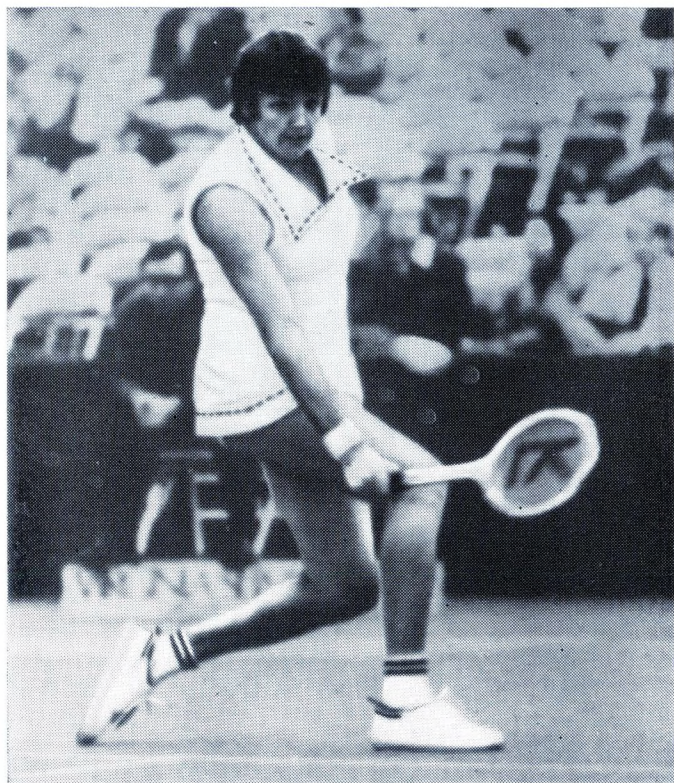
●
В одном из турне с Тони
Роche, Лесли Тернер
и Джоном Ньюкомбом

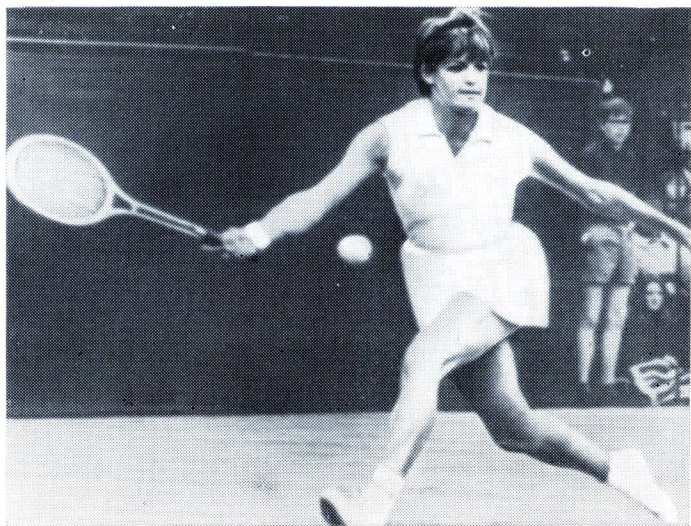
●
Легкая тренировка

●
1965 год — год, когда вместе с Лесли Тернер, Джуди Тегарт мы выиграли Кубок Федерации

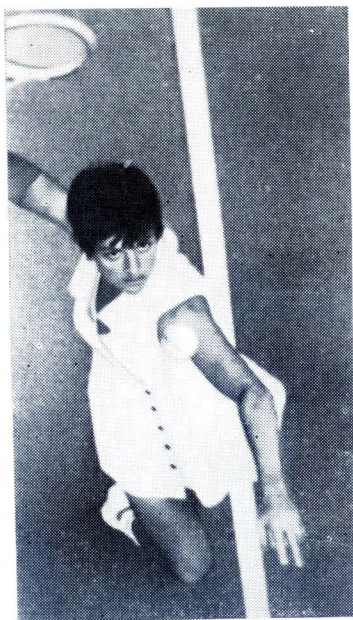
●
Удар слева во встрече с Франсуаз Дюрр

●
Удар справа. Кажется, я потеряла мяч
из виду

●
14 сентября 1970 года. Я стала
чемпионкой Англии, Австралии, Франции
и Соединенных Штатов Америки

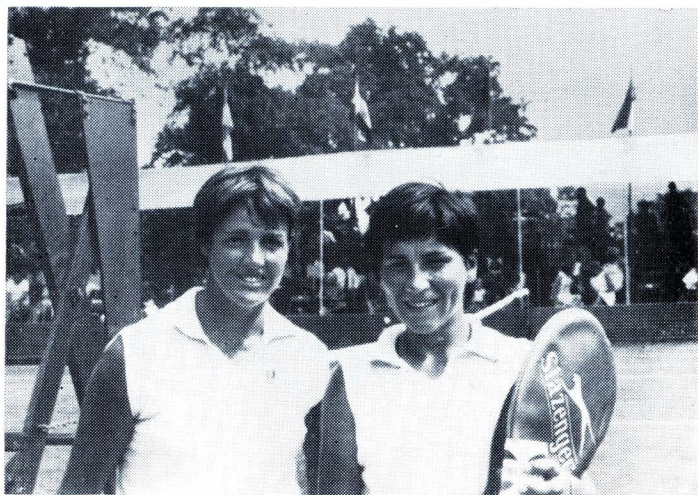

● С Билли Джин Кинг сразу после окончания турнира «Вирджиния Слимс» в 1973 году

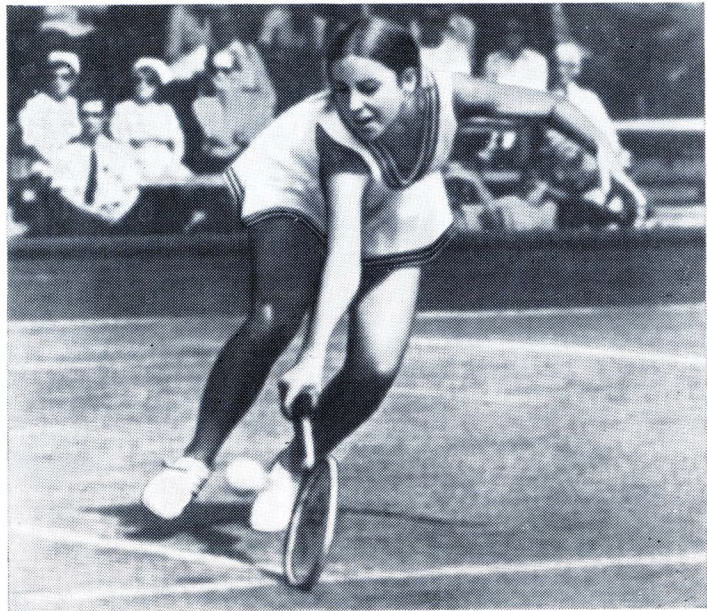
● Атакующая подача

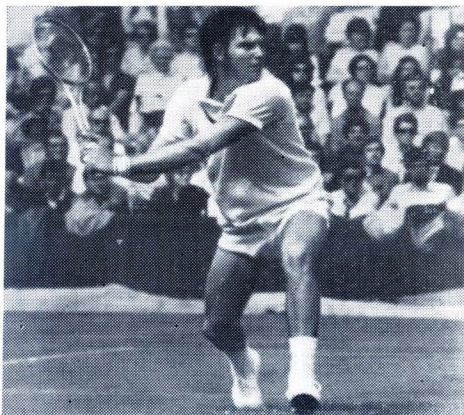
●
Вся семья в сборе

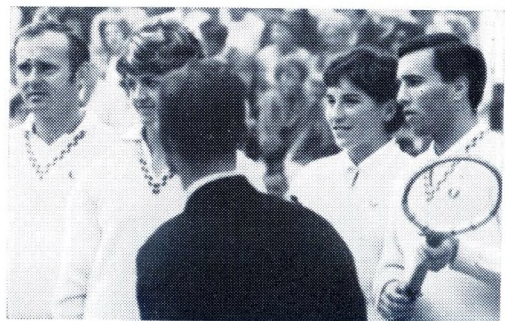
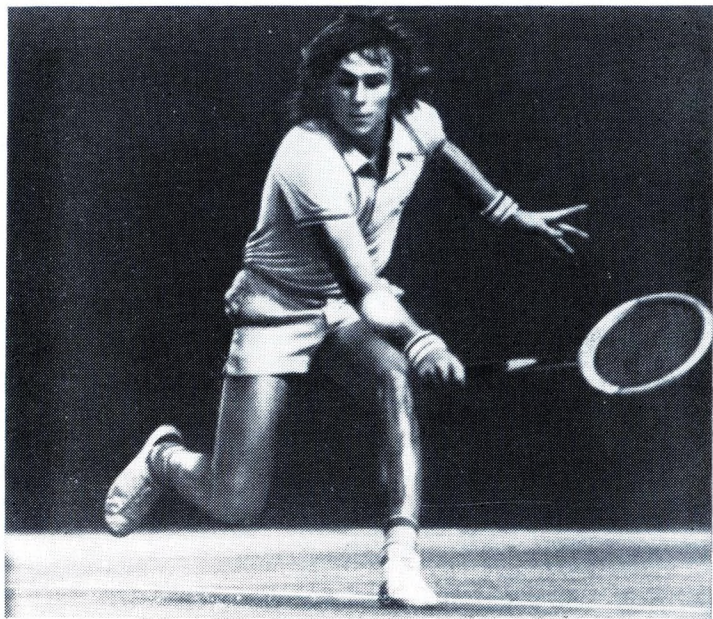
●
Вместе с Ольгой
Морозовой

●
Крисс Эверт

●
Джимми Коннорс

●
Бьёрн Борг

●
Против пары Александр Метревели
и Ольга Морозова

28*

●
Техника ударов Маргарет Корт

1 р. 10 к.

М. КОРТ Д. МАК-ГЕНН

Маргарет Корт —
неоднократная
победительница
Уимблдонского турнира
в одиночном, парном и
смешанном разрядах.
Многочисленная чемпионка
открытых первенств
Австралии, Италии,
Франции, США...

